

ISSN 1992–7940

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 4

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

Учредители

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет»

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. — председатель (Барнаул), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.Д. Цветкова, к.ф.н, доцент (Казахстан, Павлодар), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

П.В. Алексеев (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), М.П. Гребнева, В.В. Десятов, В.Н. Карпухина, И.Ю. Колесов, Л.М. Комиссарова, А.И. Куляпин, Е.В. Лукашевич, В.Д. Мансурова, С.А. Осокина, Ю.В. Трубникова, Л.Н. Тыбыкова

Секретариат

О.А. Ковалев, С.Б. Сарбашева

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, Институт гуманитарных наук, оф. 405а.
Тел.: 8 (3852) 296617. E-mail: sovet01@filo.asu.ru

Адрес на сайте АлтГУ: <http://journal.asu.ru/pm/>

Адрес в системе РИНЦ: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=25826

Адрес в Open Journal System: <http://journal.asu.ru/pm/index>

ISSN 1992–7940

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Н.Д. Голев, Н.Б. Лебедева.** Филология как социальная деятельность. Часть 1: О профессии «филолог» и высшем филологическом образовании в России..... 7
- К.И. Бринев, Н.И. Тюкаева.** О прагматических свойствах высказываний с оскорбительной номинацией лица (лингвистическая экспертиза и инвективное функционирование языка) 31
- Э.С. Денисова, Д.Е. Юминова.** Специфика кино-/ видеоперевода реалий китайской культуры на русский язык (на материале художественных фильмов) 49
- А.С. Черкасова.** Кристаллизация концепта MONEY в романе Р. Баха «Мост через вечность: история любви» («The bridge across forever: a lovestory»)..... 72
- Е.В. Михайловская, Ю.И. Щербинина.** Особенности вертикального контекста современной британской короткой прозы 86
- В.Б. Семёнов.** Анонимная английская поэма XIV в. «The King of Tars»: ксенофобия как модальность сюжетных и языковых мотивов..... 104
- Е.В. Тырышкина, Г.М. Маматов.** Творчество Р. Вагнера в художественной рецепции Б. Поплавского..... 119
- А.С. Шмакотина.** Стихотворение как текст и как песня (на материале лирики И. Бродского 70-х и 80-х годов) 138
- Л.Е. Ильина, Л.В. Ромасенко.** Антропология и этнология как научные основы изучения народного творчества: на примере исследований французских ученых 153

Научные сообщения

М.В. Крат. «Ложные друзья переводчика» в финансово-экономическом лексиконе (на материале английского и русского языков).....	169
О.А. Калашникова, А.В. Самойлова. Особенности фразеологической лексики англоязычного военно-политического дискурса.....	181
А.И. Куляпин. Край света в центре Азии: Барнаул в романе Сергея Залыгина «После бури».....	195
Т.А. Богумил. Сибирь как пространство (анти)утопии в творчестве В. Сорокина.....	204
Г.М. Алтынбаева. Проблема взаимоотношений человека и искусственного интеллекта в романах Виктора Пелевина «S.N.U.F.F.», «iPhuck 10», «TRANSHUMANISM Inc.».....	215

Люди. Факты. События

Т.А. Семилет. Культура написания художественного текста: нормы, принципы, правила. Рецензия на книгу Е. Звонцовой «Причещи меня. Твой текст. Редактура художественной прозы: от стиля до сюжета». М.: Издательство МИФ, 2022. 352 с.	226
Резюме	230
Содержание журнала за 2023 год	244
Наши авторы	248

CONTENTS

Articles

- N.D. Golev, N.B. Lebedeva.** Philology as a Social Activity: Sociophilological Analysis of Mental and Linguistic Situation in Modern Russia. Part 1: About the Profession of “Philologist” and Higher Philological Education in Russia..... 7
- K.I. Brinev, N.I. Tyukaeva.** On the Pragmatic Properties of Statements with an Offensive Nomination of a Person (Linguistic Expertise and Invective Functioning of Language) 31
- E.S. Denisova, D.E. Yuminova.** Specifics of Film-/Video Translation of the Realities of Chinese Culture into Russian (Based on the Material of Feature Films) 49
- A.S. Cherkasova.** Crystallization of the Concept MONEY in R. Bach’s Novel The bridge across forever: a lovestory 72
- E.V. Mikhailovskaya, Yu.I. Scherbinina.** The Vertical Context of Contemporary British Short Prose..... 86
- V.B. Semenov.** Anonymous English Poem of the 14th century The King of Tars: Xenophobia as a Modality of the Plot and Language Motives 104
- E.V. Tyryshkina, G.M. Mamatov.** The Oeuvre of R. Wagner in Boris Poplavsky’s Creative Reception..... 119
- A.S. Shmakotina.** Poem as Text and as Song (Case Study of J. Brodsky’s Lyric Poetry of the 1970s and 1980s) 138
- L.E. Ilyina, L.V. Romasenko.** Anthropology and Ethnology as Scientific Bases for Studying Folk Art: as Illustrated by French Researchers..... 153

Scientific reports

M.V. Krat. “The Translator’s False Friends” in the Financial and Economic Lexicon (Based on the Material of English and Russian Languages)	169
O.A. Kalashnikova, A.V. Samoylova. Characteristics of Phraseological Lexis in English Military-Political Discourse.....	181
A.I. Kulyapin. The Edge of the World in the Center of Asia: Barnaul in Sergey Zalygin’s Novel “After the Storm”	195
T.A. Bogumil. Siberia as a Space of (Anti)utopia in the Works of V. Sorokin.....	204
G.M. Altyimbaeva. The Relationship between Human and Artificial Intelligence in Victor Pelevin’s Novels “S.N.U.F.F.”, “iPhuck 10”, “TRANSHUMANISM Inc.”	215

Reviews

T.A. Semilet. Standards of Fiction Writing: Norms, Principles, Rules. Review of the Book by E. Zvontsova «Comb Me. Your Text. Editing Fiction: from Style to Plot». M.: Myth Publishing House, 2022. 352 p.....	226
Summary	230
Issues content for 2023	244
Our authors	248

СТАТЬИ

ФИЛОЛОГИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧАСТЬ 1: О ПРОФЕССИИ «ФИЛОЛОГ» И ВЫСШЕМ ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИИ

Н.Д. Голев, Н.Б. Лебедева

Ключевые слова: филология, филолог, институализация, филология — деятельность, филолог — профессия, филология — учебная дисциплина, ментально-образовательная ситуация, социофилологический метод.

Keywords: philology, philologist, institutionalisation, philology-activity, philologist-profession, philology as an academic discipline, sociophilological method.

DOI 10.14258/filichel(2023)4-01

Введение

Объект настоящего исследования — феномен и понятие, составляющие содержание термина «филология». Филология трактуется в статье как разновидность социальной деятельности, востребованной в материальной и духовной жизни общества. Использование языка пронизывает социальную жизнь человека. Продуцирование качественной речевой продукции, эффективная реакция на нее, работа с текстами — все это связано со многими сферами жизнедеятельности человека. Это предполагает наличие в обществе эффективной системы филологического образования: школьного (направленного на социализацию — будущую социальную жизнь школьника) и высшего (направленного на приобретение профессии студентом — будущим специалистом).

Проблема, исследуемая в статье. Исходная посылка статьи — взаимодействие названных сфер в российской социальной действительности, которое оценивается нами как недостаточно эффективное. При этом мы квалифицируем сами эти запросы на филологическую деятельность в обществе и стране как достаточно сильные и социально значимые. Это противоречие реальных потребностей российского общества в различных видах филологической деятельности и их образовательная «неоформленность» в системе высшего и среднего образования состав-

ляет главную онтологическую проблему, исследуемую в статье. В частности, на данный момент отчетливо прослеживается проблема, возникшая вследствие несоответствия содержания профессии филолога и ее обыденного и официального наименований. Так, в дипломе о высшем образовании — официальном документе выпускников в области филологии для бакалавров классических университетов — записано: «Филолог. Преподаватель»¹. Конкретизация этой записи в «Общероссийском классификаторе профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов (ОКПДТР-2023)» показывает, что профессия «филолог» официально существует только в научном формате в двух вариантах: 1) индекс 2405: научный сотрудник (в области филологии), 2) индекс 26641: стажер-исследователь (в области филологии).

Такова реальность трудоустройства выпускника-филолога классического университета. Официальное сужение филологических профессий не соответствует социальной роли филологии: объективно сферы филологической деятельности в обществе и государстве обширны [Аникина, 2021; Ким, 2010; 2020]. Филолог как специалист в области языка и литературы может на практике зарекомендовать себя с положительной стороны, работая в государственных учреждениях, частных офисах, на просторах Интернета или участвуя в общественной жизни. Но все это требует специализированной подготовки — общей в бакалавриате и узкоспециальной в магистратуре. Ничего этого не происходит в реальности. В частности, магистратура — углубленный бакалавриат, на выходе того и другого студенты защищают ВКР по темам, далеким от их будущей профессиональной деятельности. Их производственная практика также приравнивается к преддипломной практике, в ходе которой формируется исследовательская компетенция. Работа в СМИ и рекламе, экспертная и рекламная деятельность, профессии блогера и спичрайтера — все подобные виды практической деятельности являются для филолога одними из самых распространенных. А в ключе активно развивающихся технологий и общества совершенствуется и учение о тексте, языках. Модернизируются привычные социально значимые профессии, рождаются новые виды деятельности, связанные с филологией, и, с точки зрения общественных потребностей, занимают категорию востребованных, важных наук и профессий. В дипло-

¹ Таким образом, наряду с оппозицией педагогического образования и образования в «классических» университетах, бакалавриата и магистратуры, появляется еще и оппозиция советского и российского филологического образования. Является ли различие формулировки социально значимым? Или мы имеем дело с еще одной не слишком вразумительной оппозицией в реальных результатах высшего филологического образования.

ме выпускников советских университетов была другая запись: «Присвоена квалификация „Филолог. Преподаватель русского языка и литературы“». Остается открытым вопрос относительно записи специальности в дипломе: в чем принципиальное отличие между записями «Филолог. Преподаватель» и «Филолог. Преподаватель русского языка и литературы». Подчеркнем в связи с этим важность включения в запись в дипломе узкой сферы (специалист в области русского языка и литературы, а не просто преподаватель любой дисциплины), что дает будущему специалисту большую возможность выбора будущего места работы.

Гипотеза исследования заключается в том, что образовательные структуры в лице высших и средних учебных заведений отражают социальный запрос общества нецеленаправленно и несистемно.

Актуальность исследования. Мы разделяем мнение И.Е. Кима: «Серьезной филологической подготовки требуют все профессии, которые предполагают интенсивное общение с людьми: социального работника, психолога, менеджера, рекламного агента, политического деятеля. В связи с этим возросла роль филологического образования» [Ким, 2010, с. 44], к этому важно добавить: не только возросла, но и возрастает далее, а также подчеркнуть в связи с этим, что филологическое образование, чтобы ответить на такой вызов, должно стать социально ориентированным, что равнозначно — коммуникативно ориентированным. Сходные мысли находим в статье [Попова, Бондаренко, 2017]. Варианты стратегий и тактик реализации этих тезисов даны в работах [Макарова, 2018; Маликова 2022; Волков, 2021].

В настоящей статье представлены результаты исследования проекции потребности общества в филологической деятельности, с одной стороны, в сферу высшего и среднего образования, с другой стороны — в сферу обыденного метаязыкового сознания. Нас интересует понятие «филология» в структуре ментально-образовательной ситуации, сформированной взаимодействием социальной и образовательной сфер в Российской Федерации, и ее отражение в обыденном сознании (см. об этом понятии: [Голев, 2003]). И.Е. Ким [2020] так полемически охарактеризовал ситуацию неопределенности понятия «филолог» в общественном сознании: «Мои знакомые физики утверждали, что филологи обществу не нужны и даже вредны, потому что они не создают ничего материального, в отличие, конечно, от физиков. Я же на это отвечал уклончиво и абстрактно, что мощное развитие гуманитарных наук свидетельствует о благополучии общества». (См. также о понятии филологии в общественном сознании россиян [Барашева, 2015; 2016].)

Материал исследования. Во-первых, официальные документы, раскрывающие правовую сторону филологической социальной деятель-

ности (федеральные и региональные документы, внутривузовские учебные планы и программы, а также учебники по курсам «Введение в специальность» и «Основы филологии»); во-вторых, опросы основных субъектов филологической деятельности в российском социуме (студентов, преподавателей вузов, учителей школ, библиотекарей, работодателей, родителей). В качестве источника материала для изучения общественного мнения в исследовании активно использовались данные Рунета.

Методы исследования. Исследовательский подход, применяемый в статье, — комплексный и междисциплинарный, он объединяет социофилологический (по аналогии с социолингвистическим) и социопедагогический подходы². Частные методы, применяемые в статье:

— статистический анализ документных источников в виде учебных планов, учебных программ и учебных пособий высших учебных заведений по направлению 45.03.01 Филология;

— метод социологического опроса — анкетирование участников дидактической коммуникации, связанной с филологическим образованием.

Логика сюжета и структура статьи. Логика построения статьи определяется ее основной целевой установкой — рассмотреть причинно-следственные отношения между филологией как социальной деятельностью и ее институционализацией в системе российского трудового законодательства и образования (вузовского и школьного). В первой части статьи представляется научная сторона понятия «филология», во второй филология рассматривается как компонент системы российского вузовского филологического образования в аспекте его направленности на профессионализацию студентов (на примере учебных пособий, программ и планов по филологии), в третьей анализируется система школьного образования в аспекте ее направленности на социализацию школьника и отражения в связи с этим школьного образа филологии в массовом сознании россиян.

Результаты исследования

Филология как научная дисциплина

Понятие и термин «филология» имеют долгую историю. Основные линии их развития: от неопределенного ко все более определен-

² Термин «социофилологический метод» использует Т.И. Фролова в другом смысле — применительно к исследованию медиакоммуникаций в филологическом аспекте [Фролова, 2013, с. 66]. Термин «социопедагогический метод» достаточно частотен, см., например: [Беловолов и др., 2019]; данный метод входит в более широкое методологическое понятие — «педагогическое моделирование» [Козырев, 2015].

ному: от представления к понятию³, от стихийного к рациональному. На античном, стихийном этапе «само слово „филология“ имело разный смысл» [Степанов, 1997, с. 592], оно восходит к греческому глаголу “philologeō” (любить науки, стремиться к учению) и слову “logos” с широким и неоднозначным смыслом, одно из значений которого — «слово» («прилежный к словам, изучающий слова», в оппозиции философии — «любящий знание, мудрость — „софию“») — сформировалось позже [Степанов, 1997, с. 592].

Темы «Понятие и термин „филология“», «Филология как наука» уже многократно рассматривались в диахронической перспективе и современном состоянии. Ученые фиксировали изначальную многоликость и изменчивость филологии, выявляли закономерности ее развития, обусловленные спецификой эпохи и национальными особенностями науки и культуры [Степанов, 1997; Чувакин, 2012; Тимирханов, 2017], стремились придать термину конкретность и определенность смысла. Нет необходимости расширять и углублять эту сторону решаемой проблемы.

Мы акцентируем внимание в истории вопроса на линии развития понятия «филология», связанной с переходом от широкого представления о филологии, включающего в себя помимо научного компонента также практический компонент, связанный с работой над письменными текстами, их толкованием⁴, разбором поэтических текстов, созданием библиотек, обучением риторике (грамматическому искусству) [Чувакин, 2012, с. 7]. Такое широкое представление о филологии было в начальном этапе ее возникновения, в частности, в античном мире. Лишь в первой половине XIX в. складывается филология как наука [Чувакин, 2012, с. 8]. В многоликой эволюции понятия «филология» нас интересует момент **деактуализации** в нем **практического компонента** (семы) при доминировании смысла «наука, теория».

Наукоцентризм в понимании филологии в учебных пособиях — отражение научного представления о филологии, с одной стороны, — в самой науке (так, термин «филология» трактуется исключительно как научная дисциплина в «Словаре лингвистических терминов» (О.С. Ахманова), в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (ред. В.Н. Ярцева), в Энциклопедии «Русский язык»); с другой стороны, — в массовом созна-

³ «Если мы умеем указать раздельно, один за другим, признаки предмета, мы обладаем понятием, если же мы не в состоянии этого сделать, мы находимся на стадии представления» [Ветров, 1958, с. 43]. В цитате говорится прежде всего о родовых и видовых (дифференцирующих) признаках предмета.

⁴ Речь идет прежде всего о толковании религиозных и правовых текстов, которые в определенный момент времени устаревали и становились непонятными для многих людей.

нии, в том числе преподавателей и студентов, опросы последних показывают, что понимание филологии как «науки о русском языке и литературе» доминируют [Житнухина, 2011]. Подробный обзор и систематизация определений понятия «филология как наука» даны в работах [Махмурян, 2007; Степанов, 1997; Тимирханов, 2017; Чувакин, 2012, с. 35–67]. Из этих работ вытекает, что, как мы уже отметили ранее, развитие филологической науки шло и идет по линии все большей определенности и конкретизации. Тем не менее еще нельзя утверждать, что понятие «филология как наука» достигло уровня однозначного понимания в аспектах «объект», «предмет», «целевые установки и конкретные задачи», «структура». Анализ российских работ по данной тематике свидетельствует скорее о высокой степени плюрализма в понимании названных аспектов филологии. На наш взгляд, наиболее определенно и конкретно понимание объекта филологии представлено у Ю.С. Степанова, назвавшего в качестве такового «главное воплощение человеческого слова и духа — текст» [Степанов, 1997, с. 292]. Структуру филологии, по Ю.С. Степанову, определяет взаимодействие разных научных дисциплин — «как общих: языкознание (главным образом стилистика), литературоведение, история, семиотика, культурология, так и частных, вспомогательных: палеография, текстология, лингвистическая теория текста, теория дискурса, поэтика, риторика и др.» [Степанов, 1997, с. 292].

Нечеткость формулировок (дефиниций) понятия «филология как наука» несомненно сказывается и на понимании филологии как учебной дисциплины и социальной деятельности.

Филология как учебная дисциплина.

Филологическая профессионализация студентов в системе высшего образования классических университетов⁵

1.1. О понятии филологической профессионализации и ее статусе в классических университетах

Для высшего образования главной задачей является профессионализация учащейся молодежи. «Вся система подготовки специалистов

⁵ О термине «классический университет» скажем ниже. Темы «Филология в педагогических университетах» в настоящей статье мы не касаемся. Отсылаем к статье [Ахатова, 2007]. Единственное, что считаем возможным в этой связи отметить, — это социальную востребованность филологов — школьных учителей новой формации; см. об этом статью в журнале «Русский язык в школе» [Базылев, 2019; 2021]. Также не являются предметом нашего рассмотрения практика преподавания иностранных языков в вузе и школе, в том числе русского языка как иностранного, и переводческие аспекты вузовского образования.

в высшей школе, — пишет Н. В. Кузьмина, — в конечном итоге должна формировать у них не только специальные знания, умения и навыки, но и профессиональную направленность. Наличие или отсутствие ее у студентов является важным показателем деятельности вуза педагогической системы» [Кузьмина, 1970, с. 57]. На фоне такого целеполагания выявляется важная научная проблема, которая заключается в нечеткости самого понятия «филолог как профессия». Несмотря на то что в дипломе выпускников классических университетов записано «Филолог», в перечне профессий профессии филолог фактически нет. Гносеологический аспект очерченной проблемы мы находим в том обстоятельстве, что она фактически не изучается филологией как наукой. Запросы в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU на термины «филологическая деятельность», «социальная филология», «практическая филология», «профессия филолог» дают единичные отклики. Такая же картина наблюдается в учебной литературе. К тезису о неопределенном статусе понятия филологии в общественном сознании важно добавить еще факт различия понимания филологии в разных странах (см., например, об этом [Пузырева, 2015]).

Так, курс «Основы филологии» долгое время был обязательным для классических университетов, однако его содержание было и остается далеким от той социальной роли, в которой филология реально существует в нашем социуме. Например, в несомненно лучшем в РФ, централизованно утвержденном учебнике А.А. Чувакина «Основы филологии» в первом параграфе «Введения» зафиксировано, что филология — это «слово, практическая деятельность, знание и наука» [Чувакин, 2012, с. 5]. Однако дальнейшее изложение основ филологии сосредоточивается почти исключительно на научной стороне филологии. Основы филологии, согласно концепции А.А. Чувакина, — это история филологической науки от эпохи классической филологии (XIV–XV вв.) до современной антропоцентрической филологии. Практический компонент в пособии присутствует, но он направлен на формирование **исследовательской** компетенции студента. В частности, в главе 6 названного учебника основательно раскрываются методология и структура филологического исследования. Прочие филологические компетенции, имеющие ориентацию на социальную сферу, в том числе профессиональный выход, в пособии не упоминаются и не рассматриваются. Так, в учебной программе «Введение в общую филологию» С.И. Гиндин справедливо замечает, что «филология представляется не только методологической основой других гуманитарных и общественных наук, но и одной из практических служб, без которых не может существовать современ-

ное развитое общество» [Гиндин, 1998, с. 83] (выделено нами. — Н.Г.). Однако важный теоретический посыл второй части тезиса не находит в учебной программе С.И. Гиндина достаточной для дидактического использования реализации. Этот момент характерен для большинства учебных программ российских университетов по дисциплинам «Основы филологии», «Введение в филологию».

То же самое наблюдаем не только в теоретических декларациях и официальной документации, но и — и это главное — в практике филологического образования в классических университетах. Если судить по практике, то вершиной являются дипломные сочинения, в своем большинстве имитирующие научные исследования⁶. Такая массовость подготовки филологов-исследователей представляется социально не обоснованной. Вряд ли общество нуждается в массовом производстве Белинских и Пешковских. Прочие специализации представлены в учебных планах и программах несистемно и нецеленаправленно. Студенты плохо представляют, какую профессию они получают, какова востребованность в специалистах-филологах в настоящее время в обществе [Аникина, 2021; Ким, 2010]⁷. Отсутствие социальной мотивации обучения — важная проблема филологического образования в стране. Получается, что оно (филологическое образование в классических университетах) обслуживает личностные потребности гуманитарного самосовершенствования. Это, правда, несколько в иной модальности отмечают З.К. Тарланов и Е.З. Тарланов: «Филология, не поддерживаемая государством вопреки его коренным интересам, сверх того лишившаяся признаваемых научных и культурных авторитетов, превратилась в одну из разновидностей беспредметных массовых увлечений людей, далеких от филологических интересов» [Тарланов, Тарланов, 2020, с. 39]. Соглашаясь со второй частью процитированного тезиса, отметим, что филфаки классических университетов стали местом, куда устремлены романтические девушки, которые поступают на филфак, потому что «любят читать» и им интересно развиваться в этом направлении. Они, конечно, не «далеки от филологических интере-

⁶ Лишь некоторые из дипломных работ вносят реальный вклад в гуманитарную науку, тем более в ее естественно-научные стороны, с которыми филология в наше время реально и глубоко пересекается (цифровизация речевой деятельности, искусственный интеллект и др. важные направления науки, от которых напрямую зависит общественный прогресс).

⁷ Подборка роликов в Интернете на тему «Мама, я филолог» говорит о наивности первокурсников в отношении профессии, ради которой они пришли в вуз, что, в свою очередь, отражает не только факт слабой социальной ориентированности школьников и абитуриентов, но и факт аморфного статуса филологии в общественном сознании, в том числе — в сознании учителей школ.

сов», но далеки от личных и общественных **профессиональных** интересов. Ср. с типовым мнением студента-филолога: *«На филфак я пошел из-за литературы. Я хотел научиться трем вещам: правильно читать, писать и говорить. С первым пунктом все было прекрасно: мы много читали, возможно, даже слишком много. Научиться писать, как я хотел, вышло скорее наполовину — мы много писали научные работы и рефераты, а „для жизни“ — практически нет»*⁸. На наш взгляд, реалистичное суждение. Общеразвивающий культурологический характер филологии подчеркивают и поддерживают многие известные деятели науки, культуры и образования. В своей работе «О филологии» Д.С. Лихачев включал филологию в широкий общекультурный контекст: «Лишите человека памяти, избавьте его от всех знаний, которыми он обладает, но если он при этом сохранит умение понимать людей иных культур, понимать широкий и разнообразный круг произведений искусства, идей своих коллег и оппонентов, если он сохранит навыки „умственной социальности“, сохранит свою восприимчивость к интеллектуальной жизни — это и будет интеллигентность. На литературоведах, например, лежит большая ответственная задача — воспитать „умственную восприимчивость“... Литературоведение воспитывает „человеческую социальность“» [Лихачев, 1989, с. 24]. Ему вторит В.И. Аннушкин: «Филология обращена к несущим проблемам современной общественно-речевой практики. Цель филологии — описание всех видов современной словесности с выявлением целей, задач, содержания, форм общения, выражения этих форм, и различных жанров речи, стилистического образования текстов» [Аннушкин, 2007, с. 6]. Ср. также: «Роль предметов филологического профиля <...> трудно переоценить, так как именно они способствуют формированию нравственных идеалов и, таким образом, направляют развитие личности в нужное русло» [Пореченкова, 2008]. В таком же ключе создана книга тюменских филологов «Больше, чем наука» [2008]. Особенно широкий и глубокий образ филологии как фундаментальной категории ментальности представлен в эссе В. Хрулева [2018]. Это не единичный пример. Проекцию философских знаний в сферу профессиональных компетенций студента-филолога в связи с преподаванием литературы предлагает И.В. Шевченко [2007]. Подобные общегуманитарные и философские представления о филологии охотно поддерживаются общественным сознанием россиян и формируют у них соответствующие концепты «филология» и «филолог». Такие концепты с трудом трансформиру-

⁸—Журфак против филфака, или Что выбрать гуманитарно: интервью с Димой. URL: <https://bez-smenki.ru/zhurfak-protiv-filfaka-ili-chto-vybrat-gumanitariju-intervju-s-dimoy>

ются в понятия, не только обыденные, но и научные. Согласимся с И.Е. Кимом, который, отвечая на вопрос интервьюера: «Какие шаги необходимо предпринять государству, профильным вузам для повышения престижа, конкурентоспособности молодых специалистов-филологов на рынке труда?», отметил: «На самом деле, никто не понимает, что такое филологи. Другое дело, что те филологи, которые нужны, которых ждут, не воспринимаются как филологи» [Ким, 2010].

1.2. О профессии «филолог» и профессиональной подготовке в классических университетах

Доминирование общегуманитарных представлений о социальной роли филолога весьма характерно для российского общества во многих его стратах. Так или иначе такие представления воздействуют на сознание школьников, абитуриентов и далее студентов, определяют профессиональную ориентацию последних, подменяя конкретные представления о той реальной профессии, которую студенты намерены приобрести. Об этом, в частности, свидетельствуют данные единственного известного нам исследования о профессиональной ориентации студента-филолога, выполненного А.В. Барашевой. Ср.: «В изображенном „портрете“ филолог внимателен и толерантен к личности другого, а также к другой культуре, обладает развитыми коммуникативными способностями — умеет наладить контакт и понять другого, обладает сформированными навыками самоконтроля, хорошей памятью, постоянно развивает свою эрудицию. Внимание респондентов сосредоточено, в первую очередь, на том, как осуществлять профессиональную деятельность, чтобы быть успешным в ней, — это представляет наибольшую ценность» [Барашева, 2015, с. 144]. К сожалению, последний тезис о профессиональной деятельности в приведенной цитате не получил в цитируемой статье конкретного методического наполнения.

Отсутствие четких официальных требований к выпускнику филологических факультетов особенно заметно на фоне наличия таких требований в неофициальной сфере. Их немало в Интернете, который взял на себя функции бюро по трудоустройству населения. Так, на сайте «Профориентатор» находим ответ на вопрос о том, какими качествами должен обладать филолог:

Человек, получающий профильное филологическое образование, должен иметь следующие личные качества:

- 1) умение грамотно говорить и писать;
- 2) внимательность, усидчивость, терпение;
- 3) хорошую память;

- 4) *начитанность*;
- 5) *богатое воображение и широкий кругозор*;
- 6) *аналитическое мышление*.

Несмотря на абстрактность и прекраснодушие данных пожеланий, в них интуитивно отражено понимание социального посыла к филологическому образованию.

Завершим раздел о профессиональной подготовке студента-филолога в классических университетах иллюстрацией из социальной жизни Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (ИФИЯМ КемГУ). На заседании ученого совета стоял вопрос о распределении выпускников. Выяснилось, что подавляющее число четверокурсников «самораспределяются», т.е. ищут себе работу самостоятельно — где как придется. Системный запрос со стороны работодателей отсутствует, системный механизм взаимодействия работодателей с классическими университетами не работает. В КемГУ он ограничивается спорадическими «ярмарками выпускников», направленными на стихийное регулирование спроса и предложения.

Сказанное в особой мере касается выпускников магистратуры. Общество (в лице работодателей) до сих пор плохо представляет предназначение этой образовательной ступени. 20-летний эксперимент с внедрением двухступенчатой системы высшего образования нуждается в подведении его результатов⁹. Наш вывод, вытекающий из анализа особенностей филологического образования: данная система нуждается в глубоком реформировании, направленном на достижение **реальной** профессионализации выпускника магистратуры, соответственно — на ориентацию магистратуры на профессиональную деятельность (ср. [Ковтун 2013]). В этом нуждается организация учебных программ и планов, производственных практик (особенно!), выпускных работ (пока они по-прежнему в основном «теоретико-ориентированны», а в практическом плане направлены на формирование сугубо исследовательской компетенции).

Реальная профессионализация означает приведение в соответствие спроса на профессию и предложение обществу готовых специалистов. Пока мы наблюдаем в этой сфере противоречивую картину. Ее составляет ко всему прочему неопределенность в целевых установках педагогических университетов. Неопределенность в целевых педагогических

⁹ Тема «филологическая магистратура» заслуживает отдельного обсуждения в аспекте ее социальной предназначенности. В настоящей статье ее обсуждение не предполагается.

установках и установках педагогических университетов сказывается на статистике: нехватка кадров в сфере образования, а именно преподавателей русского языка и литературы, повсеместно становится актуальной. В сервисах по поиску работы количество вакансий варьируется от 1071 до 2354. На портале «Работа в России» вакансия «учитель русского языка и литературы» насчитывает 2671 предложение. По данным движения Общероссийского народного фронта, дефицит преподавательского состава, а именно педагогов русского языка и литературы, составляет 30 %. Это позволяет понять, что спрос на выпускников высших учебных заведений, конкретно — на преподавателей русского языка и литературы — высок и что данный вид деятельности все так же опережает другие.

Филологическая и педагогическая наука редко представляет актуальные профессии, в качестве примера назовем [Данюшина, 2010; Миронова, 2021; Подгорная, 2014; Чернышова, 2012].

1.3. О понятии «классический университет»

Говоря о филологической профессионализации высшей школы, добавим, что классические университеты, конечно, так же, как и педагогические вузы, имеют в виду подготовку учителей для средней школы. Однако они делают это не системно, а, скорее, по остаточному принципу. Школьная (шире — методическая) составляющая в университетских программах, учебных планах и учебниках представлена в основном «по умолчанию».

Проблемы, связанные с разделением российского филологического образования на две ветви — классические университеты и педагогические университеты, принципиально важны, но, на наш взгляд, недостаточно отрефлексированы в российской науке как педагогической, так и филологической. Чаще всего их различают по научной и методической ориентации обучения. Такая постановка проблемы оставляет многие вопросы спорными и нерешенными. Один из них — противоречия школьной и научной грамматики — еще в 1918 г. поставлен А.М. Пешковским. Говоря о школьниках, поступивших в вуз филологического профиля (в отличие от вузов других профилей), он замечает: «Здесь научное знакомство с предметом потрясает основы школьного обучения, здесь изучающему приходится не продолжать и углублять изучение, а переучиваться. И это потому, что школьная грамматика не только упрощает факты, как всякая школьная переделка науки, но и искажает их, не только умалчивает о том, что недоступно школьному возрасту, но и дает ложные сведения о том, что могло бы быть

доступно ему. Коротко говоря, школьная разновидность грамматики не только школьна, но и ненаучна» [Пешковский, 1918, с. 169]. Думается, что подспудно этот тезис лежит в основании «классической» вузовской филологии. Вряд ли с ним согласятся — без основательных оговорок — преподаватели сегодняшних педагогических вузов. На этом фоне обостряется наивный вопрос: зачем российскому филологическому высшему образованию две очерченные ветви: одна — сугубо практико-ориентированная, другая — крайне теоретизированная?

Негативные тенденции в филологическом образовании, связанные с неопределенностью понятий «филология» и «филолог как профессия», усиливаются смысловой нечеткостью словосочетания «классический университет», которое не является термином. Полагаем, что данное словосочетание является неофициальным самоназванием мелиоративного типа, имеющем тенденцию к терминологизации и официализации: «классические университеты с учетом своих институциональных признаков должны быть центрами фундаментального образования... Именно эти университеты несут основное бремя ответственности за воспроизводство фундаментального интеллектуального потенциала страны» [Шаповалов, 2004, с. 9]. На фоне таких дефиниций педагогическим вузам остается только «стоять в сторонке и нервно курить». Впрочем, они активно продолжают «борьбу» за термин, см., например, сайт «Классический университет» с определенно педагогическим содержанием¹⁰.

Другая стратегия рефлексий и действий в контексте смысловой неопределенности термина «классический университет» — придание этому термину большей определенности. Так, исследователи подчеркивают «необходимость сохранения классического университета, как единственно способного осуществлять культуuroобразующую миссию в современном социальном институте образования. При этом название „университет“ следует сохранить только за университетом классическим. Все остальные вузы должны получить иной вид наименования: академия, институт, высшая школа и т.п.» [Касьянов, 2017, с. 17].

1.4. Общий вывод по теме «Высшее филологическое образование в РФ»

Реальная профессионализация филологической деятельности должна начинаться с изучения социального запроса, с выявления реальных каналов спроса на такую деятельность и на их основе — с формирова-

¹⁰ URL: <https://классический.унив.рф/lenta/priority/news/category=15>

ния предложения со стороны вузов, в том числе со стороны классических университетов.

Заключение

Главный результат исследования заключается в постановке проблемы социальной значимости филологических профессий и несоответствия ей системы российского филологического образования в вузе и школе. Проблема состоит в быстрорастущем социальном потенциале филологии и отсутствии при этом системного практического ориентира на подготовку студентов филологических факультетов классических университетов. Таким образом, данная система обучения студентов-филологов некорректно отображается в социально-общественной, практической деятельности будущего специалиста. И подход к обучению студентов филологических институтов консервативен. Мы, например, затрудняемся ответить на вопрос, чем подготовка специалиста-филолога в РФ принципиально отличается от подготовки в СССР.

Филология и как наука о языке, и как практико-ориентированное научное знание должна развиваться в единстве данных аспектов. Традиционные филологические подходы должны и могут быть реализованы вкупе с современными технологиями и областями знания, такими как, например, интернет-лингвистика, паблик рилэйшнс, юридическая лингвистика, лингвомаркетология, бизнес-коммуникация [Базылев, 2019; 2021; Федоров 2012; Мельничук 2013]. В наше время эти области знаний становятся все более значимыми и широко применяются в различных сферах жизни, поэтому более глубокое изучение языка и его взаимодействия с технологиями и правом будет иметь большое значение для будущего науки и общества в целом.

Проблема социальной роли филологии во многом обусловлена потерей интереса к ней Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Этот факт привел к тому, что филолог обществом воспринимается прежде всего как преподаватель родного языка и литературы или научный деятель. Хотя за современными видами деятельности, такими как копирайтинг, SMM, бизнес-лингвистика (например, открытие языковых школ), реклама, сфера пресс-службы и т.д., также стоят прежде всего филология и филолог как специалист. В свою очередь, это явилось причиной того, что по направлению 45.03.01 Филология начали обучаться студенты, которые мало интересуются данной наукой. Филология и как наука о языке, и как практико-ориентированное научное знание должна развиваться в единстве данных аспектов — главный вопрос статьи. Как достичь в процессе подготовки сту-

дентов-филологов (в т.ч. в педагогических вузах) этого единства — самостоятельная проблема, требующая комплексного решения: научного, административного, методического, практического.

Поставленные в статье вопросы, в частности вопрос о необходимости четкой ориентации учебных понятий и терминов в социальной сфере, касаются не только филологии. На наш взгляд, понятия «история» и «историк как профессия» также нуждаются в аналогичном социопедагогическом анализе и корректировке. Вокруг темы социализации школьного курса литературы, по сути, создается похожая ситуация: целевые установки преподавателей и мотивация учащихся носят декларативный характер и далеки от формирования эстетической личности, имеющей потребность в чтении и художественный вкус [Голев, 2011].

Библиографический список

- Аникина А.В. Кем можно работать с дипломом филолога? URL: <https://dzen.ru/a/YMDLs4ymO0-NfSU5>
- Аннушкин В.И. Основы русской филологии : курс лекций. М., 2014.
- Ахатова З.К. Профессионально важные личностные качества учителя филолога // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12. № 4.
- Базылев В.Н. Новое в российской лингвистике (педагогическая лингвистика, антропоориентированная лингвистика, политическая коммуникативистика, теологическая лингвистика) // Русский язык в школе. 2019. Т. 80. № 3.
- Базылев В.Н. Новое в российской лингвистике (неопсихолингвистика, миграционная лингвистика, контактная лингвистика, компутационная лингвистика, коннективистика) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82. № 6.
- Барашева А.В. Семантика ценностей профессиональной деятельности филолога в представлениях студентов-филологов // Культура. Духовность. Общество. 2015. № 20.
- Барашева Д.Е. Идентификация профессии филолога как модератора дискурсивных практик // Традиции и инновации в изучении и преподавании филологических дисциплин в вузе и школе : коллективная монография. М., 2016.
- Беловолов В.А., Матвеев Д.Е., Султанбеков Т.И., Ильенко Е.В. Образовательная среда вуза как социопедагогический, социокультурный феномен // Север и молодежь: здоровье, образование, карьера : сборник материалов I Международной научно-практической конференции. Ханты-Мансийск, 2019.

Больше, чем наука: книга о филологии и филологах Тюменского государственного университета. Тюмень, 2008.

Ветров А.А. Расчлененность формы как основное свойство понятия // Вопросы философии. 1958. № 1.

Волков В.В. Профессиографическая фасета языковой картины мира в контексте задач профессиональной диверсификации студентов-филологов // Вопросы современной филологии в контексте взаимодействия языков и культур : материалы IV Международной научно-практической конференции / отв. за выпуск Е.А. Стуколова. Оренбург, 2021.

Гиндин С.И. Введение в общую филологию // Авторские учебные программы по гуманитарным и социально-экономическим дисциплинам: психология, педагогика, лингвистика, литературоведение. М., 1998.

Голев Н.Д. Современная ментально-языковая ситуация в аспекте взаимоотношений ее лингвистического и лингводидактического аспектов // Естественная письменная русская речь. Ч. 2. 2003.

Голев Н.Д. К проблеме качества чтения как дидактической задачи // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. IV. Дискурсы и жанры письменной речи : сборник научных статей / под ред. Н.Б. Лебедевой. Кемерово, 2011.

Данюшина Ю.В. Бизнес-лингвистика — новое синергетическое направление прикладной лингвистики // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. СПб., 2010. № 2. Т. 1.

Житнухина М.А. Филологическая терминология в метаязыковом сознании рядовых носителей языка разного возраста // Естественная письменная речь: аспекты. Часть IV: Дискурсы и жанры письменной речи : сборник научных статей / под ред. Н.Б. Лебедевой.

Касьянов В.В., Ковалев В.В., Самыгин С.И. Университетов не должно быть много: классический университет в структуре реформируемой системы высшего образования России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 2.

Ким И.Е. Игорь Ким о филологическом образовании в условиях реформ // Аккредитация в образовании. 2010. № 7 (42). URL: https://akvobr.ru/igor_kim_o_filologicheskom_obrazovanii_v_uslovijah_reform.html

Ким И.Е. Филологическое образование: перспективы // Аккредитация в образовании. 2020. № 7 (123). URL: https://akvobr.ru/filologicheskoe_obrazovanie_perspektivy.html

Ковтун Е.Н. Филологическая магистратура в России: вчера и завтра. URL: http://slavcenteur.ru/Proba/Kovtun/kovtun_magistratura.pdf

Козырев Н.А., Козырева О.А. Педагогическое моделирование как продукт и метод научно-педагогического исследования // Современная педагогика. 2015. № 8. URL: <https://pedagogika.snauka.ru/2015/08/4791>

Кузьмина Н.В. Проблемы профессиональной подготовки специалистов в вузах // Проблемы отбора и профессиональной подготовки специалистов в вузах. Л., 1970.

Лихачев Д.С. О филологии / Предисл. Л.А. Дмитриева. М., 1989.

Макарова В.Ю. Развитие профессиональных компетенций студентов-филологов и повышение их мотивации к овладению профессией в ходе составления методического комментария к художественному тексту на практических занятиях по методике обучения русскому языку // Учитель для будущего: язык, культура, личность : к 200-летию со дня рождения Ф.И. Булаева / отв. ред. В.Д. Янченко. М., 2018.

Маликова А.Б. Профессия филолога в сфере государственного и муниципального управления // Молодежь — Барнаулу : материалы XXIII городской научно-практической конференции молодых ученых, Барнаул, 1–30 ноября 2021 г. Барнаул, 2022.

Махмурян К.С. Содержание понятий «филология» и «филологическая компетенция» на современном этапе // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3.

Мельничук О.А. Профессиональное гуманитарно-филологическое образование в современных условиях // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2013. Т. 10. № 2.

Миронова О.А. «Технологии и эффективные инструменты smm-продвижения (на примере Instagram¹¹) // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2021.

Пешковский А.М. Школьная и научная грамматика: опыт применения науч.-граммат. принципов к шк. практике. 2-е изд. М., 1918.

Подгорная Е.А., Демиденко К.А. Лингвистические характеристики интернет-чатов как вида коммуникации // Концепт. 2014.

Попова Е.П., Бондаренко О.В. Значение филологических дисциплин в процессе подготовки специалистов лингвоинтенсивных профессий в вузе // Педагогическое мастерство и педагогические технологии. 2017. № 1 (11).

Пореченкова Е.А. Задачи развития филологического образования на современном этапе // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 1.

¹¹ Instagram — проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена.

Пузырева О.И. Содержание лингвистического образования в гуманитарных вузах России и США // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6.

Степанов Ю.С. Филология // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.

Тарланов З.К., Тарланов Е.З. Русская филология и российское общество // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 1 (26).

Тимирханов В.Р. Сопоставительная характеристика отечественных концепций филологии как познавательной сферы // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. № 3.

Федоров А. Несколько мыслей о филологическом университетском образовании и о культуре в новых условиях. URL: <http://belsk.ruspole.info/node/2181>

Фролова Т.И. Гуманитарная повестка СМИ и стратегии ее реализации // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2013. № 6.

Хрулев В. Филология как сфера миротворчества // Бельские просторы. 2018. № 2.

Чернышова Т.В. Аналитико-экспертная деятельность: аспекты подготовки филолога-практика // Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме : материалы Третьей международной научной конференции (Барнаул, 24–29 апреля 2012 г.). Барнаул, 2012.

Чувакин А.А. Основы филологии : учебное пособие / под ред. А.И. Куляпина, М., 2012.

Шаповалов В.А. Роль классических университетов в развитии образования и науки // Вестник Ставропольского государственного университета. 2004. Вып. 39.

Шевченко И.В. Философские понятия на уроках литературы (к проблеме формирования профессиональной компетенции студентов-филологов) // Преподаватель XXI век. 2007. № 3.

Список источников

Короленко В.Г. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. Очерки. М., 1971.

Короленко В.Г. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. Рассказы, 1903–1915; Публицистика. Л., 1990.

Короленко В.Г. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. Повести и рассказы, 1879–1888. Л., 1989.

Короленко В.Г. (1853–1921). Записные книжки. URL: <http://bibra.ru/composition/zapisnye-knizhki/>.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1889.

References

Anikina A.V. *Kem možhno rabotat' s diplomom filologa?* [Where can you work with a philologist diploma?] URL: <https://dzen.ru/a/YMDLs4ymO0-NfSU5>

Annushkin V.I. *Osnovy russkoy filologii: kurs lektsiy*. [Fundamentals of Russian philology: a course of lectures]. Moscow, 2014.

Akhatova Z.K. *Professional'no vazhnyye lichnostnyye kachestva uchitelya filologa*. [Professionally important personal qualities of a philologist teacher]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. [Bulletin of the Bashkir University]. 2007. T. 12. No. 4.

Bazylev V.N. *Novoye v rossiyskoy lingvistike (pedagogicheskaya lingvistika, antropooriyentirovannaya lingvistika, politicheskaya kommunikativistika, teologicheskaya lingvistika)*. [New in Russian linguistics (pedagogical linguistics, anthropo-oriented linguistics, political communication studies, theological linguistics)]. In: *Russkiy yazyk v shkole*. [Russian language at school]. 2019. T. 80. No. 3.

Bazylev V.N. *Novoye v rossiyskoy lingvistike (neopsikholingvistika, migratsionnaya lingvistika, kontaktnaya lingvistika, komputatsionnaya lingvistika, konnektivistika)*. [New in Russian linguistics (neopsycholinguistics, migration linguistics, contact linguistics, computational linguistics, connectivistics)]. In: *Russkiy yazyk v shkole*. [Russian language at school]. 2021. T. 82. No. 6.

Barasheva A.V. *Semantika tsennostey professional'noy deyatel'nosti filologa v predstavleniyakh studentov-filologov*. [Semantics of values of the professional activity of a philologist in the views of philological students]. In: *Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo*. [Culture. Spirituality. Society]. 2015. No. 20.

Barasheva D.E. *Identifikatsiya professii filologa kak moderatora diskursivnykh praktik*. [Identification of the philologist's profession as a moderator of discursive practices]. In: *Traditsii i innovatsii v izuchenii i prepodavanii filologicheskikh distsiplin v vuze i shkole*. [Traditions and innovations in the study and teaching of philological disciplines at universities and schools: collective monograph]. Moscow, 2016.

Belovolov V.A., Matveev D.E., Sultanbekov T.I., Ilyenko E.V. *Obrazovatel'naya sreda vuza kak sotsiopedagogicheskii, sotsiokul'turnyy fenomen*. [The educational environment of the university as a socio-pedagogical, socio-cultural phenomenon]. In: *Sever i molodezh': zdorov'ye, obrazovaniye, kar'yera: sbornik materialov I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. [North and youth: health, education, career. collection of materials of the I International Scientific and Practical Conference]. Khanty-Mansiysk, 2019.

Bol'she, chem nauka: kniga o filologii i filologakh Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. [More than science: a book about philology and philologists of Tyumen State University]. Tyumen, 2008.

Vetrov A.A. *Raschlenennost' formy kak osnovnoye svoystvo ponyatiya.* [Dismemberment of form as the main property of a concept]. In: *Voprosy filosofii.* [Questions of Philosophy]. 1958. No. 1.

Volkov V.V. *Professiograficheskaya faseta yazykovoy kartiny mira v kontekste zadach professional'noy diversifikatsii studentov-filologov.* [Professional facet of the linguistic picture of the world in the context of the tasks of professional diversification of philology students]. In: *Voprosy sovremennoy filologii v kontekste vzaimodeystviya yazykov i kul'tur.* [Issues of modern philology in the context of interaction of languages and cultures]. Orenburg, 2021.

Gindin S.I. *Vvedeniye v obshchuyu filologiyu.* [Introduction to general philology]. In: *Avtorskiye uchebnyye programmy po gumanitarnym i sotsial'no-ekonomicheskim distsiplinam: psikhologiya, pedagogika, lingvistika, literaturovedeniye.* [Author's educational programs in the humanities and socio-economic disciplines: psychology, pedagogy, linguistics, literary criticism]. Moscow, 1998.

Golev N.D. *Sovremennaya mental'no-yazykovaya situatsiya v aspekte vzaimootnosheniy yeye lingvisticheskogo i lingvodidakticheskogo aspektov.* [Modern mental-linguistic situation in terms of the relationship between its linguistic and linguodidactic aspects]. In: *Yestestvennaya pis'mennaya russkaya rech'.* [Natural written Russian speech]. P. 2. Barnaul, 2003.

Golev N.D. *K probleme kachestva chteniya kak didakticheskoy zadachi.* [On the problem of reading quality as a didactic task]. In: *Yestestvennaya pis'mennaya russkaya rech': issledovatel'skiy i obrazovatel'nyy aspekty.* [Natural written Russian speech: research and educational aspects]. P. IV. Kemerovo, 2011.

Danyushina Yu.V. *Biznes-lingvistika — novoye sinergeticheskoye napravleniye prikladnoy lingvistiki.* [Business linguistics — a new synergetic direction of applied linguistics]. In: *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina.* [Bulletin of Leningrad State University named after. A.S. Pushkin]. St. Petersburg, 2010. No. 2. Vol. 1.

Zhitnukhina M.A. *Filologicheskaya terminologiya v metayazykovom soznanii ryadovykh nositeley yazyka raznogo vozrasta.* [Philological terminology in the metalinguistic consciousness of ordinary native speakers of different ages]. In: *Yestestvennaya pis'mennaya rech': issledovatel'skiy i obrazovatel'nyy aspekty.* [Natural written speech: research and educational]. P. IV. Part IV: Discourses and genres of written speech : Kemerovo, 2011. Kemerovo, 2011.

Kasyanov V.V., Kovalev V.V., Samygin S.I. *Universitetov ne dolzhno byt' mnogo: klassicheskiy universitet v strukture reformiruyemoy sistemy vysshego obrazovaniya Rossii*. [There should not be many universities: a classical university in the structure of the reformed system of higher education in Russia]. In: *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*. [Humanitarian, socio-economic and social sciences]. 2017. No. 2.

Kim I.E. *Igor' Kim o filologicheskom obrazovanii v usloviyakh reform*. [Igor Kim about philological education in the conditions of reforms]. In: *Akkreditatsiya v obrazovanii*. [Accreditation in education]. 2010. No. 7 (42). URL: https://akvobr.ru/igor_kim_o_filologicheskom_obrazovanii_v_usloviyah_reform.html

Kim I.E. *Filologicheskoye obrazovaniye: perspektivy*. [Philological education: prospects]. In: *Akkreditatsiya v obrazovanii*. [Accreditation in education]. 2020. No. 7 (123). URL: https://akvobr.ru/filologicheskoe_obrazovanie_perspektivy.html

Kovtun E.N. *Filologicheskaya magistratura v Rossii: vchera i zavtra*. [Philological master's programs in Russia: yesterday and tomorrow]. URL: http://slavcenteur.ru/Proba/Kovtun/kovtun_magistratura.pdf

Kozyrev N.A., Kozyreva O.A. *Pedagogicheskoye modelirovaniye kak produkt i metod nauchno-pedagogicheskogo issledovaniya*. [Pedagogical modeling as a product and method of scientific and pedagogical research]. In: *Sovremennaya pedagogika*. [Modern pedagogy]. 2015. No. 8. URL: <https://pedagogika.snauka.ru/2015/08/4791>

Kuzmina N.V. *Problemy professional'noy podgotovki spetsialistov v vuzakh*. [Problems of professional training of specialists in universities]. In: *Problemy otbora i professional'noy podgotovki spetsialistov v vuzakh*. [Problems of selection and professional training of specialists in universities]. Leningrad, 1970.

Likhachev D.S. *O filologii*. [About philology]. Moscow, 1989.

Makarova V.Yu. *Razvitiye professional'nykh kompetentsiy studentov-filologov i povysheniye ikh motivatsii k ovladeniyu professiyey v khode sostavleniya metodicheskogo kommentariya k khudozhestvennomu tekstu na prakticheskikh zanyatiyakh po metodike obucheniya russkomu yazyku*. [Development of professional competencies of philology students and increasing their motivation to master the profession in the process of compiling a methodological commentary on a literary text during practical classes on methods of teaching the Russian language]. In: *Uchitel' dlya budushchego: yazyk, kul'tura, lichnost': k 200-letiyu so dnya rozhdeniya F.I. Buslayeva*. [Teacher for the future: language, culture, personality: to the 200th anniversary of the birth of F.I. Buslaeva]. Moscow, 2018.

Malikova A.B. *Professiya filologa v sfere gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. [Profession of a philologist in the field of state and municipal management]. In: *Molodezh' — Barnaulu: materialy XXIII gorodskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh, Barnaul, 01–30 noyabrya 2021 goda*. [Youth — Barnaul: materials of the XXIII city scientific and practical conference of young scientists, Barnaul, November 1–30, 2021]. Barnaul, 2022.

Makhmuryan K.S. *Soderzhaniye ponyatiy «filologiya» i «filologicheskaya kompetentsiya» na sovremennom etape*. [The content of the concepts of “philology” and “philological competence” at the present stage]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta*. [Bulletin of Moscow University]. Ep. 19: Linguistics and intercultural communication. 2008. No. 3.

Melnichuk O.A. *Professional'noye gumanitarno-filologicheskoye obrazovaniye v sovremennykh usloviyakh*. [Professional humanitarian and philological education in modern conditions]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova*. [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova]. 2013. T. 10. No. 2.

Mironova O.A. *Tekhnologii i effektivnyye instrumenty smm-prodvizheniya*. [Technologies and effective tools for SMM promotion]. In: *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Rostov State Economic University]. 2021.

Peshkovsky A.M. *Shkol'naya i nauchnaya grammatika: opyt primeneniya nauch.-grammat. printsipov k shk. praktike*. [School and scientific grammar: experience in using scientific grammar. principles for school practice]. Moscow, 1918.

Podgornaya E.A., Demidenko K.A. *Lingvisticheskiye kharakteristiki internet-chatov kak vida kommunikatsii*. [Linguistic characteristics of Internet chats as a type of communication]. In: *Kontsept*. [Concept. 2014].

Popova E.P., Bondarenko O.V. *Znachenkiye filologicheskikh distsiplin v protsesse podgotovki spetsialistov lingvointensivnykh professiy v vuze*. [The importance of philological disciplines in the process of training specialists in linguistically intensive professions at universities]. In: *Pedagogicheskoye masterstvo i pedagogicheskiye tekhnologii*. [Pedagogical skills and pedagogical technologies]. 2017. No. 1 (11).

Porechenkova E.A. *Zadachi razvitiya filologicheskogo obrazovaniya na sovremennom etape*. [Problems of development of philological education at the present stage]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Moscow State University]. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication. 2008. No. 1.

Puzyreva O.I. *Soderzhaniye lingvisticheskogo obrazovaniya v gumanitarnykh vuzakh Rossii i SSHA*. [Contents of linguistic education in humanitarian universities in Russia and the USA]. In: *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. [Modern problems of science and education]. 2015. No. 6.

Stepanov Yu.S. *Filologiya*. [Philology]. In: *Russkiy yazyk. Entsiklopediya*. [Russian language. Encyclopedia]. Moscow, 1997.

Tarlanov Z.K., Tarlanov E.Z. *Russkaya filologiya i rossiyskoye obshchestvo*. [Russian philology and Russian society]. In: *Uchenyye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Scientific notes of the Novgorod State University]. 2020. No. 1 (26).

Timirkhanov V.R. *Sopostavitel'naya kharakteristika otechestvennykh kontseptsiy filologii kak poznavatel'noy sfery*. [Comparative characteristics of domestic concepts of philology as a cognitive sphere]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. [Bulletin of the Bashkir University]. 2017. T. 22. No. 3.

Fedorov A. *Neskol'ko mysley o filologicheskoy universitetskoj obrazovani i o kul'ture v novykh usloviyakh*. [Several thoughts on philological university education and culture in new conditions]. URL: <http://belsk.ruspole.info/node/2181>

Frolova T.I. *Gumanitarnaya povestka SMI i strategii yeye realizatsii*. [Humanitarian agenda of the media and strategies for its implementation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Moscow State University. Ser. 10. Journalism. 2013. No. 6.

Khrulev V. *Filologiya kak sfera mirotvorchestva*. [Philology as a sphere of peacemaking]. In: *Bel'skiye prostory*. [Belskie prosty]. 2018. No. 2.

Chernyshova T.V. *Analitiko-ekspertnaya deyatel'nost': aspekty podgotovki filologa-praktika*. [Analytical and expert activity: aspects of training a practicing philologist]. In: *Kommunikativistika v sovremennom mire: effektivnost' i optimizatsiya rechevogo vzaimodeystviya v sotsiume: materialy Tret'yey mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Barnaul, 24–29 aprelya 2012 g.)*. [Communication in the modern world: effectiveness and optimization of speech interaction in society: materials of the Third International Scientific Conference (Barnaul, April 24–29, 2012)]. Barnaul, 2012.

Chuvakin A.A. *Osnovy filologii: uchebnoye posobiye*. [Fundamentals of Philology: textbook]. Ed. A.I. Kulyapina, Moscow, 2012.

Shapovalov V.A. *Rol' klassicheskikh universitetov v razvitiy obrazovaniya i nauki*. [The role of classical universities in the development of education and science]. In: *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Stavropol State University]. 2004. Vol. 39.

Shevchenko I.V. *Filosofskie ponyatiya na urokakh literatury (k probleme formirovaniya professional'noy kompetentsii studentov-filologov)*. [Philosophy

hical concepts in literature lessons (to the problem of developing the professional competence of philology students)]. In: *Prepodavatel' XXI vek.* [Teacher of the XXI century]. 2007. No. 3.

Благодарности

Авторы выражают благодарность студенту 4 курса ИФИЯМ М.О. Самкову, написавшему под научным руководством Н.Д. Голева выпускную квалификационную работу «Филология как социальная деятельность (социопедагогический и социофилологический анализ образовательной ситуации в классических университетах России)». Материалы данной работы с согласия М.О. Самкова были использованы при написании настоящей статьи.

О ПРАГМАТИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ОСКОРБИТЕЛЬНОЙ НОМИНАЦИЕЙ ЛИЦА (ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА И ИНВЕКТИВНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКА)

К.И. Бринева, Н.И. Тюкаева

Ключевые слова: оскорбление, речевой акт, прагматика, лингвистическая экспертиза.

Keywords: insult, speech act, pragmatics, forensic linguistics.

DOI 10.14258/filichel(2023)4-02

Настоящая статья посвящена теоретическому обсуждению прагматического статуса инвективных высказываний с оскорбительной номинацией лица¹.

Необходимость теоретического обсуждения связана с тем, что без него невозможны обоснованные и корректные выводы в ходе производства судебной лингвистической экспертизы по категориям дел, которые имеют отношение к инвективному функционированию языка. Невозможны также обоснованные и корректные методики, в которых должны фиксироваться системы универсальных высказываний наряду с описанием процесса логического вывода, что и позволяет переходить в логическом аспекте от общих знаний к описанию конкретной ситуации и, соответственно, решать конкретную экспертную задачу.

Необходимость теоретического описания, по нашему мнению, также тесно увязана с юридической идеей специальных познаний, которая является основой для привлечения специалистов из различных областей знаний для установления значимых для разрешения дела фактов. Кратко эту идею можно сформулировать следующим образом: «Существуют факты, которые могут быть установлены, если обратиться к какой-то области науки, искусства или ремесла, и они не могут быть установлены без привлечения знаний из этих областей». Несмотря на то что эта идея очень проста, на наш взгляд, она до конца не осознана в судебной лингвистической экспертизе, не оценена ее продуктивность.

Например, к какой области лингвистики (семантический синтаксис? теория речевых актов?) принадлежит знание о том, какие из высказы-

¹ Рассмотрены высказывания вида *Гнида!*, *Мразь!*, *Урод!*

ваний являются верифицируемыми, а какие нет? Если ответ на этот вопрос будет сформулирован: «Ни к какой из известных нам областей», — то, во-первых, это означает, что в лингвистике не существует теории верифицируемости высказываний, а во-вторых (и это следует необходимо из первого), что при производстве конкретных экспертиз лингвист не опирается на специальные познания в области своей науки, а делает не более обоснованный вывод, чем его бы сделал любой произвольный человек, выбранный случайным образом судьей для того, чтобы «избранный» выразил в судебном заседании свое мнение по поводу верифицируемости конкретного высказывания, на том же основании судья сам может решать, что есть факт, а что есть мнение [Бринев, 2019].

Что касается инвективного функционирования языка и инвективных высказываний, то, конечно, нельзя утверждать, что они не имеют отношения к лингвистической теории, однако нельзя также сказать, что их теоретическое описание является удовлетворительным и не нуждается в обсуждении. По нашему мнению, до сих пор остаются актуальными вопросы о статусе инвективных высказываний в рамках теории речевых актов, о цели этих высказываний, о природе их перлокутивного эффекта. Решению части этих проблем и посвящена настоящая статья; отметим, однако, что в статье рассматриваются не все инвективные высказывания, а только высказывания, которые содержат оскорбительные номинации лица. Это высказывания вида *Гнида!, Ты гнида!, Я с этой гнидой не хочу разговаривать!*. Последнее высказывание мы рассматриваем как вариант базового высказывания *Гнида!*, опираясь при этом на результаты, которые получила А. Вежбицкая в статье «Дескрипция или цитация» [Вежбицкая, 1982].

Начнем обсуждение с параметра **цели** данного типа инвективных высказываний. Как мы уже отметили, нельзя сказать, что проблема описания этого параметра имеет какое-то удовлетворительное решение в судебной лингвистической экспертизе. Так, например, не совсем понятным видится обобщение цели инвективных высказываний, которое представлено в [Галяшина, 2021; Изотова, Кузнецов, Плотникова, 2016] и сформулировано как «информирование о негативном (неуважительном, презрительном) отношении к адресату, который, по мнению говорящего, не заслуживает хорошего отношения, не достоин уважения» [Изотова, Кузнецов, Плотникова, 2016, с. 36].

Из этого описания следует, что существует некое экспрессивное речевое действие с иллюкутивной целью репрезентатива. Насколько нам известно, о существовании таких речевых действий или актов не ска-

зано ни в одном научном источнике, который посвящен семантике или теории речевых актов. По нашему мнению, есть некоторая разница между тем, чтобы сообщать или информировать кого-то о том, что ты испытываешь раздражение, и испытывать раздражение, с одной стороны, и говорить таким образом, что твоя речь будет являться в том числе и симптомом того, что ты испытываешь раздражение, и испытывать раздражение, с другой стороны. Другими словами, фраза *Сим общаю тебе, что испытываю к тебе враждебные и презрительные чувства*² является именно сообщением или информированием о том, что некто относится к кому-то враждебно и презрительно, тогда как фраза *Убери свои грабли, я сказала!*, произнесенная женщиной по отношению к мужчине, который «распускает руки», является именно побудительным речевым актом, в котором на лексическом и интонационном уровне кодируется и то, что это выражение является симптомом того, что говорящий испытывает по отношению к слушающему или по отношению к его действиям отрицательные эмоции.

Однако отметим, что параметр цели инвективного речевого действия действительно весьма трудно обобщить. Этот параметр не обобщается уже в случае достаточно простой коммуникативной ситуации — ситуации, в которой принимают участие три человека, но когда инвективное высказывание непосредственно не адресуется инвектуму. Мы имеем в виду высказывания вида *Он же гнида!*, *Я с этой гнидой не хочу знаться!*, *Знаешь, что вчера эта гнида сделала?* и др., которые адресованы третьему лицу, но имеют референцию к инвектуму. Понятно, что относительно некоторых из таких высказываний можно утверждать, что в них реализуется компонент «желая, чтобы ты чувствовал нечто плохое, говорю Р» (например, *Смотри, гнида пришла!*, о человеке, который только что вошел в двери), но думаем, что относительно большинства случаев таких употреблений этого утверждать невозможно. Интуитивно кажется, что в таких употреблении говорящий высказывает оценку, но при этом знает, что его высказывание способно оскорбить инвектума, но для инвектора это оказывается неважным: он, если так можно выразиться, относится к этому безразлично.

² Не думаем, что создатели данной концепции готовы признать, что выражение *Сим информирую тебя о том, что я ох*енно тебя презираю*, отправленное инвектуму по электронной почте или простым письмом, имеет какое-то отношение к оскорбительным речевым действиям, имеющим неприличную форму выражения, но именно эта фраза является в прямом смысле информированием о враждебном отношении, тогда как практически у любого оскорбительного речевого действия нет иллюкутивной или коммуникативной цели «проинформировать».

На это свойство инвективных высказываний обращали внимание Е.М. Вольф и Н.А. Трофимова.

Так, Н.А. Трофимова отмечает, что несмотря на то что «шокирующая роль инвективы, обращенной к третьему лицу, ничуть не меньше, чем в случае прямого оскорбления», формально высказывание, обращенное к третьему лицу, «является оценочным речевым актом» [Трофимова, 2008, с. 217]³.

Проблемы с обобщением целевого параметра становятся еще более очевидными, если включить в рассмотрение негативно-оценочные высказывания о близких инвектуму людях, примером которых могут служить такие высказывания, как *Твоя мать — гнида позорная!* или *Признайся, что твоя мать просто шл*ха!*, где в последнем случае говорящий имеет в виду действительный факт — наличие у матери инвектума нескольких за короткое время сексуальных партнеров.

Также хорошо известно, что инвектива, которая произносится в отсутствие инвектума, приобретает статус оценочного высказывания.

Названные закономерности ясно сформулированы в той же монографии Н.А. Трофимовой: «Оскорбление отсутствующего объекта в присутствии слушающего представляет собой отрицательный оценочный речевой акт, говорящий имеет намерение убедить адресата высказывания в своей точке зрения: *Dieser Mann ist ein absoluter Ekelpaker (G-T, 362)*. Перлокутивный эффект (чувство оскорбленности у адресата) не наступает, и реакция оскорбленного объекта не следует, если только объект оценки не является близким человеком для слушающего (адресата или присутствующего третьего лица). В таком случае слушающий может потребовать обоснования оценки, и в случае ее необоснованности или недостаточной обоснованности адресат высказывания может превратиться в адресата оскорбления» [Трофимова, 2008, с. 217].

Безусловно, что предложенное описание корректно, но относительно высказываний о близких инвектума нужно добавить следующее. Во-первых, в обоих приведенных нами выше примерах инвектор,

³ См.: «Важным ситуативным условием совершения инвективного речевого акта является личное присутствие адресата оскорбления при его вербализации, причем он может быть не адресатом речевого акта, а третьим присутствующим при разговоре лицом. Формально такое высказывание является оценочным речевым актом (*Georg war immer ein Idiot. Ein nutzloser Schwächling (R-L, 197); Verdamm! Noch zwei so Luftverpester! Werde bald allein mit diesem Kroppezeug in meinem Laden sein! (T-G, 13)*), однако именно его стратегический характер, учитывающий присутствие обсуждаемых лиц, и намеренный выбор инвективных лексем (*Idiot, Schwächling, Luftverpester, Kroppezeug*) индицируют инвективную интенцию. На наш взгляд, шокирующая роль инвективы, обращенной к третьему лицу, ничуть не меньше, чем в случае прямого оскорбления» [Трофимова, 2008, с. 217].

по меньшей мере, способен предполагать, что оба высказывания могут оскорбить собеседника, несмотря на то что в них ничего не говорится о последнем, т.е. говорящий в данном случае может прогнозировать перлокутивный эффект обиды. Во-вторых, оба приведенных нами высказывания совместимы с целью оскорбить именно собеседника, а не его близкого (в наших примерах — мать слушающего). Особенно это понятно во втором случае, где говорящий указывает на социально неодобряемое поведение матери слушающего, что может интерпретироваться и как негативная оценка поведения близкого инвектуму чело- века, но также может быть совместимо с целью понизить статус инвектума, в последнем случае реализуется смысл наподобие *Сам ты ..., и мать у тебя шл*ха!*. Из этого следует, что, по крайней мере, относительно некоторых высказываний будет справедливым утверждение, что они не требуют обоснованности произведенной оценки, а оскорбляют, так сказать, «напрямую».

Относительно же высказываний, которые употребляются в отсут- ствии инвектума, нужно внести следующее уточнение. В целевом отно- шении они, конечно, представляют собой оценку (=выражают отноше- ние к инвектуму) или экспрессив (=выражают некоторое эмоциональ- ное состояние инвектора), но говорящий при этом в каком-то отноше- нии знает, что, будучи переданным, высказывание, в котором заключе- но негативное отношение или выражение эмоций, способно оскорбить лицо, которое является объектом этой оценки или причиной этого не- гативного эмоционального высказывания. При этом высказывание *Его мать гнида позорная!*, будучи передано лицу, к которому осуществ- ляется референция в этом высказывании, способно не в меньшей (если не в большей) мере породить эффект оскорбления⁴.

В контексте теории речевых актов проблемы, которые возникают при описании инвективных речевых действий, ставят под сомнение то, что оскорбление, или в другой терминологии — инвективный речевой акт, является иллокутивным актом. Кажется правдоподобным, что оскорбле- ние как речевое действие не удовлетворяет ни перформативному крите-

⁴ См. об этом у В.И. Жельвиса: «Укажем на еще один фактор, влияющий на воспри- ятие словесной агрессии: для воспринимающего существенно, обращена она про- тив непосредственно присутствующего человека или употреблена в его отсутствие. В последнем случае она часто вполне допустима и не носит характера откровенного личного выпада. Обычно в таком случае ее шокирующая роль несоизмеримо мень- ше, чем в случае прямого обращения, даже если употребленные выражения объек- тивно очень резки. Будучи же передана „услужливым“ участником разговора адре- сату, она становится оскорбительной, как если бы была обращена прямо по адресу» [Жельвис, 2001, с. 78].

рию Дж. Остина, ни критерию наличия намерения к тому, чтобы слушающий опознал намерение говорящего П. Стросона [Стросон, 1986], ни тому, что Дж. Серль называл иллокутивной целью речевого акта, которую он положил в основание своей классификации речевых актов.

Дж. Остин исключил оскорбление из итогового перечня иллокутивных актов. Так, он утверждает, что «...иногда произнесение определенных слов оказывается на деле осуществлением некоторого действия: например, человека можно и оскорбить, и упрекнуть, однако нет такого перформатива „Я оскорбляю тебя“. Наш критерий годится не для всех случаев произнесения высказывания, равнозначного действию, поскольку не всегда представляется возможным его „сведение“ к эксплицитному перформативу» [Остин, 1986, с. 67]⁵.

Дж. Остин интерпретировал оскорбление, скорее всего, как перлокутивный акт. Напомним, что в качестве одного из критериев разграничения иллокутивных и перлокутивных актов Дж. Остин вводит оппозицию «in saying / by saying», которая соответствует оппозиции «говоря (=путем говорения) x, я совершаю X / с помощью высказывания x я совершаю Y». Другими словами, когда кто-то говорит *Я приказываю*, тем самым он именно приказывает (in saying), когда же кто-то говорит *Я застрелю тебя*, то он может, например, напугать слушающего (by saying) [Остин, 1986, с. 101].

Несколько слов в связи с изложенным необходимо сказать об «иллокутивном самоубийстве» Вендлера [Вендлер, 1985], потому что может показаться, что его (Вендлера) теория способна объяснить трудности, которые связаны с отсутствием перформативного употребления глагола «оскорблять».

По нашему мнению, несмотря на то что Вендлер, бесспорно, открыл значимые для теории речевых актов закономерности в функционировании перформативов, его концепция не внесла ясность в разграничение иллокутивных и перлокутивных актов, и это становится хорошо

⁵ См. также в другом месте его работы: «Раз оскорбление является конвенциональной процедурой, по преимуществу вербальной, мы в какой-то мере вынуждены понимать ту процедуру, к которой задумал обратиться человек, сказавший: „Я оскорбляю вас“. И все же мы стоим перед необходимостью отказаться от нее прежде всего потому, что смутно ощущаем присутствие некоего препятствия, мешающего окончательно признать эту конвенцию, хотя природа этого препятствия не вполне нам понятна» [Остин, 1986, с. 43]. Вполне вероятно, что Остин все-таки сомневался относительно статуса оскорбления, в другом месте он отмечает любопытный факт: «Но я слышал, что во время расцвета студенческих дуэлей в Германии было принято, чтобы члены одного клуба проходили рядами мимо членов соперничающего клуба и каждый вежливо говорил своему противнику „Beleidigung“, что означает „Я оскорбляю вас“» [Остин, 1986, с. 47].

понятным на фоне его описания самого «ясного» случая, а именно, описания так называемого иллокутивного глагола *лгать*⁶. На наш взгляд, является очевидным то, что ложь является перлокутивным, а не иллокутивным актом. Чтобы ложь была успешным речевым действием, говорящий должен произвести иллокутивный акт утверждения (репрезентатив по Серлю или констатив по Остину), а слушающий должен воспринять этот иллокутивный акт именно как акт, в котором говорящий берет на себя ответственность за истинность утверждаемого высказывания. И если говорящий предварит свое высказывание «перформативом» *Я лгу* (буквально скажет *Я лгу, что я не брал эти деньги*), то он не добьется именно желаемого перлокутивного эффекта или результата, который заключается в желании говорящего, чтобы слушающий думал, что истинно Р (истинно, что говорящий не брал деньги), в то время как Р является ложным (т.е. он все-таки эти деньги взял). Таким образом, в этом случае происходит не иллокутивное, а именно перлокутивное самоубийство, так как, формулируя свою цель в виде перформатива, говорящий никогда не сможет достичь желаемого эффекта. Таким образом, речевой акт лжи относится к классу «by saying»: ***при помощи высказывания Р я делаю так, чтобы ты думал, что Р истинно.***

Сказанное делает необходимым рассмотрение возможности описания оскорбления или инвективы не как иллокутивного, но как перлокутивного⁷ речевого акта (или речевого действия)⁸. Данное предположение, если оно верно, должно удовлетворять следующему требованию: перлокутивный речевой акт инвективы должен исполняться при помощи какого-то иллокутивного акта, т.е. в остиновском смысле он представляет собой «by saying».

Думается, что есть две возможности, которые мы рассмотрим отдельно. Первая из них связана с включением инвективы в класс экспрессивов. Эта возможность отмечается в работах Е.М. Вольф [Вольф, 1985], Н.А. Трофимовой [2008], Ю. Левина [Левин, 1996], в которых инвектива соотносится с серлевскими экспрессивами. Но как нам кажется, эта позиция лучше согласуется как раз с концепцией Остина, кото-

⁶ Описание «иллокутивных» глаголов «ругать» и «поносить» у Вендлера, на наш взгляд, менее ясно, чем описание глагола «лгать».

⁷ Сказанное, по нашему мнению, оставляет открытым вопрос о соотношении иллокутивных и перлокутивных актов в теории речевых актов, и здесь мы хотели бы обратить внимание на недавние работы И.Б. Шатуновского, в которых эта проблема сформулирована очень ясно и которые повлияли на наше описание инвективных речевых актов [Шатуновский, 2016; 2017].

⁸ Мы употребляем выражения «перлокутивный речевой акт» и «перлокутивное речевое действие» как синонимичные.

рый, с одной стороны, включал ругань в класс бехабитивов с иллокуцией «отвести душу», с другой, отмечал, что она (ругань) способна вызвать некоторый перлокутивный эффект. Проиллюстрируем это высказываниями из работы Остина.

«Четвертый класс — бехабитивы — очень смешанная группа, связанная с общественным поведением и взаимоотношениями людей. Примеры: извинение, поздравление, похвала, соболезнование, **ругань** и вызов (на состязание, дуэль и т.п.)» [Остин, 1986, с. 119] (выделено нами. — К.Б.; Н.Т.).

Здесь Остин недвусмысленно указывает на то, что ругань является иллокутивным актом.

«Мы можем вызвать чувство в ходе или посредством произнесения высказывания, как при ругани; но и здесь мы не можем воспользоваться перформативными формулами и другими механизмами иллокутивных актов. Можно сказать, что мы используем ругань или божбу (swearing) для того, чтобы отвести душу» [Остин, 1986, с. 90].

В этом же высказывании он формулирует иллокутивную цель этого речевого акта (отвести душу) и указывает на возможность перлокутивного эффекта «вызвать чувство» при помощи употребления (by saying) иллокутивного акта ругани.

Если рассматривать инвективу подобным образом, то это речевое действие будет являться вариантом остиновского бехабитива, при производстве которого «затрагиваются» чувства слушающего (бехабитив с некоторым дополнительным перлокутивным эффектом), или вариантом серлевского экспрессива с некоторым отличием от чистых экспрессивов в том, как оно соотносится с интересами говорящего или слушающего⁹ (=т.е. экспрессив, который оскорбляет)¹⁰.

⁹ Это будет примерно тем же самым, на что указывал Серль в своей классификации параметров речевых актов и что он называл «различия в том способе, которым высказывание соотносено с интересами говорящего и слушающего». См., например: «Рассмотрим, например, различия между похвальбой и жалобами, между поздравлениями и выражением сочувствия. В этих двух парах видно различие между тем, что в интересах, и тем, что не в интересах говорящего или слушающего, соответственно» [Серль, 1986, с. 175]. Эти отличия в данном случае порождают варианты репрезентативов (и похвальба, и жалоба — репрезентативы), эти варианты образуются так же, как обещание и угроза, которые являются комиссивными речевыми актами, соответствующими, соответственно, с положительными и отрицательными интересами слушающего. В случае инвектив в этом смысле мы будем тогда иметь «чистый экспрессив» и «экспрессив, соотношенный отрицательным образом с интересами слушающего».

¹⁰ Отметим, однако, что моделирование инвективных актов в серлевской традиции потребует пересмотра его классификации, что, по нашему мнению, не замечалось в концепциях экспрессивного подхода, в котором просто предлагалось расширить его классификацию [Вольф, 1985].

Вторая возможность, которая, на наш взгляд, имеет больший объяснительный потенциал, связана с признанием инвективных высказываний вида *Гнида!* и др. как речевых актов называния¹¹, таких, которые соответствуют перформативным высказываниям *Я называю тебя гнидой*. Другими словами, когда кто-то говорит кому-то: *Гнида!*, он осуществляет действие: называет этого кого-то словом *гнида*. Таким образом, имеется иллокутивный акт в смысле Остина, который может быть выражен соответствующим перформативным высказыванием.

Это вытекает, по нашему мнению, из семантико-синтаксических свойств этих высказываний. Очевидно, что высказывания вида *Ты гнида!* не соответствуют пропозициональной структуре S есть P, где некоторому субъекту приписывают некоторое свойство. Когда кто-то говорит, что госпожа Петрова — старая облезлая кошка, он не включает госпожу Петрову в класс, который образуется пересечением класса кошек и облезлых вещей, хотя, может быть, включает в класс немолодых людей. Идею перформативов такого типа хорошо иллюстрируют номинации *урод, иуда, чикатило в юбке*¹², которые восходят к именам собственным. Это также хорошо видно при функционировании таких слов, как *урод, пид*рас, шл*ха*. Когда говорящий говорит кому-то *Урод!*, его целью не является описание внешности слушающего, т.е. такое высказывание ни в каком смысле не является дескриптивным высказыванием, то же самое касается и слова *шл*ха*, которое способно употребляться как инвектива и по отношению к девушке, относительно которой говорящему известно, что она не имела опыта сексуальных отношений, более того, это слово может быть употреблено и по отношению к мужчине.

Интересный пример, который иллюстрирует описанные тезисы, приводится в работе В.И. Жельвиса:

<...> Было уже довольно темно, когда я отвел Патрицию Хольман домой. Медленно возвращался я назад. На душе у меня стало вдруг одиноко и пусто <...> Черт побери! Меня круто развернуло, потому что я налетел на какого-то толстенького человечка. «Эй! — прорычал толстяк, кияя от бешенства. — Протри глаза, ты, неуклюжий пук соломенный!». Я не отвел глаза. «Ты что, не привык людей встречать, а?» — продолжал он гавкать. Он попался мне как нельзя более кстати. «Людей-то я встречал, — ответил я, — но вот не видал, чтобы по улице ходили пивные бочки». Толстяк ни минуты не помедлил с ответом. Он

¹¹ В классификации Остина — это перформатив «call», который включается им в подгруппу 7с экспозитивов.

¹² Пример С.В. Дорониной из проведенного ею экспертного исследования.

застыл, раздулся и прошипел: «Знаешь что? Иди-ка ты в зоопарк! Нечего сонным кенгуру на улице делать!» Я сообразил, что имею дело с ругателем высокого класса. Ну что ж, несмотря на мое угнетенное состояние, нельзя было ронять свое достоинство. «Ступай своей дорогой, ты, полоумный семимесячный недоносок!» — сказал я и поднял руку в благословляющем жесте. Он пропустил мой совет мимо ушей. «Пусть тебе в башку хоть бетон жидкий зальют, навиян ты бесхвостый!» — пролаял он. Я запустил в него плоскостопым декадентом. Он в меня — линючим какаду. Я его двинул безработным мойщиком трупов. На это он уже с некоторым уважением обозначил меня как коровью голову, пораженную раковой опухолью. Тогда я, чтобы уж на том и закончить, назвал его бродячим кладбищем бифштексов. И тут лицо его просияло. «Бродячее кладбище бифштексов — это здорово, — сказал он. — Я такого еще не слышал. Включу в свой репертуар. Ну, а пока...» Он приподнял шляпу, и мы расстались, преисполненные взаимного уважения. Перебранка меня освежила. (Перевод В.И. Жельвиса) [Жельвис, 2001, с. 48].

Очевидно, что в представленной «дуэли» **названий** «победила» номинация *бродячее кладбище бифштексов*, понятно, что к другим речевым актам эта «дуэль» не имеет никакого отношения. Например, нельзя сказать, что *бродячее кладбище бифштексов* было одним из лучших средств выразить негативную эмоцию в этой коммуникативной ситуации, если бы мы захотели рассматривать эти инвективы как экспрессивные речевые акты с негативной оценкой слушающего¹³.

Редукция инвективы к перформативам «call», по нашему мнению, хорошо объясняет все трудности, которые связаны с обобщением цели инвективных высказываний. Слушающий идентифицирует все инвективные высказывания по иллокутивному акту называния, т.е. по речевому действию, которое несет информацию о том, как говорящий его (слушающего) называет. При этом инвектуму неважно, с какой целью его так называют: хочет ли говорящий оскорбить его, обращается ли он к третьему лицу для того, чтобы тот разделил его оценку по поводу инвектума, или произносит он это высказывание с какой-то иной целью. Именно поэтому высказывания *Ты гнида!*, произнесенное с агрессией и адресованное инвектуму, и *Я с этой гнидой за один стол не сяду!*, произнесенное с мольбой в голосе и адресованное третьему лицу, одинаково оскорбительны для инвектума, потому что в обоих случаях инвектум понимает, что был осуществлен речевой акт, в котором его на-

¹³ Вспоминается достаточно большой ряд детских инвектив-названий, которые отчасти носят инвективный и отчасти игровой характер: «гусь бритый», «сопля на подтяжках», «унитаз на педалях», «гвоздь беременный».

звали гнидой. Нужно при этом отметить, что и сам говорящий понимает, что когда он называет (=осуществляет действие) кого-то гнидой или г*воном, то независимо от общей коммуникативной цели этот речевой акт несет в себе перлокутивный эффект оскорбления. Другими словами, перлокутивный эффект в данном случае конвенционализован в таком речевом акте, в частности, он конвенционализован в самих лексических единицах, которые и выполняют функцию названий в этом иллокутивном акте.

То же самое можно сказать и о речевых актах, которые производятся относительно близких инвектума. Перлокутивный эффект оскорбления или обиды в них также носит конвенциональный характер. Говорящий, если он уверен, что слушающий разделяет, что Р, когда называет мать слушающего гнидой, может быть уверен и в том, что перлокутивного эффекта оскорбленности у слушающего не возникнет.

Предположим, что слушающий «согласен» с высказыванием *Твоя мать — гнида!* (это вполне возможно, так как к матерям относятся по-разному), тогда возможно, что друг, который называет мать слушающего гнидой, может быть уверен, что слушающий не оскорбится, но оба они при этом понимают, что относительно матери слушающего произведен иллокутивный акт «называния» с конвенциализованным эффектом оскорбления. Возможна и другая ситуация, в которой, несмотря на то что слушающий согласен с высказыванием Р, он считает, что никто не имеет права так **называть** его мать. Ситуация, в которой инвектор не знает о том, что слушающий согласен с Р, описывается тривиальным образом как ситуация с конвенциализованным перлокутивным эффектом оскорбления или обиды не только по отношению к матери инвектума, но и по отношению к самому инвектуму.

Далее необходимо рассмотреть, что собой представляет речевой акт, который Остин сводил к перформативу «call» (называть). Напомним, что этот речевой акт по-разному рассматривается у Остина и у Серля. Остин включал этот речевой акт в класс экспозитивов, Серль же включил данный речевой акт в класс репрезентативов, не признавая самостоятельный статус этого речевого акта.

Отмечая, что речевые действия, такие как «диагностировать», «называть», «идентифицировать», имеют другой синтаксис, нежели типовые репрезентативы, Серль говорит: «Имеются, таким образом, по-видимому, очень строгие ограничения на один из типов репрезентативных глаголов, отсутствующие в случае других типов. Значит ли это, что необходимо принять, что эти глаголы были ошибочно помещены в рубрику репрезентативов наряду с глаголами типа „констатировать“

„утверждать“, „заявлять“ и „предсказывать“ и что необходимо выделить их в отдельный класс? Ведь можно было бы сказать, что существование этих глаголов подтверждает точку зрения Остина о необходимости выделения класса вердиктивов, отличного от экспозитивов. Но такой вывод был бы, несомненно, странным, поскольку Остин многие из названных выше глаголов относит к категории экспозитивов. Он расценивает „описывать“, „классифицировать“, „идентифицировать“ и „называть“ как экспозитивы, а „диагностировать“ и „описывать“ как вердиктивы. Обычный синтаксис многих вердиктивов и экспозитивов вряд ли подтверждает выделение вердиктивов в отдельный класс. Однако, отвлекаясь от таксономии Остина, вопрос можно поставить так: нужна ли отдельная семантическая категория для объяснения этих синтаксических фактов? Думаю, что не нужна» [Серль, 1986, с. 190].

Серль, на наш взгляд, справедливо критикует Остина за то, что он отнес перформатив «называть» к классу экспозитивов. Также он справедливо замечает, что в классификации Остина такие речевые акты должны быть рассмотрены, скорее, как вариант вердиктивов, но Серль, по нашему мнению, не прав, когда утверждает, что все такие речевые акты сводимы к репрезентативам.

Действительно, можно выделить речевые акты, которые имеют экспозитивные черты и имеют поверхностную структуру речевых актов называния, такие речевые акты распространены в научном стиле. Примером такого речевого акта может служить следующее высказывание: «Действие Р **называется** коммутативным в классе К, если результат этого действия не зависит от порядка элементов класса К, на которых оно выполняется» [Тарский, 1948, с. 223]. Но такие высказывания относятся, скорее, к перформативу «определять» (define — класс 7а остиновских экспозитивов), но не к перформативу «называть». Это так называемые номинальные определения, в которых устанавливается равенство имени и пропозициональной функции или конъюнкции пропозициональных функций. В приведенном примере утверждается, что имя «коммутативный» далее в тексте будет употребляться в значении «свойство или действие, которое не зависит от порядка элементов». «Определять» в данном случае имеет черты и комиссивов, на это указывал и сам Остин. Определяя так коммутативность, говорящий берет на себя обязательство употреблять термин «коммутативный» в этом, указанном в тексте значении, а не в другом.

Таким образом, речевые акты «call» не равны речевым актам «define», которые связаны с определением и эквивалентным употреблением единиц текста. Поэтому Серль был прав, исключив их из класса экс-

позитивов. Но также справедливо, что не все из таких речевых актов могут быть включены в класс репрезентативов. Они, на наш взгляд (и как на это справедливо указывал Серль), представляют собой именно вердикты, это решения по поводу фактов, они оценивают факты. Даже в простейшем случае, когда, например, находясь на природе, мы называем пень столом, мы ни в каком приемлемом смысле не описываем и не определяем пень, мы фиксируем наше решение использовать *этот пень* как стол, также при этом фиксируется решение о том, что в этой коммуникативной ситуации на всем ее протяжении¹⁴ слово *стол* будет отсылать к ранее принятому нами решению и будет иметь референцию к пню.

Это утверждение справедливо как для собственно инвектив типа *гнида*, так и для инвектив, которые имеют в своем значении дескриптивный элемент, таких, например, как *убийца*.

Приведем примеры, которые иллюстрируют данный тезис. Начнем с собственно инвективного употребления.

Вера уже собиралась воскликнуть что-то вроде: «А вот и мы!» или «Смотрите, что мы принесли!», но Евдокия придержала её рукой и дала знак молчать. Они тихо стояли в стороне и наблюдали за тем, что происходило у озера. Валентин безмятежно спал, пригревшись на солнышке. А Михаил и Майя лежали рядышком, глядя на плещущуюся перед ними воду, и о чём-то беседовали — судя по всему, очень романтично, потому что правая рука Михаила покоилась там, где ей не полагалось. — Вот же гнида, — тихо проговорила Вера. — Девчонка ему в дочери годится, а он! — Ну, я им сейчас обоим покажу! — прошептала возмущённая Евдокия. Вера остановила её: — Не делай ничего сгоряча (Аркадий Мацанов. Коротким летом на Лене. 2014).

Очевидно, что выражение *вот же гнида* в данном тексте является выражением, которое фиксирует некоторое решение по поводу конкретного факта (рука персонажа находится «не там, где ей полагалось быть»), это своего рода вердикт, который один из персонажей выносит по поводу поведения другого персонажа. Другими словами, собственно инвективные названия никогда не произносятся вне решений по поводу каких-либо конкретных фактов, даже если они адресованы непосредственно инвектуму и являлись первым высказыванием в данной коммуникативной ситуации. Начало общения с названием кого-то *гнидой* просто означает, что говорящий оценивает факты, которые стали из-

¹⁴ Мы можем находиться на природе в этом конкретном месте, где находится этот конкретный пень, достаточно долго и употреблять в течение этого времени слово «стол» с референцией к пню.

вестны ему до коммуникативного взаимодействия. Вердиктивный характер этих речевых актов проявляется в возможности употребления инвективных названий в таких выражениях, как *Так только гниды поступают*, *Почему ты ведешь себя, как гнида?*, в которых как бы присутствует обобщенное представление о фактах, наличие которых позволяет вынести соответствующий вердикт: *Ты гнида!*

Сказанное справедливо и для речевых актов называния, где употребляется слово, имеющее в своей семантике дескриптивный элемент. Приведем пример, который иллюстрирует это утверждение.

Около телеграфного столба теснилась толпа. На столбе висела женщина. Чтобы не нарушать телеграфную связь, к столбу прибили длинную планку, эдак метра на полтора. У девушки было чугунное, набухшее кровью лицо, две шпильки тускло поблёскивали в рыжих волосах — они были аккуратно заплетены в какую-то несложную, но высокую причёску.

Когда Курт подошёл, на него даже не посмотрели. Люди стояли молча, полностью уйдя в ужас созерцания. Да и в самом деле было почему-то невозможно оторваться от этого чугунного лица и двух стёртых, тусклых шпилек в высокой причёске...

...Он отвернулся.

— Её давно повесили? — спросил он какого-то старика в жилетке, с котелком на голове.

Старик не ответил, словно и не слышал, но рядом со стариком стоял франтоватый, неприятный господин, маленького роста, лысый, с очень нервным и подвижным лицом. Вот он и взглянул на Курта. А затем случилось вот что.

Около самого столба стояла старуха, высокая, костлявая, но с румяным лицом и чёрными жёсткими волосами. То ли сказала она что, то ли глянула не так, как нужно, но вдруг один из солдат перехватил тяжёлый автомат, что очень оттягивал его шею и стеснял все движения, и подошёл к ней вплотную.

— А ну, уйди! — сказал он негромко.

— Я... — начала старуха.

— Уйди! — повторил солдат, не повышая голоса, и взял её за руку. Он сердился. Солнце пекло вовсю, и стоять на посту, под ногами повешенной, тоже было не сладко.

— Убийца! — вдруг громко и отчётливо сказал около Курта лысый фронт.

Курт взглянул на него. Тот поймал этот взгляд, поднял руку и дрожащей рукой провёл по груди.

— Убийца! — повторил он ещё раз.

Солдат вздрогнул и глухо сказал:

— *Вот вы как? А ну, посмотрю, кто это ко мне просится!* — и пошёл в толпу (Юрий Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Часть 3. 1943–1958).

Очевиден вердиктивный характер употребления выражения *Убийца!* в представленном фрагменте текста. Данный речевой акт не является описанием какого-то положения дел. Называя (=исполнен речевой акт «call») солдата убийцей, говорящий не утверждает, что этот солдат повесил женщину на столбе, скорее, он обвиняет или осуждает солдата в том, что он ответствен за то, что женщина погибла, что ее повесили, другими словами, он выносит решение по поводу фактов (смерть женщины, солдат служит тем, кто ее повесил и т.п.). Таких примеров достаточно много: когда Сталина или Гитлера называют словом *убийца*, обычно не имеют в виду, что они лично убивали кого-то, но выносят вердикт на основе многих фактов и оценок (они подписывали или отдавали соответствующие приказы, были инициаторами соответствующих законов и т.п.).

Но Серль прав, однако, в том, что единицы, которые имеют дескриптивный элемент в значении, могут употребляться и в составе констативного речевого акта, таким образом, может иметь место омонимия речевых актов.

Наглядно это можно проиллюстрировать высказываниями типа:

*Я с пид*расом за одним столом сидеть не буду*

Очевидно, что такие выражения могут быть интерпретированы двояко. Во-первых, это может означать, что тот, к кому имеет референцию высказывание *Он пид*рас*, является человеком нетрадиционной сексуальной ориентации, и тогда это констатив, который имеет дополнительное значение осуждения. Говорящий считает нетрадиционную сексуальную ориентацию неприемлемой, а потому не считает возможным сидеть с инвектумом за одним столом.

Но, во-вторых, эта же фраза может быть интерпретирована и в смысле «call», когда, например, между инвектором и инвектумом до произнесения этой фразы имел место конфликт, в ходе которого инвектум сделал нечто, относительно чего инвектор полагает обоснованным выносить вердикт: *Ведет себя как пид*рас*. Это значение будет еще более ясным, если инвектумом будет женщина и будет произведено высказывание *Я с пид*расками за одним столом сидеть не буду*, которое включает интерпретацию его как репрезентатива.

Таким образом, в случаях *урод*, *убийца*, *проститутка* и др. мы должны констатировать возможность реализации этих единиц как

в составе репрезентативов, так и в составе речевых актов называния. Поэтому Серль был прав, когда утверждал, что называть кого-то лжецом — это в определенных случаях утверждать, что кто-то солгал, но он не прав, что все речевые акты подобного рода сводимы к репрезентативам, в этом аспекте эти речевые акты являются, на наш взгляд, вердиктивами.

Библиографический список

- Бринев К.И. Факты и оценки, факты и мнения: анализ оппозиций субъективное / объективное, верифицируемое / неверифицируемое // Культура и текст. 2019. № 4.
- Вежбицкая А. Дескрипция или цитация // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13.
- Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза : учебник. М., 2021.
- Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 2001.
- Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова О.М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. М., 2016.
- Левин Ю. Об обценных выражениях русского языка // Антимир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература. М., 1996.
- Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17.
- Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17.
- Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17.
- Стросон П. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17.
- Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., 1948.
- Трофимова, Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ. СПб., 2008.
- Шатуновский И.Б. Перлокутивные действия и их виды: как действовать словами, действуя словами // Вестник государственного университета «Дубна». Серия: Науки о человеке и обществе. 2016. № 1.

Шатуновский И.Б. Перлокутивные действия и их виды: как действовать словами, действуя словами (продолжение) // Вестник государственного университета «Дубна». Серия: Науки о человеке и обществе. 2017. № 1.

Список источников

Аркадий Мацанов. Коротким летом на Лене // Ковчег. 2014. URL: <https://litbook.ru/article/6137/>

Юрий Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Собрание сочинений в 6 т. Ч. 3. 1943-1958. Т. 2. М., 1992. URL: <http://lib.ru/PROZA/DOMBROWSKIJ/dombrovsky2.txt>

References

Brinev K.I. *Fakty i ocenki, fakty i mneniya: analiz oppozitsij sub'ektivnoe / ob'ektivnoe, verificiruемое / neverificiruемое*. [Facts and assessments, facts and opinions: analysis of oppositions subjective / objective, verifiable / unverifiable]. In: *Kul'tura i tekst*. [Culture and text]. 2019. No. 4.

Vezhbitska A. *Deskripciya ili citaciya*. [Description or citation]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. [New in foreign linguistics]. Vol. 13. Moscow, 1982.

Vendler Z. *Illokutivnoe samoubijstvo*. [Illocutionary suicide]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. [New in foreign linguistics]. Vol. 16. Moscow, 1985.

Wolf E.M. *Funkcional'naya semantika ocenki*. [Functional semantics of evaluation]. Moscow, 1985.

Galyashina E.I. *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza*. [Forensic linguistic examination]. Moscow, 2021.

Zhelvis V.I. *Pole brani. Skvernoslovie kak social'naya problema v yazykah i kul'turah mira*. [Battlefield. Foul language as a social problem in the languages and cultures of the world]. Moscow, 2001.

Izotova T.M., Kuznetsov V.O., Plotnikova O.M. *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza po delam ob oskorblenii*. [Forensic linguistic examination in cases of insult]. Moscow, 2016.

Levin Yu. *Ob obscennyh vyrazheniyah russkogo yazyka*. [About obscene expressions of the Russian language Language. Folklore. Literature]. In: *Antimir russoj kul'tury. Yazyk. Fol'klor. Literatura*. [Antiworld of Russian culture]. Moscow, 1996.

Austin J. *Slovo kak dejstvie*. [The word as an action]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. [New in foreign linguistics]. Vol. 17. Moscow, 1986.

Searle J.R. *Klassifikaciya illokutivnyh aktov*. [Classification of illocutionary acts]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. [New in foreign linguistics]. Vol. 17. Moscow, 1986.

Searle J.R. *Chto takoe rechevoj akt?* [What is a speech act?]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. [New in foreign linguistics]. Vol. 17. Moscow, 1986.

Strawson P. *Namerenie i konvenciya v rechevyh aktah*. [Intention and convention in speech acts]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. [New in foreign linguistics]. Vol. 17. Moscow, 1986.

Tarski A. Introduction to logic and methodology of deductive sciences. *Vvedenie v logiku i metodologiyu deduktivnyh nauk*. [Introduction to logic and methodology of deductive sciences]. Moscow, 1948.

Trofimova N.A. *Ekspressivnye rechevye akty v dialogicheskom diskurse. Semanticheskij, pragmaticheskij, grammaticheskij analiz*. [Expressive speech acts in dialogic discourse. Semantic, pragmatic, grammatical analysis]. St. Petersburg, 2008.

Shatunovskij I.B. *Perlokutivnye dejstviya i ih vidy: kak dejstvovat' slovami, dejstvuya slovami*. [Perlocutionary actions and their types: how to act with words, acting with words]. In: *Vestnik gosudarstvennogo universiteta «Dubna»*. [Bulletin of the State University "Dubna"]. 2016. No. 1.

Shatunovskij I.B. *Perlokutivnye dejstviya i ih vidy: kak dejstvovat' slovami, dejstvuya slovami1 (prodolzhenie)*. [Perlocutionary actions and their types: how to act with words, acting with words1 (continued)]. In: *Vestnik gosudarstvennogo universiteta «Dubna»*. [Bulletin of the State University "Dubna"]. 2017. No. 1.

List of Sources

Arkady Matsanov. *Korotkim letom na Lene*. [Short summer on Lena]. 2014. URL: <https://litbook.ru/article/6137/>

Yuri Dombrovskij. *Obez'yana prikhodit za svoim cherepom*. [The monkey comes for his skull]. Part 3. 1943–1958. T. 2. Moscow, 1992. URL: <http://lib.ru/PROZA/DOMBROWSKIJ/dombrovsky2.txt>

СПЕЦИФИКА КИНО-/ВИДЕОПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ)

Э.С. Денисова, Д.Е. Юминова

Ключевые слова: слово-реалия, художественный фильм, кино-/видеоперевод, субтитры, китайский язык, русский язык.

Keywords: word-reality, feature film, film/video translation, subtitles, Chinese, Russian language.

DOI 10.14258/filichel(2023)4-03

Проблема передачи национально-культурного своеобразия народа через язык обусловлена наличием в последнем особых лингвострановедческих единиц — это «безэквивалентная лексика, коннотативная лексика, устойчивые речевые формулы, невербальные средства коммуникации, реалии, фоновые знания и т.д.» [Верещагин, Костомаров, 1973, с. 51]. Особый интерес у лингвистов вызывают реалии — культурные символы, в которых «отражены коллективные представления о предмете и его свойствах, бытующие у представителя одного этноса» [Привалова, 2005, с. 88].

Вопросы описания и систематизации реалий продолжают оставаться одними из актуальных в отечественной филологической науке, в т.ч. в такой новой сфере теории перевода, как кино-/видеоперевод [Матасов, 2009, с. 5]. Будучи культурно маркированной единицей, реалия представляет наибольшую трудность для переводчика при работе с кино-/видеоматериалом, «поскольку обладает свойством накопления культурно значимой информации концептуального характера и является носителем культурных коннотаций» [Матасов, 2009, с. 11]. Изучение специфики кино-/видеоперевода реалий в таких разноструктурных языках, как китайской и русский, также нуждается в многостороннем и глубоком исследовании [Васильева, 2017; Ма Чжо, 2020; Постоечко, 2020; Привороцкая, 2013, Рукавишникова, 2018]. Все вышесказанное стимулирует актуальность данного исследования, в котором мы обращаемся к изучению особенностей кино-/видеоперевода реалий китайской культуры на русский язык. Теоретическая значимость исследования в том, что оно вносит вклад в изучение актуальных направлений современной лингвистики: этнолингвистика, лингвокультурология и лингвострано-

ведение. Практическая значимость работы заключается в возможности применения результатов исследования в теории и практике кино-/видеоперевода.

Объектом нашего исследования являются слова-реалии китайской культуры, предметом — специфика перевода китайских слов-реалий на русский язык. Основная единица описания в нашей работе — слово-реалия, под которой понимается лексическая единица, «характерная для данной культуры и не имеющая соответствия в другой» [Привалова, 2005, с. 88]. Всего собрано 24 слова-реалии китайского языка. В качестве источника исследования послужил китайский исторический сериал «Троецарствие», описывающий события эпохи Троецарствия [Троецарствие, 2010а; Троецарствие, 2010б]. Данная эпоха в истории Китая длилась с 220 по 280-е гг. (III в.). Сюжет сериала повествует о событиях, которые привели к расколу единого государства на три независимые части, что соответствует реальным событиям древности. Сериал основан на знаменитом одноименном романе Ло Гуаньчжуна «Троецарствие», исторических хрониках «Записи о Трех царствах» и других исторических текстах.

На русский язык сериал «Троецарствие» был переведен несколькими командами переводчиков, что также учтено в нашей работе: в сопоставительном аспекте были проанализированы субтитры неофициального перевода от **geodep** [Троецарствие, 2010а] и **den904** [Троецарствие, 2010б].

Методологическую базу нашего исследования составляет «системный подход, основывающийся на анализе частей сложного объекта в их взаимодействии» [Матасов, 2009, с. 4], в рамках этого подхода используется метод дискурсивного анализа кинотекста, предложенный в работах Р.А. Матасова. Также при анализе собранного материала мы использовали авторскую модель описания субтитров со словом-реалией, включающую следующие этапы:

1. Отбор субтитров с реалией на русском языке по формальным (транслитерация) и содержательным (уникальные единицы / ключи, которые не используются в современном китайском языке) критериям.

2. Сравнение субтитров с оригинальным китайским кинотекстом. На данном этапе мы сравнивали полное / частичное совпадение субтитра с аудиальным текстом. Так, в ряде случаев субтитр полностью совпадал с аудиодорожкой (см. табл. 1)¹⁵.

¹⁵ Здесь и далее ссылки даны на следующие источники [Троецарствие, 2010а; Троецарствие, 2010б].

Таблица 1

Кинотекст	Субтитры
他们不是要杀我们，是要杀猪。 [tāmen bùshì yào shā wǒmen shì yào shā zhū]	Они не собираются убивать нас, они собираются убивать свиней

3. Поиск значения реалии в «Большом китайско-русском словаре» [БКРС] и его слова-замены в русском. Например, значение слов-реалий сравнивалось нами с точки зрения синонимизации: 校尉 [xiàowèi] — воевода, полководец, гвардеец; 天子 [tiānzǐ] — сын неба, император.

4. Определение тематической группы слова-реалии и его слова-замены. В нашем материале представлены такие тематические группы, как военные чины, государственные должности, имена собственные (географические названия, имена деятелей). Самую многочисленную группу составляют названия государственных должностей (см. табл. 2):

Таблица 2

Реалия	Перевод
丞相 [chéngxiàng]	Ист. канцлер, главный помощник императора (с дин. Хань)
万户侯 [wànzhūhóu]	Ист. князь с леном (районом кормления) в 10 000 дворов (дин. Хань)
诸侯 [zhūhóu]	Ист. чжухоу (местный вассальный князь; с эпохи Чжоу)

5. Оценка лингвокультурологической ценности слова-реалии и его слова-замены. Большинство реалий кинотекста относятся к устаревшей лексике (см. табл. 3 и 4).

Таблица 3

Реалия-историзм	Перевод
诸侯 [zhūhóu]	Ист. чжухоу (местный вассальный князь; с эпохи Чжоу)

Таблица 4

Реалия-архаизм	Перевод
天下 [tiānxià]	Уст. Китай, китайская империя

6. Идентификация использованного способа перевода. Наиболее частотным способом перевода оказался способ транслитерации, в основном задействованный при переводе тематических групп *военные ранги и государственные чины* (табл. 5). Также при переводе были

использованы аналоговый (табл. 6); нулевой (табл. 7) и описательный (табл. 8) способы. К лингвокультурологическому комментарию переводчики не обращались.

Таблица 5

Транслитерация

Реалия	Перевод	Субтитры
诸侯 [zhūhóu]	<i>Ист.</i> чжухоу (местный вассальный князь; с эпохи Чжоу)	Чжухоу

Таблица 6

Аналоговый перевод

Реалия	Перевод	Субтитры
天下 [tiānxià]	<i>Уст.</i> Китай, китайская империя	Страна

Таблица 7

Нулевой перевод

Реалия	Перевод	Кинотекст / субтитры
万户侯 [wàn hù hóu]	<i>Ист.</i> князь с леном (районом кормления) в 10 000 дворов (дин. Хань)	朝廷赏千金封万户侯 [cháo tíng shǎng qiān jīn fēng wàn hù hóu] ... в награду получит золото и титул хоу

В оригинальном кинотексте содержится уточнение 万户 [wàn hù] (десять тысяч дворов), которое было опущено при переводе в субтитрах.

Таблица 8

Описательный перевод

Реалия	Перевод	Кинотекст / субтитры
豪气冲天 [háoqì chōngtiān]	Горячее воодушевление; небывалый подъем	真是忠肝义胆豪气冲天啊 [zhēnshì zhōnggānyìdǎn háoqì chōngtiān a] <i>Эти двое — настоящие люди чести</i>

7. Соотношение количества реалий в китайском кинотексте и русских субтитрах: совпадает / не совпадает. Как правило, реалий в русских субтитрах было представлено меньше, чем в аудиальном кинотексте.

8. Установление валидности перевода (точный / неточный / ошибочный).

Таблица 9

Неточный перевод

Кинотекст	Перевод	Субтитры
燕雀安知鸿鹄之志 [yànquè ānzhī hónghú zhī zhì]	Ласточкам и воробьям не понять устремления величественного лебеда (в знач. простому человеку не понять цели великого человека)	<i>Где воробью понять стрем- ления аиста?</i>

Переводчики сделали выбор в пользу дословного перевода фразы, при этом немотивированно исказив название птицы — так лебедь превратился в аиста (см. табл. 9).

Таблица 10

Ошибочный перевод

Кинотекст	Перевод	Субтитры
人中吕布马中赤兔 [rén zhōng lǚbù mǎ zhōng chītù]	Среди людей есть Люй Бу, среди лошадей есть Читу	<i>Говорят, Люй Бу — лучший среди людей, «Русый заяц» среди лошадей</i>

Выражение 赤兔 chītù имеет двойное значение: в мифологии Китая — это красный, кумачевый кролик, предвестник счастья и добрых вестей, но также и отличный, выдающийся конь (см. табл. 10).

Обратимся к подробному анализу материала с опорой на разработанную нами модель.

Таблица 11

Серия 1. Таймкод 9:36

Реалия	Перевод	Субтитры
校尉 [xiàowèi]	1) <i>ист., театр</i> воевода, полководец (с дин. Хань) 2) гвардеец, охранник (дин. Мин)	先生, 曹操校尉来了。 [xiānshēng, cáocāo xiàowèi láiile] <i>Господин, пришел полководец Цао Цао</i>

Ввиду временного периода, описываемого в сериале (Троецарствие — противостояние трех царств на территории Китая, ознаменовавшееся многочисленными дворцовыми интригами и войнами), в кинотексте представлено большое количество слов-реалий, относящихся к военному делу. Перевод их может представлять определенную сложность, так как специфика военных рангов не всегда может быть точно передана в целевом языке, ср.: «В китайском языке использование архаизмов придает возвышенную стилистическую

окраску речи, указывает на ее торжественность и официальность» [Рукавишникова, 2018, с. 11].

Так, в переводе русских субтитров от **geodep** звание главного героя было передано транслитерацией [Троецарствие, 2010a]. Такой же прием использован и в русском дубляже от **den904** [Троецарствие, 2010b]. С точки зрения точности и передачи реалий данный прием можно считать удачным, однако в случае если контекста недостаточно, зрителю может потребоваться дополнительное пояснение.

Эпоха Троецарствия, озаменованная противостоянием трех государств — Вэй, У и Шу, пришлась на период, последовавший за крахом династии Хань. В тот период времени полководцы именовались 校尉 [xiàowèi]. Это было официальное звание, один из важнейших военных титулов. По статусу сяо-вэй уступал только генералу — 将军 [jiāngjūn] (см. табл. 11).

Таблица 12

Таймкод 11:12

Реалия	Перевод	Кинотекст / субтитры
末席 [mòxí]	Последнее (по старшинству) место (напр. на пиру)	在门旁增设一末席 置小几一张 小盏一具 [Zài mén páng zēng shè yī mò xí zhì xiǎo jǐ yī zhāng xiǎo zhǎn yī jù] <i>Самым последним поставь у двери маленькое сиденье, а к нему столик и свечу</i>

Министр внутренних дел Ван позволяет Цао Цао пройти в дом на празднование своего дня рождения, однако просит слугу поставить для него лишь маленький столик около входа (см. табл. 12). В оригинале фразы также низкое положение Цао Цао подчеркивается несколько раз.

В переводе эта деталь опущена, однако учитывая строгую иерархическую модель общественных отношений в Китае и тот факт, что низкое положение и происхождение Цао Цао еще сыграют роль в сюжете, это могло быть важным акцентом.

Таблица 13

Реалия	Перевод	Субтитры
丞相 [chéngxiàng]	1) министр; премьер; статс-секретарь (при монархии) 2) <i>ист.</i> канцлер, главный помощник императора (с дин. Хань) 3) <i>чэнсян</i> — высшее должностное лицо в государстве, канцлер. При ханьской династии было два <i>чэнсяна</i> , и назывались они <i>чэньсянами</i> правой и левой руки	Чэнсян

Еще один ранг, на этот раз не военный, а чиновничий, достаточно часто появляется в ходе произведения — чэнсян (см. табл. 13). Переводчики также выбрали способ транслитерации для передачи данной реалии. В этом случае зрителю снова потребуется исторический комментарий для прояснения контекста — только два человека могли занимать данный титул в государстве, а значит, иметь, как следствие, большое влияние в обществе.

В доциньскую эпоху существовали две различные должности — 丞相 [chéngxiàng] и 相国 [xiàngguó] или 相邦 [xiāngbāng]. Обе имели значение «канцлер», однако существовали одновременно. Чэнсян служил заместителем сянбана, статус которого был выше. Во времена империи Цинь в качестве заместителя сянбана были утверждены должности «левого» и «правого» чэнсянов. Позднее был учрежден и «средний» (左、中、右). Династия Хань унаследовала систему Цинь.

Таблица 14

Таймкод 13:30

Реалия	Перевод	Кинотекст / субтитры
呜呼哀哉[wūhū āizāi]	1) увы!, о горе! 2) помереть, испустить дух, протянуть ноги, отдать концы, приказать долго жить, накрыться	呜呼哀哉 礼崩乐坏 肝肠寸断 [wū hū āi zāi lǐ bēng yuè huài gān cháng cùn duàn]
礼崩乐坏 [lǐbēng yuèhuài]	Церемонии и музыка в упадке, обр. общество в упадке	Увы! Нормы приличия и мораль больше не соблюдаются.
肝肠寸断 [gāncháng cùnduàn]	Печень и внутренности разрываются на мелкие кусочки (обр. в знач.: сердце кровью обливается, душа разрывается от горя; убиваться, страдать)	Мое сердце наполнено горем!

Во время празднования министр внутренних дел Ван сокрушается, что страна пришла в упадок (см. табл. 14). В оригинале его речь достаточно поэтична, он использует несколько чэньюев, описывающих текущую ситуацию в государстве. Использование чэньюев — очень распространенный прием для создания образности и описательности сцены. Зачастую смысл чэньюя отсылает нас к определенному событию или персонажу истории Китая, мифу, сказке, традиции, культурной реалии. По этой причине от переводчика требуется не только владение языком, но и знание культуры и истории Китая.

Чэньюй 呜呼哀哉 [wūhū āizāi] является междометием, выражающим скорбь, печаль. Исторически это выражение использовалось

в траурных речах во время жертвоприношений. Позднее оно стало употребляться для обозначения гибели, краха.

Идиоматическое выражение 礼崩乐坏 [lǐbēng yuèhuài] подразумевает, что система консервативных норм морали, этикета и воспитания крайне нарушена, претерпевает разрушение. 礼教 [lǐjiào] — это конфуцианские нормы морали, старое воспитание в конфуцианском духе [БКРС].

肝肠寸断 [gāncháng cùnduàn] в буквальном переводе означает «печень и кишечник понемногу разрываются». 肝肠 [gāncháng] — это также в образном значении чувства, эмоции [БКРС]. Аналогом данного выражения в русском языке является фразеологизм *сердце обливаётся кровью*. Метафорически данный чэньюй описывает невыносимые муки, печаль и огорчение.

В совокупности употребленные чэньюй выражают крайнюю степень огорчения.

Таблица 15

Таймкод 22:20

Реалия	Перевод	Кинотекст / субтитры
吕布 [lǚ bù]	Люй Бу (знаменитый воин и полководец периода Троецарствия)	人中吕布 马中赤兔 [rén zhōng lǚ bù mǎ zhōng chì tù] Говорят, Люй Бу — лучший среди людей, «Русый заяц» среди лошадей
赤兔 [chì tù]	1) миф. красный заяц (предвестник счастья) 2) превосходный рысак, отличный конь	

Будучи представленным приемному сыну императора, Цао Цао осыпает его комплиментами. В данном случае переводчиком была допущена ошибка (см. табл. 15). Выражение 赤兔 [chì tù] имеет двойное значение: в мифологии Китая — это красный, кумачевый кролик, предвестник счастья и добрых вестей, но также и отличный, выдающийся конь. Так как первая часть фразы отсылает нас к сравнению с лошадьми, то представляется логичным продолжить метафору. Перевод данного фрагмента неточен и путает зрителя.

Читу был конем Люй Бу, жившего в период Троецарствия. В те времена существовала поговорка: «Среди людей есть Люй Бу, среди лошадей есть Читу» [Энциклопедия Байду]. Это был легендарный конь, бурый как раскаленные угли, грива и хвост его были подобны огню. От него невозможно было уйти.

Таблица 16

Серия 2. Таймкод 15:02

Реалия	Кинотекст	Субтитры
鸿鹄 [hónghú] 1) дикий гусь, лебедь 2) высокие стремления	燕雀安知鸿鹄之志 [yànquè ānzhī hónghú zhī zhì] Ласточкам и воробьям не понять устремления величественного лебедя (в знач. простому человеку не понять цели великого человека)	<i>Где воробью понять стремления аиста?</i>

Лебедь в культуре и мифологии китайцев — важная и знаковая птица. Лебедь считается символом солнечной энергии Ян, мужества. Это находит отражение во множестве крылатых выражений и чэньюев. В данном фрагменте главный герой Цао Цао сравнивает себя с лебедем, так как имеет высокие цели (свергнуть самозванца и восстановить справедливость), а своего захватчика с простыми, земными птицами — воробьями (см. табл. 16). Помимо символизма лебедя, во фразе также присутствует игра слов: 鸿鹄 [hónghú] (лебедь) имеет и второе значение — высокие стремления. Таким образом, двойной акцент делается на значительной разнице мировоззрений героев.

Переводчики сделали выбор в пользу дословного перевода фразы, при этом немотивированно исказив название птицы, — так лебедь превратился в аиста. Хотя человеку, незнакомому с культурой Китая достаточно глубоко, это сравнение может быть не до конца понятно, русский фразеологический эквивалент «гусь свинье не товарищ» стилистически выбивается из атмосферы произведения. Еще одним вариантом перевода могло бы быть выражение «не видеть дальше своего носа». В таком случае это обратило бы внимание зрителя на дальновидность и умение Цао Цао видеть картину целиком, но потеряло бы в образности.

Таблица 17

Таймкод 27:35

Реалия	Перевод	Кинотекст / субтитры
万户侯 [wànhùhóu]	<i>Ист. князь с леном (районом кормления) в 10 000 дворов (дин. Хань)</i>	朝廷赏千金 封万户侯 [cháo tíng shǎng qiān jīn fēng wàn hù hóu] <i>...в награду получит золото и титул хоу</i>

Ввиду того что действие происходит в историческую эпоху, кинотекст изобилует названиями титулов. Достаточно сложным представляется их перевод на русский язык, так как в целевом языке отсутствует сама реалья. Так и в случае с титулом *хоу*, который обещан за голову Цао Цао, не удалось избежать потерь смысла при переводе. В оригинале содержится уточнение 万户 (десять тысяч дворов), которое было опущено в субтитрах (см. табл. 17). В данном случае лучшим решением для переводчика была бы вставка исторического комментария с пояснением.

Титул *ваньхухоу* считался вторым по важности титулом знати. *Ваньхухоу* обладал высоким социальным статусом и распоряжался большим количеством ресурсов (включая рабочую силу, материальные ресурсы, финансовые ресурсы, природные ресурсы и т.д.). Богатство и власть являлись атрибутами данного социального класса [Энциклопедия Байду].

Таблица 18

Серия 3. Таймкод 2:40

Реалия	Перевод	Кинотекст / субтитры
诸侯 [zhūhóu] 刺史 [cìshǐ]	1) <i>ист.</i> чжухоу (местный вассальный князь; с эпохи Чжоу) 2) князя, феодалы ревизор (по округам, <i>дин. Хань</i>); начальник округа (<i>до дин. Цин</i>)	各路诸侯、刺史 [gè lù zhū hóu cì shǐ] ... <i>другие гунны</i> и военачальники

В данном фрагменте переводчики прибегли к приему упрощения (см. табл. 18). Опустив детали и подробности, титулы вассального князя (чжухоу) и ревизора превратились в «гуннов и военачальников», более понятных отечественному зрителю. Однако для сохранения большей точности перевода появляется необходимость в кратком комментарии.

Чжухоу, местный вассальный князь, подчинялся непосредственно указам правителя, преподносил дары и делал доклады о несении службы, а кроме того, обязан был при необходимости посылать войска. Во времена династии Хань система правления изменилась, и удельные князья лишь платили различные подати.

Цыши — окружной ревизор, или феодальный губернатор — древний чин. Иероглиф 刺 cì в 刺史 [cìshǐ] означает *колоть, критиковать*, т.е. проверять и наводить справки, осуществлять ревизию. 史 [shǐ] же имеет значение *цензор* [БКРС]. В правление династии Цинь в каждой области учреждался *цензор*, в обязанности которого входил контроль

вверенной территории. Впоследствии данная система развивалась, что укрепляло власть императора [Энциклопедия Байду].

Таблица 19

Таймкод 6:49

Реалия	Перевод	Кинотекст / субтитры
大哥 [dà gē]	1) старший брат, старший из братьев 2) вы, ты (в дружеском разговоре) 3) босс (в криминальной среде) 4) старик, братан, чувак (обращение к другу)	大哥, 什么礼物啊? [dà gē, shén me lí wù ā?] Брат, что это?

По причине того что культура Китая — коллективная культура, при вежливом обращении к незнакомому человеку и даже к приятелю, другу зачастую используются слова, обозначающие родственные связи, — тетья (阿姨), дядя (叔叔), сестра (大姐), брат (大哥) и т.д. Такая форма обращений очень распространена в Китае и по сей день. В русском языке обращение «брат» обладает определенной степенью фамильярности, близости. Так скорее можно обратиться к другу, чем к малознакомому человеку. Таким образом, ввиду этих «фундаментальных социально-культурных различий выполнить точный перевод на русский язык не представляется возможным» [Киргинцева, 2020].

Обращение 大哥 dàgē позволяет уважительно обратиться к человеку одного возраста с собеседником, реже используется для обращения к старшим (см. табл. 19). Так же, как и 大姐 [dàjiě], широко употребляется в речи, чаще всего в разговорной. Данный обычай берет начало в конфуцианстве. Жители провинции Шаньдун, однако, употребляют видоизмененную форму данного обращения. Именно здесь был рожден Конфуций, но «поскольку он был вторым ребенком в семье, в народе было принято обращение 二哥 [èrgē] — второй старший брат, чтобы провести параллель с мыслителем» [Ван, 2016, с. 285].

Данная реалия встречается в 3-й серии 18 раз.

Таблица 20

Таймкод 7:44

Реалия	Перевод	Кинотекст / субтитры
天子 [tiānzǐ]	Сын неба; император	天子真的授予你讨贼诏书了吗? [tiān zǐ zhēn de shòu yǔ nǐ tǎo zéi zhào shū le má?] Император и правда дал тебе указ?

В китайской культуре ключевым понятием является богоизбранность китайской нации и императора в частности. Отсюда такие названия Китая, как Срединное государство (центр Земли), Поднебесная и, как следствие, титул правителя — Сын неба (см. табл. 20). Считалось, что власть императора дарована ему небесами свыше. Таким образом обеспечивалась неприкосновенность и преемственность власти на протяжении столетий. В указанном случае переводчики выбрали значение данной реалии как «император», при этом потеряв часть смыслового и культурного значения слова. Можно предположить, что зрителю знакома данная реалия и контекст сюжета не оставит простора для интерпретаций значения этой единицы, однако человеку, впервые прикоснувшемуся к истории и культуре Китая, может понадобиться лингвокультурная справка.

Данная реалия встречается в 3-й серии 15 раз.

Таблица 21

Таймкод 8:47

Реалия	Перевод	Кинотекст / субтитры
太守 [tài shǒu]	Правитель области (дин. Хань); начальник префектуры (府; с дин. Сун)	第十四镇 北平太守公孙瓒 [dì shí sì zhèn běi píng tài shǒu gōng sūn zàn] Четырнадцатью иду войска Гунсунь Цзань, тай-шоу Бэй Пин

Еще один термин, относящийся к военным званиям, переводчики адаптировали при помощи транслитерации (см. табл. 21). В данном контексте русскоязычному зрителю будет не до конца понятно значение этой фразы, так как транслитерация звания (тай-шоу) никак не разграничена с транслитерацией имени военачальника (Бэй Пин). В этом фрагменте представляется целесообразным использовать прием обобщения. Возможный перевод в субтитрах — «под командованием Бэй Пина».

В 3-й серии реалия встречается 8 раз.

Должность тай-шоу была учреждена во времена династии Цинь и просуществовала до времен династии Суй. При династии Цинь использовался чин 郡守 [jūn shǒu] — *начальник области*, однако Цзин-ди, шестой император династии, изменил его на 太守 [tài shǒu] — *правитель области*. Во времена династии Цинь и в ранний период династии Хань использовалась двухступенчатая система областей и уездов. В правление седьмого императора У-ди система сменилась на трехступенчатую,

страна была поделена на округа, области и уезды. Должность тай-шоу стала эквивалентна градоначальнику.

Таблица 22

Таймкод 10:12

Реалия	Перевод	Кинотекст / субтитры
郡守 [jùnshǒu]	Ист. начальник области	个个都是刺史郡守之类的人物 [gè gè dōu shì cì shǐ, jùn shǒu zhī lèi de rén wù] ...каждый из них губернатор или инспектор, император

В данном фрагменте переводчик постарался подобрать наиболее узнаваемый и понятный для русского зрителя эквивалент китайского звания начальника области (см. табл. 22). С точки зрения передачи смысла этот вариант достаточно удачен, хотя и не совсем точен. Как уже упоминалось ранее, цзюнь-шоу — это официальный чин в Древнем Китае. Он появился в период Сражающихся царств и изначально обозначал военную должность человека, оборонявшего границы области. Впоследствии он стал обозначать местного губернатора или земского начальника. После объединения страны правителями династии Цинь область стала наиболее крупной административной единицей, и в каждой области был учрежден начальник — 守 [shǒu]. Так правитель области стал именоваться тай-шоу. Так или иначе, глава области занимался делами административными, политическими [Энциклопедия Байду].

Таблица 23

Таймкод 30:27

Реалия	Перевод	Кинотекст / субтитры
龙眉凤目 [lóng méi fèng mù]	Брови дракона и глаза феникса	此人生得龙眉凤目满面英雄气 [cǐ rén shēng dé lóng méi fèng mù mǎn miàn yīng xióng qì] ...у этого человека большой лоб, глаза, как у феникса, он окружен аурой героя

Это выражение — еще один пример того, как культура и символизм животных находят свое отражение в языке (см. табл. 23). В Китае феникс и дракон являются культурными символами, часто встречающимися в различных легендах, сказаниях, мифах и эпосе. Дракон символизирует мужское, светлое начало, а Феникс — женское, темное. Дракон также символизирует императора, а Феникс — императрицу.

Эти мифические животные нередко вместе появляются в чэньюях и крылатых фразах, чтобы отметить красоту, гармонию, мастерство, например, в выражении 龙飞凤舞 (взлет дракона и пляска феникса). Таким образом, сравнение человека и его качеств с одним из этих животных является очень весомым и ценным комплиментом, а если упоминаются оба животных, это также отмечает гармонию и взаимодействие двух начал.

При переводе данного фрагмента было упомянуто только сравнение с фениксом, при этом была утеряна часть аутентичной для Китая дуальности этих животных. Само выражение — 龙眉凤目 [lóng méi fèng mù] — используется для описания видного, выдающегося человека. Возможный вариант перевода — *брови дракона и глаза феникса*.

Таблица 24

Серия 4. Таймкод 3:20

Реалия	Перевод	Кинотекст / субтитры
泰山 [tàishān]	Гора Тайшань	泰山崩于前而面不变色 [tàishān bēng yú qián ér miàn bù biànsè] <i>Даже если гора Тайшань будет перед ним разрушаться, такой человек не побледнеет</i>

Гора Тайшань — название, знакомое каждому китайцу. Эта гора, расположенная в провинции Шаньдун, — священное место, обладает высокой исторической и культурной значимостью, является одной из пяти священных гор даосизма, ведущей религии Китая. Среди пяти священных гор Тайшань стала символом устойчивости и непоколебимости. Это отразилось в чэньюе «непоколебимый, как гора Тайшань» (穩如泰山 [wěn rú tài shān]) (см. табл. 24). Таким образом, если уверенность и непоколебимость героя не нарушатся, даже если с места сдвинется гора Тайшань, — это очень прямолинейный и эмоционально окрашенный комплимент. Учитывая образно-культурный аспект, можно сразу понять, насколько высокая оценка была дана герою. Наиболее близким культурным эквивалентом для русскоязычного зрителя была бы гора Эверест, вместе с тем данная реалия выбивалась бы из общего исторического колорита повествования, и вариант, предложенный переводчиком, представляется достаточно точным. Однако вместо варианта «двинуться вперед» / «сдвигаться с места» (崩于前 [bēng yú qián]) этот глагол был переведен как «разрушаться». Это небольшое изменение привело к тому, что была утраче-

на яркость противопоставления горы Тайшань как символа стабильности, нерушимости и движения.

Образно 泰山 [tǎishān] говорят также о человеке, являющемся большим авторитетом, напоминающем монолит. Потому данная фраза может иметь двойное значение, ее смысл достаточно глубок.

Таблица 25

Таймкод 10:10

Реалия	Перевод	Кинотекст / субтитры
刺史 [cìshǐ]	Ревизор (по округам, дин. Хань); начальник округа (до дин. Цин)	乱贼董卓原是西凉一刺史 [luàn zéi dǒng zhuó yuán shì xī liáng yī cì shǐ] Разбойник Дун Чжо раньше был цы-ши округа Силян

Данный исторический термин, обозначающий архаичную должность начальника округа, уже встречался нам в приведенном кинотексте (см. табл. 18). Однако тогда переводчиком был выбран вариант перевода «губернатор», что является не до конца точным аналогом и выбивается из общего колорита повествования. В приведенном выше фрагменте переводчик предлагает зрителю транскрибированный перевод термина (см. табл. 25). Мы считаем, что для логичного и последовательного восприятия кинопроизведения русскоязычной аудиторией необходимо последовательно придерживаться одного из двух вариантов.

Таблица 26

Таймкод 10:58

Реалия	Перевод	Кинотекст / субтитры
天下 [tiānxià]	Мир, свет, везде; Поднебесная, вселенная уст. Китай, Китайская империя	他们哪是在救天下 他们是想趁乱争天下 [tā mén nǎ shì zài jiù tiān xià tā mén shì xiǎng chèn luàn zhēng tiān xià] Им не нужно спасать страну. Они хотят раздробить страну

Как уже было упомянуто выше, в мировоззрении китайцев их страна — избранная Богом, Срединное государство, Поднебесная. В данном фрагменте переводчик снова упустил возможность подчеркнуть эту важную особенность (см. табл. 26). Герои-воины, восставшие про-

тив узурпатора власти, отзываются о своем государстве как о Поднебесной, что подчеркивает их патриотизм и связь с родиной.

Существует множество синологических исследований, изучающих феномены «китаецентризма» и этноцентризма китайцев. Одно можно сказать точно — Китай обладает своей уникальной философией, а взгляды на мир китайского народа отличаются культурным своеобразием. Самоназвания Китая прошли долгую историю своего формирования. Сам термин *тянься* может трактоваться по-разному. 天下 [tiānxià] имеет значения: 1) свет, весь мир; 2) Китай [БКРС]. Таким образом, *тянься* «в китайской философии означает не только Китай, но и весь мир» [Липовцева, 2007, с. 25]. Это объясняется тем фактом, что в доконфуцианский период под Поднебесной понимался весь мир, включая «варварские» земли, в то время как с зарождением учения Конфуция удаленные территории перестали считаться частью Поднебесной, укоренилась идея этноцентризма, и внимание китайской нации оказалось нацелено исключительно на внутренние территории. Таким образом, выражение *тянься* непосредственно связано с этноцентричной моделью мира, постепенно *тянься* начинает восприниматься как Китай.

Таблица 27

Таймкод 11:47

Реалия	Перевод	Кинотекст / субтитры
喝酒 [hējiǔ]	Пить вино [водку], пить алкогольные напитки	你跟关羽张飞酒喝得如何 [nǐ gēn guān yǔ zhāng fēi jiǔ hē de rú hé] <i>Ты мне лучше скажи, как прошла выпивка с Гуань Юй и Чжань Фэем?</i>

Культура распития спиртных напитков зародилась в Китае несколько тысяч лет назад. Различные виды алкоголя сопутствуют любому празднику, ритуалу и фестивалю. Предложить вино гостю — знак гостеприимства, а совместное распитие алкоголя, как и во многих других культурах, в том числе и в русской, может быть расценено как начало новых отношений — деловых, дружеских, романтических, или же как знак почтения, уважения и благодарности.

При переводе данного фрагмента переводчик остановил свой выбор на выражении «выпивка», которое в русском языке несет скорее оттенок пренебрежения, а кроме того, обычно используется не для описания процесса распития алкоголя, а для категоризации алкогольных напитков (см. табл. 27).

Таблица 28

Таймкод 11:53

Реалия	Перевод	Кинотекст / субтитры
豪气冲天 [háo qì chōng tiān]	Горячее воодушевление; небывалый подъем	真是忠肝义胆豪气冲天啊 [zhēn shì zhōng gān yì dǎn háo qì chōng tiān a] <i>Эти двое — настоящие люди чести</i>

Если рассматривать данный отрывок, мы можем отметить, что лингвистический интерес представляют выражения 忠肝义胆 [zhōnggānyìdǎn] и 豪气冲天 [háoqì chōngtiān] (см. табл. 28). 忠肝义胆 имеет значение “исполненный чувств верности и долга” [БКРС]. Это чэньъюй, означающий “быть непоколебимо преданным, твердым, непреклонным” [Энциклопедия Байду]. 豪气冲天 можно интерпретировать как *горячее воодушевление* [БКРС]. 豪气 [háoqì] означает “героический пафос, смелость”, а 冲天 [chōngtiān] — “бурный; горячий (напр. о чувстве, энергии)”.

Таким образом, в приведенном фрагменте мы видим яркое, поэтичное описание. В целом переводчик справился со своей задачей, однако возможно было дальнейшее раскрытие смысла путем использования более выразительных языковых средств.

Таблица 29

Таймкод 26:07, 29:58

Реалия	Перевод	Кинотекст / субтитры
赤兔马 [chìtù mǎ]	Превосходный рысак, отличный конь	凭我的赤兔马方天戟 夺下赤兔马做他自己的坐骑了 [píng wǒ de chì tù mǎ fāng tiān jǐ duó xià chì tù mǎ zuò tā zì jǐ de zuò qí le] ...со своего <i>Красного зайца</i> и <i>владея алебардой</i>победить Лю Бу и забрать его <i>Красного зайца</i> себе

Ранее в произведении, когда мы в первый раз знакомимся с приемным сыном узурпатора Дун Чжо — Лю Бу, Цао Цао сравнивает его превосходные качества и отличительные черты с чистокровным рысаком, тем самым подчеркивая его высокое положение при дворе и военную доблесть. Естественным выглядит то, что такой выдающийся полководец, как Лю Бу, ездит верхом на лучшем боевом коне.

Сложность при переводе в данном фрагменте возникает в связи с тем, что второе значение 赤兔 — «красный, кумачевый кролик», предвестник удачи (см. табл. 29). Таким образом, при переводе фрагмента была допущена ошибка: Красный заяц — не имя лошади, а описание ее качеств. Эта ошибка вводит зрителя в заблуждение и нарушает повествование.

Таблица 30

Таймкод 30:42

Реалия	Перевод	Кинотекст / субтитры
鼠 [shǔ] 龟 [guī]	Мышь черепаха	你们胆小如鼠 缩首如龟 [nǐ mén dǎn xiǎo rú shǔ suō shǒu rú guī] <i>Вы пугливые, как мыши, а голову прячете, как черепаха</i>

Достаточно много различий в языках можно обнаружить при сравнении образов животных. В данном фрагменте Люй Бу, вызывая на бой 18 командиров союза мятежников, сравнивает их с мышами (см. табл. 30). В китайском языке существует несколько выражений, где мышь является образным обозначением трусости, пугливости (胆小如鼠 [dǎn xiǎo rú shǔ] — трусливый, как мышь, 抱头鼠窜 [bào tóu shǔ cuàn] «окутывать голову, стремительно нестись, как мышь» — позорное бегство) [Суван-оол, Лебедева, 2012, с. 336]. В русском языке мышь также является символом боязливости, нерешительности (*тихий, как мышь*), однако более распространенным и понятным образом трусости в русской культуре является заяц.

Также Люй Бу прибегает к сравнению полководцев с черепахой. Черепаха — достаточно распространенное в Китае животное, поэтому такое сравнение вписывается в канву повествования. Однако в русском языке черепаха — животное, прежде всего ассоциирующееся с мудростью или медлительностью, в то время как «прячет голову» обычно страус.

Таблица 31

Таймкод 39:30

Реалия	Перевод	Кинотекст / субтитры
三姓家奴 [sānxìngjiānú]	Слуга с тремя фамилиями	你不是三姓家奴是什么啊 [nǐ bù shì sān xìng jiā nú shì shén me ā] <i>Если ты не ублюдок, тогда кто же?</i>

三姓家奴 [sānxìng jiānú] — выражение, которое впервые было употреблено в романе «Троецарствие» Ло Гуаньчжуна (см. табл. 31). В част-

ности, оно использовалось по отношению к персонажу Люй Бу, знаменитому воину периода Троецарствия. Выражение носит сатирическую окраску, подразумевает высмеивание. Оно описывает вороватого человека [Энциклопедия Байду].

В романе «Троецарствие» Чжан Фэй называет Люй Бу «челядью с тремя фамилиями». Сам Люй Бу изначально носил фамилию Люй. После смерти родного отца его названным отцом стал цы-ши Дин, которого он впоследствии убил. Затем Люй Бу покорила Дун Чжо, влиятельному полководцу эпохи Троецарствия, и стал носить его фамилию. После этого ради Дяо Чань, одной из четырех красавиц Древнего Китая, он снова убил приемного отца — Дун Чжо. Таким образом, Люй Бу в течение жизни «примерил» на себя три фамилии — родного отца и двух названных, потому его так и прозвали. В древности огромное значение придавалось верности, серьезному подходу, преданности. Поступки Люй Бу говорили о нем как о человеке недостойном, презренном, потому Чжан Фэй и бранил его [Энциклопедия Байду].

По результатам проведенного исследования мы можем отметить, что среди собранных слов-реалий 8 являются историзмами, использовавшимися для наименования военных и государственных должностей в Китае (校尉 [xiàowèi] полководец), 2 слова-реалии относятся к именам собственным (赤兔 [chìtù] Читу) и 2 слова — к животным (鸿鹄 [hónghú] лебедь). Остальные реалии связаны с традициями, обычаями, принятыми в обществе; образными выразительными средствами, подчеркивающими смысловую значимость употребляемого выражения; традиционными обращениями и другими культурными концептами.

Наиболее часто используемым способом перевода в кинотексте, по данным нашего исследования, стала транслитерация. Она была применена в 15 случаях из всех, рассмотренных нами. Аналоговый перевод был использован в 8 случаях, нулевой — в одном случае (см. табл. 32).

Таблица 32

Соотношение способов перевода в субтитрах

Способ перевода	Доля, %
Транслитерация	62,5
Аналоговый перевод	33,5
Нулевой перевод	4

Как уже упоминалось ранее, к основной проблеме, с которой вынужден сталкиваться переводчик, относится отсутствие в переводящем языке аналога, существующего в исходном. Потому аналоговый перевод возможен далеко не всегда. Статистика нашего исследования показывает, что приведение аналога возможно лишь в 1/3 случаев. Данный показатель может различаться в зависимости от культурной близости народов, языковая пара которых рассматривается при переводе. В некоторых случаях возможен приблизительный перевод, подразумевающий замену исходного понятия на эквивалентное, близкое ему по смыслу слово.

В контексте кино-/видеоперевода транслитерация представляется нам наиболее удачным способом, используемым в субтитрах, поскольку к числу особенностей данного вида перевода относятся наличие жестких временных рамок, ограниченность комментариев и сносок, а также необходимость подстраиваться под темп повествования и речь актеров. В этом контексте транслитерация является порой единственным возможным вариантом. Таким образом, удастся сохранить культурную маркированность слова и подчеркнуть его уникальность. Однако применение выбранного способа может требовать дальнейшего поиска дополнительной информации уже самим зрителем.

Нулевой перевод используется переводчиками реже всего. Можно предположить, что переводчики стараются избегать данного способа. Подобные лексические опущения порой могут стать причиной недопонимания и неполноценного донесения заложенного в реалии смысла.

Следовательно, такая специфическая сфера деятельности, как кино-/видеоперевод, требует от переводчика не только знания национально-культурных единиц, но и владения различными способами их перевода, чтобы максимально эффективно передать основную идею оригинального фильма, сохранив культурную и семантическую составляющие кинотекста. Перспективой нашей работы является апробация предложенной в результате исследования модели описания слов-реалий на более широком языковом материале, включающем анимационные фильмы.

Библиографический список

БКРС — Большой китайско-русский словарь. URL: <http://www.bkrs.info/>

Вэньцзюань Ван. Номинации родства в функции обращения к незнакомым адресатам в современном китайском языке // Новые горизонты — 2016. Минск, 2016.

Васильева А.А. Способы передачи реалий с китайского языка на русский (на примере кинофильма «Истории старого города») // Социосфера. 2017. № 2.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1973.

Киргинцева М.В. Национально-культурная специфика обращений в современном китайском языке // Филологический аспект. Методика преподавания языка и литературы. 2020. № 1.

Липовцева Е.М. Модификация значений самоназваний Китая — от доконфуцианской философии к учению Конфуция // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303.

Ма Чжо. Опыт перевода китайских фильмов на русский язык // Язык в сфере профессиональной коммуникации. Екатеринбург, 2020.

Матасов Р.А. Перевод кино-/видеоматериалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Постоечко И.А. Специфика перевода культурологического аспекта анимационных фильмов для дальнейшего субтитрования (на материале китайского языка) // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82).

Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). М., 2005.

Привороцкая Т.В. Особенности перевода кинодиалога с китайского языка на русский // Язык и культура. Томск, 2013.

Рукавишников О.И. Основные способы перевода архаизмов и историзмов с китайского на русский язык (на материале исторических сериалов) // Постулат. 2018. № 5-1 (31).

Суван-оол Е.С., Лебедева И.О. Образ мыши как отражение характерных черт облика и характера человека в русской и китайской культуре (на материале фразеологизмов русского и китайского языка) // Молодой ученый. 2012. № 12 (47).

[Энциклопедия Байду]. 百度百科 URL: <https://baike.baidu.com/>.

Список источников

Троецарствие. Телевизионный сериал; перевод с китайского geodop. Китай, 2010а. URL: https://www.kinopoisk.ru/series/575878/?utm_referrer=away.vk.com

Троецарствие. Телевизионный сериал; перевод с китайского den904. Китай, 2010б. URL: https://flicksbar.club/series/575878/?utm_referrer=www.google.lv

References

- BKRS — *Bol'shoy kitaysko-russkiy slovar'* [Large Chinese-Russian dictionary]. URL: <http://www.bkrs.info/>
- Ven'tszyuan' Van. *Nominatsii rodstva v funktsii obrashcheniya k neznakomym adresatam v sovremennom kitayskom yazyke*. [Kinship nominations in the function of addressing unfamiliar addressees in Modern Chinese]. In: *Novye gorizonty — 2016*. [New Horizons — 2016]. Minsk, 2016.
- Vasil'eva A.A. *Sposoby peredachi realiy s kitayskogo yazyka na russkiy (na primere kinofil'ma «Istorii starogo goroda»)*. [Ways of transferring realities from Chinese to Russian (using the example of the movie «The Stories of the Old City»)]. In: *Sotsiosfera*. [Sociosphere]. 2017. No. 2.
- Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Yazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo*. [Language and culture. Linguistics in teaching Russian as a foreign language]. Moscow, 1973.
- Kirgintseva M.V. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika obrashcheniy v sovremennom kitayskom yazyke*. [National and cultural specifics of appeals in modern Chinese]. In: *Filologicheskii aspekt. Metodika prepodavaniya yazyka i literatury*. [Philological aspect. Methods of teaching language and literature]. 2020. No. 1.
- Lipovtseva E.M. *Modifikatsiya znacheniy samonazvaniy Kitaya — ot dokonfutsianskoy filosofii k ucheniyu Konfutsiya*. [Modification of the meanings of China's self-names - from pre-Confucian philosophy to the teachings of Confucius]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2007. No. 303.
- Ma Chzho. *Opyt perevoda kitayskikh fil'mov na russkiy yazyk*. [Experience in translating Chinese films into Russian]. In: *Yazyk v sfere professional'noy kommunikatsii*. [Language in the field of professional communication]. Ekaterinburg, 2020.
- Matasov R.A. *Perevod kino-/videomaterialov: lingvokul'turologicheskie i didakticheskie aspekty*. [Translation of film/video materials: linguoculturological and didactic aspects]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2009.
- Postoenko I.A. *Spetsifika perevoda kul'turologicheskogo aspekta animatsionnykh fil'mov dlya dal'neyshego subtitirovaniya (na materiale kitayskogo yazyka)*. [The specifics of the translation of the cultural aspect of animated films for further subtitling (based on the material of the Chinese language)]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. [The world of science, culture, education]. 2020. No. 3 (82).

Privalova I.V. *Interkul'tura i verbal'nyy znak (lingvokognitivnye osnovy mezhkul'turnoy kommunikatsii)*. [Interculture and verbal sign (linguocognitive foundations of intercultural communication)]. Moscow, 2005.

Privorotskaya T.V. *Osobennosti perevoda kinodialoga s kitayskogo yazyka na russkiy*. [Features of translation of the film dialogue from Chinese into Russian]. In: *Yazyk i kul'tura*. [Language and culture]. Tomsk, 2013.

Rukavishnikova O.I. *Osnovnye sposoby perevoda arkhazimov i istorizmov s kitayskogo na russkiy yazyk (na materiale istoricheskikh serialov)*. [The main ways of translating archaisms and historicisms from Chinese into Russian (based on the material of historical series)]. In: *Postulat*. [Postulate]. 2018. No. 5-1 (31).

Suvan-ool E.S., Lebedeva I.O. *Obraz myshi kak otrazhenie kharakternykh chert oblika i kharaktera cheloveka v russkoy i kitayskoy kul'ture (na materiale frazeologizmov russkogo i kitayskogo yazyka)*. [The image of a mouse as a reflection of the characteristic features of a person's appearance and character (based on the phraseological units of the Russian and Chinese languages)]. In: *Molodoy uchenyy*. [Young scientist]. 2012. No. 12 (47).

百度百科 [Entsiklopediya Baydu]. URL: <https://baike.baidu.com/>.

List of Sources

Troetsarstvie. [The Three Kingdoms]. Televizionnyy serial; perevod s kitayskogo geodep. Kitay, 2010a. URL: https://www.kinopoisk.ru/series/575878/?utm_referrer=away.vk.com

Troetsarstvie. [The Three Kingdoms]. Televizionnyy serial; perevod s kitayskogo den904. Kitay, 2010b. URL: https://flicksbar.club/series/575878/?utm_referrer=

Troetsarstvie. [The Three Kingdoms]. Televizionnyy serial; perevod s kitayskogo geodep. Kitay, 2010a. URL: https://www.kinopoisk.ru/series/575878/?utm_referrer=away.vk.com

Troetsarstvie. [The Three Kingdoms]. Televizionnyy serial; perevod s kitayskogo den904. Kitay, 2010b. URL: https://flicksbar.club/series/575878/?utm_referrer=www.google.lv

**КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА MONEY
В РОМАНЕ Р. БАХА «МОСТ ЧЕРЕЗ ВЕЧНОСТЬ:
ИСТОРИЯ ЛЮБВИ» («THE BRIDGE ACROSS FOREVER:
A LOVESTORY»)**

А.С. Черкасова

Ключевые слова: концепт, кристаллизация, деньги, смысл, художественный дискурс, понимание.

Keywords: concept, crystallization, MONEY, meaning, fictional discourse, understanding.

DOI 10.14258/filichel(2023)4-04

В системе художественного дискурса текст как составной его элемент представляет собой многоаспектное явление. Говоря о сложностях, связанных с его восприятием, пониманием и интерпретацией, представляется важным изучить способы образования смысла и его извлечения, т.н. процесс кристаллизации, а также его связь с концептуальными системами автора и адресата.

В рамках лингвистических исследований термин «кристаллизация» был впервые употреблен В. фон Гумбольдтом: автор сравнивает язык с тем, «как в физической природе кристалл примыкает к кристаллу» [Гумбольдт, 1984, с. 162]. Отмечая постепенность кристаллизации и ее подчиненность конкретным законам, исследователь трактует данное понятие как процесс наращивания и выявления смыслов, осуществляемый под влиянием обогащающейся духовной культуры.

В настоящее время исследования кристаллизации как техники понимания представлены в работах И.А. Воробей, К.Ю. Редкозубовой, М.С. Семенова, М.А. Ткачева, И.П. Черкасовой [Воробей, 2007; Редкозубова, 2021; Семенов, 2013; Ткачев, 2017; Черкасова, 2005; 2012; 2022; 2023] и др., каждый из которых акцентирует свое внимание на тех или иных аспектах этого, безусловно, сложного и многогранного явления.

По мнению И.П. Черкасовой, кристаллизация представляет собой «последовательный анализ смыслового содержания контекстов, включающих и характеризующих ключевое слово в динамике смыслообразования, предполагающей наращивание и формирование метасмыслового континуума»; «в результате анализа ключевое слово ... становится независимым от нормы», «являясь единицей концептосферы, формирующей аксиологическую систему дискурсивного, мыс-

лительного, индивидуально-авторского и др. пространства» [Черкасова, 2023, с. 170].

И.П. Черкасова также предлагает метод кристаллизации смысла концепта, который включает:

а) выделение в тексте контекстов, репрезентирующих конкретный концепт;

б) интерпретацию данных контекстов, которая основывается на рас-предмечивании смыслов;

в) обнаружение смыслов и метасмыслов, выступающих в качестве структуры авторского концепта [Черкасова, 2005, с. 82] и формирующих в диалогическом пространстве [Черкасова, 2022, с. 218] дихотомию или многоголосие бытийного универсума текста [Черкасова, 2013, с. 34].

Как аккумуляцию «переживаемых культурно значимых знаний о мире в содержании языковых единиц и сознании языковой личности» воспринимает процесс кристаллизации В.И. Карасик [Карасик, 2010, с. 6]. Обращение к данному понятию цитируемый нами автор объясняет во многом схожей трактовкой применительно к физическому миру (процесс постепенного накопления заданных характеристик конкретного вещества) и наличием в культурной традиции понятия «магический кристалл», позволяющего увидеть что-то скрытое от глаз. Исследователь также отмечает существование неких силовых линий, по направлению которых осуществляется кристаллизация знаний и проникновение вглубь скрытого знания [Там же].

Занимаясь изучением смыслообразования в пространстве поэтического текста, И.А. Воробей описывает процесс кристаллизации смысла того или иного явления как объединение в некие комплексы отдельных фрагментов опыта. Автор также отмечает, что при кристаллизации смысла слова происходит изменение слоя его значений, в результате чего наблюдается наслоение дополнительных смыслов и значений на те, которые уже стали традиционными, и формирование слова с четко обозначенным смыслом. Именно процесс наращивания смысла на основе слова определяется исследователем как кристаллизация смысла [Воробей, 2007, с. 31-32]. Подобной точки зрения придерживается и И.Г. Ткаченко [Ткаченко, 2011, с. 32].

Более широкое, на наш взгляд, определение кристаллизации представлено в исследовании М.О. Семенова, который вслед за И.П. Черкасовой трактует кристаллизацию как процесс наращивания смысла, способствующий обнаружению базовых смыслов и позволяющий проследить процесс их взаимодействия, порой и вытеснение одних смыслов другими [Семенов, 2013, с. 64-65]. Автор также отмечает связь кристал-

лизации с процессами восприятия, категоризации и пропозиционализации. На наш взгляд, следует обратить особое внимание на последнее понятие, поскольку, как объясняет М.О. Семенов, комплекс смыслов, который возникает в результате кристаллизации, репрезентирован с помощью пропозиционных и языковых структур [Семенов, 2013, с. 65]. На примере компьютерного форума автор отмечает, что возникновение кристаллизации связано с достижением некоего предельного условия, «в результате которого возникает множество мелких кристаллов — центров кристаллизации, которые растут, постепенно наращивая свои грани», и выделяет линейный, полилинейный и дендроидный типы кристаллизации [Семенов, 2012, с. 130].

Как технику послойного формирования смысла, базирующуюся на стремлении достижения высшего уровня понимания, а также процесс «перерастания» значений и содержаний в смыслы под воздействием контекста трактует кристаллизацию К.Ю. Редкозубова [Редкозубова, 2021, с. 73-74]. Центром кристаллизации исследователь считает обрастающее смыслами слово, под которым понимается концепт. Не менее важным представляется рассмотрение автора и реципиента в качестве начальной и конечной точек, в пространстве между которыми формируются смыслы, растущие посредством образного выражения, взаимодействия образов, восприятия реципиентом, который, в свою очередь, создает собственные смыслы.

Таким образом, кристаллизация представляет собой средство диалога между автором и читателем, универсальную технику построения и понимания концептуальных смыслов, процесс постепенного наращивания смыслового содержания концептов, «перерастание» значений и содержаний в смыслы под воздействием контекста. Мы также считаем, что кристаллизация в значительной степени способствует обнаружению базовых смыслов и метасмыслов, позволяет проследить процесс их взаимодействия и вытеснение одних смыслов другими под воздействием лингвистических и экстралингвистических факторов.

Тема денег, их роли в жизни людей является одной из «вечных» в мировой литературе. Еще древнегреческий философ Аристотель в IV в. до н.э. в своем трактате «Риторика», посвященном ораторскому искусству, обращался к теме богатства, понимая его как благо: «В самом человеке есть блага духовные и телесные, а вне его — благородство происхождения, друзья, богатство и почет», «благодаря необходимо признать следующее ... Богатство, так как оно представляет собой достоинство имущественного состояния и служит причиной многих благ», «богатство и здоровье считаются величайшими благами» [Аристотель, 2017,

с. 45, 55, 71]. Во многом под влиянием Аристотеля и других мыслителей античной эпохи идея денег и богатства, материального благополучия в целом как блага, к которому стремятся люди, получила свое развитие в западноевропейской литературе. Однако в произведениях русской литературы во многом под влиянием библейских текстов получила распространение мысль о греховности богатства (денег) и его связи с многочисленными слабостями и пороками людей, довольно прочно укоренившаяся в сознании народа. Впрочем, в рамках реализма, пришедшего на смену романтизму в литературе и искусстве, авторами высказывались и иные суждения, согласно которым роль денег и их влияние не оценивались столь прямолинейно.

Обратим более пристальное внимание на концепт MONEY, имеющий важное значение в романе Р. Баха «Мост через вечность: история любви» («The bridge across forever: a lovestory»). Ядерным компонентом его семантического поля выступает лексическая единица money. Ближнюю периферию составляют следующие имена существительные: dollar, million, business, bankruptcy, government, cent, price, которые дают возможность охарактеризовать MONEY со всех сторон, в его сложности и многозначности. Дальняя периферия представляет собой область сопряжения с другими концептами, которая будет раскрыта на конкретных примерах.

Рассмотрим смысловое наполнение представленного концепта в процессе его кристаллизации. В данной связи необходимо учитывать, что мы акцентируем внимание только на тех примерах, которые демонстрируют приращение смысла:

*I sold the airplane — within the day, **eleven thousand dollars cash**, and stuffed the money into my bedroll... Grounded and **rich and homeless**, I hit the streets on a planet of four billion five hundred million souls, and in that moment I **egan looking full-time for the one woman** who, according to the best people who ever lived, wasn't there at all. (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 12).*

Антитеза **rich and homeless** способствует формированию образа мира, в котором финансовое благополучие не создает ощущения защищенности. Деньги могут выступать лишь в качестве средства поиска родственной души. Это позволяет говорить о пересечении двух концептов: MONEY (деньги) и SOULMATE (родственная душа), в результате чего возникают новые смыслы. Герой расставляет приоритеты относительно того, что для него важнее: удовольствие в полете, испытываемое им в одиночестве, или духовная близость с человеком. Таким образом, деньги выступают как средство демонстрации того, какие

приоритеты первичны, а какие вторичны. Использование прилагательных, казалось бы, взаимоисключающих друг друга и соединенных союзом: *rich and homeless*, демонстрирует, как антитеза перерастает в дихотомию и далее — в единство понятий, которые взаимно дополняют друг друга, способствуя созданию более разносторонней характеристики героя и точному отражению его внутреннего состояния. В жизни всегда имеет место выбор: отдав предпочтение одному, человек вынужден отказаться от чего-то другого.

*If she **didn't want to share money** when we have it and fantasy when we don't, if she didn't like raccoons... Without all of the above and more, **you're better off alone!*** (R. Bach. *The bridge across forever: a lovestory*. 1989. P. 10).

В романе деньги также выступают в качестве важной составляющей совместной жизни. Деньги являются символом, характеризующим способность / неспособность человека взаимодействовать с окружающими людьми. Посредством них человек может обеспечить себя необходимыми вещами, реализовать планы, желания, мечты, что приводит к росту удовлетворенности жизнью и, безусловно, отражается на отношениях в паре, семье, где все предметы материального мира воспринимаются как общие для возлюбленных или супругов. Нежелание и неспособность делиться как материальными, так и духовными благами при совместном существовании порождает недопонимание, конфликты и, как следствие, взаимное отчуждение людей друг от друга.

The breakfast came to seventy-five cents. I paid it and strolled into the sun (R. Bach. *The bridge across forever: a lovestory*. 1989. P. 27).

Все в окружающем человека мире имеет свою цену. Как правило, стоимость различных материальных благ, тех или иных товаров и услуг выражается в денежном эквиваленте, позволяющем легко обменять одно на другое.

The balance in that account is one million, three hundred and ninety-seven thousand, three hundred and fifty-five dollars and sixty-eight cents (R. Bach. *The bridge across forever: a lovestory*. 1989. P. 32).

Приведенный фрагмент текста примечателен в том отношении, что деньги выступают в качестве того, что связывает героя с материальным миром, некоего связующего звена, а также являются способом выражения признания его творчества современниками и высокой оценки с их стороны.

*Has it ever happened, you've seen a striking film, beautifully written and acted and photographed, that you walk out of the theater glad to be a human being and you say to yourself **I hope they make a lot of money** from that?*

I hope the actors, I hope the director earns a million dollars for what they've done, what they've given me tonight? (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 34).

Деньги представляют собой вознаграждение за хорошо снятый и сыгранный фильм, который произвел на зрителя неизгладимое впечатление. Это выражение признания и высокой оценки деятельности. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что деньги — это энергия, которая находится в постоянном круговороте и движении.

And you go back and see the movie again and you're happy to be a tiny part of a system that is rewarding those people with every ticket ... the actors I see on the screen, they'll get twenty cents of this very dollar I'm paying now; they'll be able to buy an ice-cream cone any flavor they want from their share of my ticket alone! (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 34).

Деньги — это также средство получения удовольствия от жизни, неповторимых эмоций и впечатлений. Если человек приносит радость окружающим, он должен получать это обратно непосредственно или с помощью денег.

I need a book on how to be a rich person. Not how to earn money. Something on what a person is supposed to do when they get a lot of money (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 37).

Интересным является контекст: **how to be a rich person — how to earn money**. Следует обратить внимание на то, что внезапное возникновение большого количества денег — это причина не только радости, но и сложностей, в частности связанных с разумным распоряжением ими. Источником ценных сведений по данному вопросу может выступить книга, которая с ранних времен считается кладью мудрости, сокровищницей знаний, идей и советов. Таким образом, происходит сращение двух концептов: book (книга) как символ MIND (разума) и MONEY (деньги), в результате взаимодействия которых возникает новое смысловое пространство текста.

The only immediate advice I could think of without a book was that fools and their money are soon parted (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 39).

По мнению главного героя, деньги не даются людям, которые не находятся в здравом уме. Дураки, т.е. те, кто не умеет разумно распоряжаться деньгами, очень быстро с ними расстаются. Использование же слова fool (дурак / глупец) придает сильную эмоциональную окраску тексту. Вышеперечисленное еще раз подчеркивает тесную связь, существующую между концептами MIND (разум) и MONEY (деньги), поскольку уровень благосостояния человека напрямую зависит

от степени развитости его интеллекта и полноты реализации им своего потенциала.

Money is one thing, but crowds, and getting recognized when you want to be quiet and alone, that's something else entirely. Isn't that celebrity, isn't that fame? (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 41).

Между деньгами и славой, безусловно, существует связь, что можно рассматривать не только в позитивном, но и в негативном ключе. Возможно ли обладать большим количеством денег, не будучи при этом известным и не выставляя свою личную жизнь на всеобщее обозрение? Использование риторического вопроса способствует однозначному выводу.

You'll never know whether she loves you or your money. Richard. Listen. If you want to find her, do not, ever, become a celebrity, of any kind (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 42).

Антитеза *she loves you or your money* способствует формированию сомнения относительно того, что истинная любовь существует. Это может стать существенным препятствием на пути к родственной душе. Кроме этого, слава — территория пересечения концептов MONEY (деньги) и SOULMATE (родственная душа) и их активного противостояния друг другу в данной ситуации.

“Every airplane's for sale. Like they say, it's a matter of price. I'm more a builder than a flyer, but I'd want an awful lot of money to sell the Moth, I tell you” (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 48).

В глазах простого обывателя все вещи, имеющие материальное воплощение, могут быть приобретены или, наоборот, проданы за определенную цену. Им противостоят объекты духовно-нематериального мира, чья цена не исчисляется в денежном эквиваленте и которые не выступают в качестве объекта купли-продажи.

Invisible flaws in her mirror image reminded her that the Business is cruel, only a few years left to earn a retirement, to save for retraining. We could talk about something else, but not for long. Always she came back to the Business. Contracts, travel, money, agents (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 52).

Деньги также являются неотъемлемой и существенной частью мира бизнеса, воспринимаемого многими людьми как жестокий и беспощадный, в котором выживают лишь сильнейшие. Он не прощает ошибок и предъявляет довольно высокие требования к участникам игры. Вышеперечисленное приводит к выводу о том, что деньги могут рассматриваться и через призму жестокости, равнодушия и многочисленных страхов.

Tamara loved money, and so dazzling was she in her way that she was a fine woman for the price (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 53).

Все вышеперечисленное приводит к тому, что деньги выступают как объект любви и страсти, вожделения. Также подчеркивается, что даже люди, не являющиеся родственными душами и сконцентрированные исключительно на материальных вещах, имеют свою цену, выраженную в денежном эквиваленте. Это, в свою очередь, приводит к активному противостоянию концептов MONEY (деньги) и SOULMATE (родственная душа), взаимно исключающих друг друга.

I WAS drowning in money. People around the world were reading the book, buying copies of other books I had written. Money from every book-sale came from the publisher back to me. (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 77).

Метафора позволяет сравнить большое количество денег с глубоким водоемом или даже затягивающей пучиной, описать внутреннее состояние героя в связи со стремительным ростом популярности его произведений среди читательской аудитории и, как следствие, ростом материального благосостояния писателя.

Airplanes I can handle, I thought, but money it makes me nervous. Can money crash? (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 77).

Далеко не каждый человек может управлять и правильно распоряжаться деньгами. В данном случае для героя это представляется невозможным или, по крайней мере, довольно сложным занятием, как для мечтателя, весьма далекого от мира материальных вещей. В связи с этим у него возникает новая причина для тревоги и беспокойства: может ли ситуация окончательно выйти из-под контроля и привести к нежелательным последствиям, а также как этого избежать. Кроме того, в рамках представленного для анализа фрагмента текста наблюдается сопоставление двух концептов: FLIGHT (полет) и MONEY (деньги), которые вступают в некое противостояние друг с другом как подконтрольные / неподконтрольные герою явления материального и духовного миров, связанные с небом и землей.

It's got to be done right, but I don't know what to do with money; and paperwork and tax-things, I don't know about it, I don't like it. Effective now, Financial Manager, it's your business, full-time, and I'm out of it (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 78).

Мечте и духовности чужды материальные вещи, среди которых важное место занимают деньги как средство оценки стоимости тех или иных товаров и услуг реального мира.

Yet wise enough am I to know my own weakness, to find a trusted old friend, and give him control of my money (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 80).

Надежному другу, более приближенному к земле по сравнению с мечтателем, можно доверить управлять финансами, которые впоследствии помогут воплотить фантазии в реальность. Таким образом, проверенная временем дружба является более важной и ценной, чем деньги.

An infinite supply of money. As many airplanes as I wish. The perfect woman for my own. This is happiness! (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 85).

Следует обратить внимание на то, что деньги могут входить в понятие счастья наряду с полетом и родственной душой в лице идеальной женщины, но в данном случае лишь как средство реализации мечты, а не самоцель.

But could there be one alone in the midst of news stories and TV shows, lonely while surrounded by lovers and money, hired friends-become-staff and agents and lawyers and managers and accountants? That was possible (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 87).

Несмотря на то что деньги могут входить в понятие счастья, без родственной души и друзей они не способны избавить от чувства одиночества. Их ценность состоит именно в том, чтобы, позволяя обладать всем необходимым в рамках земного существования, способствовать нахождению тех, кто станет частью самого человека и займет в его сердце важное место, тех, кто будет с ним до конца, несмотря ни на что, его поддержкой и опорой, верным другом и товарищем, на которого всегда можно положиться.

No, I thought, the lesson is this: To be handed a lot of money is to be handed a glass sword, blade-first. Best handle it very carefully, sir, very slowly while you puzzle what it's why for (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 88).

Употребление метафоры, в рамках которой большое количество денег сравнивается со стеклянным мечом, полученным в руки лезвием вперед, говорит о том, что деньги выступают как оружие, требующее разумного и осторожного с ними обращения. Неосторожность и спешка в данном вопросе могут навредить и привести к довольно печальным результатам.

If I could learn anything about money, maybe it would be well to pay closer attention to this business (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 103).

Разумному распоряжению деньгами и способностью ими управлять можно и нужно учиться. Ключевую роль в данном случае играет мотивация и осознание, для чего конкретно этим занимается человек, зачем это ему нужно.

Do you know that saying: Power corrupts, and absolute power corrupts absolutely? Well, it does. I think that might be true for me, too (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 106).

Данный афоризм, принадлежащий английскому историку и политику Джону Дальберг-Актому, свидетельствует о часто губительной силе власти, особенно ничем не ограниченной, по отношению к тем, кто ею обладает. Она оказывает пагубное влияние на характер и духовную сущность человека, вскрывая его личностные качества и пробуждая скрытые пороки. Таким образом, властные полномочия часто развращают людей, поскольку мало кому удается преодолеть многочисленные искушения и сохранить чистоту своей души.

*The real **Leslie Parrish** made speeches, fought political campaigns, struggled against an American **government** bent on war in Viet Nam about the noble experiment. With success came the **power struggle*** (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 119).

В рамках приведенного фрагмента текста деньги понимаются как успех, который, в свою очередь, связан с властью и бесконечной, часто безжалостной борьбой за нее, в процессе которой активно используются различные методы и приемы.

*It's fine if you have **money**. **The thing that matters to a woman is whether you use it to try to buy her**. Be careful you never try that* (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 172).

Понятия денег и истинной любви, которую, как дар, ниспосланный свыше, невозможно приобрести ни за какие земные блага, являются несовместимыми. Будучи бесценной, она представляет собой совершенство и настоящее волшебство, делающее жизнь человека прекрасной и преобразующее его самого, наполняя душу красотой, мудростью, знаниями.

*“Maybe you're stuck. But be careful. There's no town like this one to show you **the many ways people crash who can't handle money**”* (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory 1989. P. 173–174).

Следует обратить внимание на то, что, не будучи способными управлять деньгами, люди часто переходят под их власть и в итоге терпят сокрушительное поражение, теряя все, что имеют и что им дорого, в том числе самих себя.

*I could not have invented a woman so perfect for me, I thought, yet here's the real one alive, hidden in the acquaintance of **Ms. Leslie Parrish** since years ago, masked within my **business** partner, my best friend* (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 178).

Интересно, что родственную душу можно обрести в лице делового партнера и лучшего друга, которым в данном случае выступает Лес-

ли Перриш, преданно защищающая интересы дорогого для нее друга, а впоследствии и искренне любимого ею мужчины.

*As long as I could remember, freedom equaled happiness. **A little protection, that's small price to pay for happiness*** (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 206).

В данном случае цена, которую приходится платить за счастье, может касаться не только денег, но и человеческих взаимоотношений, которые все более и более усложняются в современном мире под воздействием средств массовой информации, кинематографа и телевидения. Все чаще люди предпочитают оставаться одни, из года в год следуя по проторенному пути, чем прыгать в неизвестность, рискуя потерять не только спокойствие, но и собственную свободу.

*Together, the two of you **will be hounded by the government for money your managers have lost*** (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 225).

Деньги играют неоднозначную роль в жизни человека. Например, как в случае с героями, они могут выступать в качестве одной из причин преследований властями.

*If you choose to stay in this country, careful attention to **money** and its records will be a choke-chain at your neck* (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 242).

Говоря о важной роли ценных бумаг в Америке, автор использует метафору, благодаря которой деньги и способы их учета сравниваются с удушающей цепью, приводящей в итоге к гибели человеческой души.

*Anyone else this moment would see the trim lovely **businesswoman**, neatly on her way to discuss film-production **finances**, above-the-line costs and below-the-lines, shooting schedules and locations. Yet narrowing my eyes I could see her as she had been an hour earlier, clad only in warm air from two hair dryers after her shower, winking at me as I passed her door, laughing a second later when I ran into the wall* (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 247).

Центральной для анализа фрагмента текста выступает идея о возможности совмещения сразу двух образов в одном человеке: родственной души и делового партнера, каждый из которых в тот или иной момент времени выступает на первый план.

*I remembered the days in Florida, when I had looked at my life and it was dead in the river-**lots of money** and airplanes and women, zero progress living. Now there's **not nearly so much money**, and before long there may be none. The airplanes are most of them sold. There's been one woman, only one. And my life is moving swift as a racing-boat, so much I've changed and grown with her* (R. Bach. The bridge across forever: a lovestory. 1989. P. 372).

Наличие большого количества денег и предметов материального мира, по мнению героя, без родственной души не способствует духовному росту и подлинному обогащению, а как следствие, обретению счастья и удовлетворенности жизнью. Наоборот, оно может приводить к очерствению души, стагнации без каких-либо радостей и даже потере личности самой себя.

“This is not going to be easy. That’s not a forest out there, it’s big money, big power” (R. Bach. *The bridge across forever: a lovestory*. 1989. P. 388).

Перечисление денег в одном ряду с властью говорит о той большой силе, которой они обладают в мире людей и которой порой так сложно противостоять, если не совсем невозможно. Из всего того, что только придумал и создал человек, они являются наиболее могущественными и даже способны управлять сознанием.

To the bankruptcy attorney we brought lists of everything I owned: house, truck and trailer, bank accounts, computer, clothes, car-copyrights to every book I had written. I would lose them all (R. Bach. *The bridge across forever: a lovestory*. 1989. P. 399).

В данном случае под полным отсутствием денег подразумевается банкротство, которое означает потерю всего материального имущества и в случае творчества даже лишение каких бы то ни было прав на результаты умственной деятельности. Счастье же представляет собой синтез духовной близости, творчества и денег. Отсутствие одного влечет за собой отсутствие и суммы.

War. We spend so much money on killing and destruction ... How much do we spend on peace? (R. Bach. *The bridge across forever: a lovestory*. 1989. P. 407).

Много денег идет на войны, убийства и разрушения, часто оправдываемые людьми и прикрываемые более благородными мотивами с целью распространения нужных взглядов и идей для продолжения подобной деятельности.

Bankruptcy, losing the rights to the books, it may look like unjust disaster, Richard, but we know better than to believe appearances, don’t we? Now’s our chance to hold strong to what is, in spite of what seems (R. Bach. *The bridge across forever: a lovestory*. 1989. P. 418).

Банкротство или полное отсутствие денег — это, безусловно, испытание, но преодолимое двумя любящими друг друга сердцами. Оно позволяет взглянуть на мир по-новому и произвести переоценку ценностей, укрепить отношения с теми, кто по-настоящему близок и дорог, и стать от этого только сильнее.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что в романе Р. Баха «Мост через вечность: история любви» («*The bridge across forever*»:

a lovestory») деньги можно определить как средство к существованию, выступающее в качестве противовеса голоду, дающее спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. В то же время они выступают как источник проблем, в том числе на пути к обретению родственной души. Следует отметить, что все в человеческом мире имеет определенную цену, часто выраженную в денежном эквиваленте. Деньги, с одной стороны, являются объектом людских желаний в рамках земного существования, частью славы и вознаграждением за труд, властью, а с другой — причиной нарушения закона и всех зол на земле, источником многочисленных переживаний и расстройств.

Библиографический список

- Аристотель. Риторика. М., 2017.
- Воробей И.А. «Бог» и «Ангел» в поэзии Р.М. Рильке (конкорданс и интерпретация) : монография. Пятигорск, 2007.
- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М., 2010.
- Редкозубова К.Ю. Кристаллизация концептов «любовь», «дружба», «семья» в современном художественном дискурсе (на материале романов С. Ахерн) : дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2021.
- Семенов М.О. Дискурс интернет-форумов: кристаллизация как механизм смыслообразования и техника понимания : дисс. ... канд. филол. наук. Армавир, 2013.
- Ткачев М.А. Структурно-семантические характеристики фикциональной картины мира Р. Брэбери : дисс. ... канд. филол. наук. Армавир, 2017.
- Черкасова И.П. Концепт «ангел» и его реализация в тексте : дисс. ... д-ра филол. наук. Армавир, 2005.
- Черкасова И.П. Дихотомия бытия в поэтическом тексте // Герменевтический круг: текст — смысл — интерпретация. 2013. Вып. 2.
- Черкасова И.П. Аксиологическая доминанта «ангел» в поэтическом мире А.А. Тарковского // Новый филологический вестник. 2022. № 4 (63).
- Черкасова И.П. Кристаллизация смысла в системе филологической герменевтики // Транслингва: вопросы современной науки и технологий сквозь призму языкового сознания : мат-лы международной научно-практической конференции. Армавир, 2023.

Источник

Bach R. The bridge across forever: a lovestory. N.Y., 1989.

References

- Aristotel'. *Ritorika*. [Rhetoric]. Moscow, 2017.
- Vorobey I.A. «Bog» i «Angel» v poezii R.M. Ril'ke (konkordans i interpretatsiya): monografiya [«God» and «Angel» in the poetry of R.M. Rilke. (concordance and interpretation)]. Pyatigorsk, 2007.
- Gumbol'dt V. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu*. [Selected works on linguistics]. Moscow, 1984.
- Karasik V.I. *Yazykovaya kristallizatsiya smysla*. [Linguistic crystallization of meaning]. Moscow, 2010.
- Redkozubova K.Yu. *Kristallizatsiya kontseptov «lyubov'», «druzhiba», «sem'ya» v sovremennom khudozhestvennom diskurse (na materiale romanov S. Akhern)*. [Crystallization of the concept's «love», «friendship», «family» in modern fictional discourse (based on the novels by S. Ahern)]. Thesis of Philol. Cand. Diss. Stavropol, 2021.
- Semenov M.O. *Diskurs Internet-forumov: kristallizatsiya kak mekhanizm smysloobrazovaniya i tekhnika ponimaniya*. [Discourse of Internet forums: crystallization as a mechanism of meaning formation and a technique of understanding]. Thesis of Philol. Cand. Diss. Armavir, 2013.
- Tkachev M.A. *Strukturno-semanticheskie kharakteristiki fiktsional'noy kartiny mira R. Bredberi*. [Structural and semantic characteristics of the fictional picture of the world R. Bradbury]. Thesis of Philol. Cand. Diss. Armavir, 2017.
- Cherkasova I.P. *Kontsept «angel» i ego realizatsiya v tekste*. [The concept of «angel» and its implementation in the text]. Thesis of Doc.Philol. Diss. Armavir, 2005.
- Cherkasova I.P. *Dikhotomiya bytiya v poeticheskom tekste // Germenevticheskiy krug: tekst — smysl — interpretatsiya*. [Hermeneutic circle: text — meaning — interpretation.]. 2013. Iss. 2.
- Cherkasova I.P. *Aksiologicheskaya dominanta «angel» v poeticheskom mire A.A. Tarkovskogo*. [Axiological dominant “angel” in the poetic world of A.A. Tarkovsky]. In: *Novyy filologicheskii vestnik*. [New Philological Bulletin]. 2022. No. 4 (63).
- Cherkasova I.P. *Kristallizatsiya smysla v sisteme filologicheskoy germenevtiki*. []. In: *Translingva: voprosy sovremennoy nauki i tekhnologii skvoz' prizmu yazykovogo soznaniya*. [Translingua: issues of modern science and technology through the prism of linguistic consciousness]. Armavir, 2023.

Source

Bach R. *The bridge across forever: a love story*. New York, 1989.

ОСОБЕННОСТИ ВЕРТИКАЛЬНОГО КОНТЕКСТА СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ КОРОТКОЙ ПРОЗЫ

Е.В. Михайловская, Ю.И. Щербинина

Ключевые слова: вертикальный контекст, современная британская короткая проза, топоним, антропоним, цитата, аллюзия.

Keywords: vertical context, contemporary British short prose, toponym, anthroponym, quotation, allusion.

DOI 10.14258/filichel(2023)4-05

В последние десятилетия в отечественной науке прочно укрепилось понимание необходимости изучения вертикального контекста для обеспечения полноты и глубины восприятия текстов, принадлежащих к различным типам дискурса [Винокурова, Редько, 2020; Габриэль, 2016; Гюббенет, 2009, 2019; Болдырева, 2012; Задорнова, 2019; Казимова, Филиппова, 2019; Липгарт, Вишнякова, 2023; Менджеричкая, 2019; Назарова, 2019; Шарапкова, 2020]. Проблема восприятия текстов разной функциональной нагрузки в значительной степени связана с проблемой наличия у читателя достаточного набора фоновых знаний, что является неперенным условием успеха работы филологов-профессионалов, в том числе переводчиков [Болдырева, 2019; Гюббенет, 2009; Прохорова, 2017]. Актуальность темы обусловлена еще и тем, что объем и содержание вертикального контекста текстов, принадлежащих к различным типам дискурса, различны и находятся в состоянии непрерывного динамического изменения.

Знание и понимание вертикального контекста особенно актуально при чтении литературы на иностранном языке, когда создаваемая автором художественная реальность перекликается с реальной социально-исторической, культурной и языковой средой, которая может быть незнакома читающему. Более того, отсутствие соответствующих фоновых знаний может привести к частичному или полному непониманию текста в ситуации, когда перед читателем стоит задача осмыслить текст, написанный на языке, которым он / она владеет лишь в определенной степени [Болдырева, 2012; Гюббенет, 2009; Задорнова, 2019]. В этой связи представляется особенно актуальным включение различных методик распознавания, выявления и комментирования вертикального контекста в создание учебно-методических материалов, нацеленных на выработку у учащихся прочных навыков «филологического

чтения» художественной литературы [Задорнова, 2019; Михайловская, Щербинина, 2020; 2022].

Отдельного внимания в этой связи заслуживает короткая проза как с точки зрения особенностей тематического и идейного содержания, так и с точки зрения тщательного отбора языковых средств, необходимых для раскрытия авторского замысла. Для жанра короткого рассказа характерны изображение узнаваемой и типической повседневности, субъективного взгляда на события, фиксация переменчивого настроения и / или сильного или мимолетного впечатления [Бурцев, 2010; Туляков, 2021]. Короткий формат диктует необходимость придерживаться лаконичного принципа изложения, где каждая краска играет значительную роль в формировании общей картины, которая разворачивается стремительно, не давая читателю возможности отложить текст в сторону, чтобы впоследствии к нему вернуться. Нередко успешное проникновение в авторский замысел зиждется исключительно на знании заложенной в тексте социально-исторической и культурной информации.

Под вертикальным контекстом художественного произведения имеется в виду, прежде всего, социально-исторический контекст, т.е. «историко-филологическая „информация“, объективно заложенная в литературном произведении и раскрывающая перед читателем картину внешнего мира, определенного среза действительности во всем многообразии ее проявлений» [Болдырева, 1997, с. 10]. Знание социально-исторического контекста предполагает знание сферы общественных отношений людей — социального положения персонажей, их воспитания и образования, поведения, образа жизни, деятельности, системы политических и религиозных взглядов, нравственно-этических ценностей. Большое значение для понимания текста имеет знание реалий, относящихся к определенному времени, топонимике, антропонимике, социальных отношений, исторического контекста. Огромную роль играет и филологический вертикальный контекст — фразеологизмы и идиомы (в том числе деформированные), цитаты и различного рода литературные аллюзии, без знания которых полнота восприятия текста невозможна [Люббенет, 2009; Изотова, 2014; Кандрашкина, 2018; Кизилова, 2019; Коряжкина, 2019; Прохорова, 2017].

Целью настоящей статьи является рассмотрение вертикального контекста в рассказах, входящих в серию «Story Time: Contemporary British Short Stories in the EFL Classroom» (1 и 2 части). Авторы ставят задачу изучить конкретные примеры интертекстуальности и прецедентности, понимание которых необходимо для правильного восприятия текста студентами, которым адресованы данные учебно-методические посо-

бия. Выделяются основные значимые категории социо-исторического и филологического вертикального контекста и проводится анализ фрагментов, несущих эту информацию, с целью формирования соответствующих навыков у студентов и преподавателей, работающих с данными пособиями.

Как известно, легче всего поддаются выявлению и комментированию реалии. В современной британской короткой прозе реалии играют значительную роль при описании различных аспектов повседневной жизни. Особого внимания заслуживают случаи использования реалий для характеристики персонажей. Так, например, в рассказе Джоан Харрис «*Faith and Hope Fly South*» в данной функции реалии встречаются неоднократно, приобретая в тексте оценочные коннотации.

Рассказ написан от лица одной из героинь — обитательниц дома престарелых. Две подруги, которые по состоянию здоровья не могут больше жить одни, на закате жизни вынуждены терпеть изощренные издевательства персонала. При этом они не теряют чувство юмора, оставаясь оптимистками и сохраняя личное достоинство. Рассказ написан с мягким юмором и проникнут нежным отношением автора к своим героиням. Навещая мать в доме престарелых, сын каждый раз приносит ей «*petrol station flowers*» — избыточная характеристика для описания равнодушия сына к матери, которая всю жизнь ограничивала себя во всем, чтобы дать ему достойное образование. „*A poison blonde with pencilled lips and a smell of Silk Cut and Juicy Fruit gum*“ — контраст между запахом сигарет и запахом жевательной резинки используется автором для описания изощренной жестокости медсестры; во фразе „*Father Christmas jollity and vacuum-salesman's smile*“ лицемерие и равнодушие директора дома престарелых сравнивается с напускным радушием актера, изображающего Деда Мороза, и продавца пылесосов [Михайловская, Щербинина, 2020а, с. 67]. В то же время автор акцентирует внимание на марке духов одной из героинь („*Hope wears Chanel Number Five*“), подчеркивая контраст между элегантным запахом ее парфюма и неприятным запахом в самом доме: „...*Meadowbank air has a certain smell of floral air freshener, school cabbage and the bland, powdery smell that comes of old people living in the proximity to one another*“ [Михайловская, Щербинина, 2020а, с. 71]. Игра слов, построенная на обыгрывании названий реалий, может использоваться для создания юмористического эффекта: героиня горько шутит, называя ежегодную поездку пациентов дома на побережье „*the Incontinence Express*“. Шутка построена на созвучии слов «*incontinence*» (недержание мочи) и «*continent*» (континент) в названии *Continent Express* (поезд или автобус, идущий на континент).

Использование реалий для характеристики персонажей мы можем наблюдать и в рассказе Грэма Грина «The Invisible Japanese Gentlemen» (1965). Рассказчик — писатель, ставший невольным свидетелем беседы молодой пары за соседним столиком в фешенебельном ресторане. Как и положено писателю, он весьма наблюдателен. К примеру, он замечает, что девушка выглядит как миниатюра эпохи Регентства, т.е. изящно и хрупко, при этом носит на месте обручального кольца мужской перстень с печаткой („*a man's signet ring*“ [Михайловская, Щербина, 20206, с. 23]). В этом проявляется независимость характера героини, ее стремление к самоутверждению, вызов принятым в обществе нормам. И хотя по ее акценту слышно, что она получила образование в одном из престижных учебных заведений для благородных девиц („*Roedean or Cheltenham Ladies' College*“ [Михайловская, Щербина, 20206, с. 23]), девушка не готова довольствоваться ролью невесты состоятельного жениха, а мечтает о литературной карьере. Таким образом, акцент и образование характеризуют общественное положение персонажа.

Важной культурно-исторической информацией в рассказе Грэма Грина можно назвать отсылки к эпохе Регентства и некоторые прецедентные имена. Это касается не только героини, но и ее жениха. Рассказчик отмечает: „*I could see them as two miniatures hanging side by side... He should have been a young officer in Nelson's navy in the days when a certain weakness and sensitivity were no bar to promotion*“ [Михайловская, Щербина, 20206, с. 23]). Вице-адмирал Нельсон, чье имя упоминается здесь, прославился своими победами над французами и испанцами и стал практически олицетворением военно-морской мощи Британии конца XVIII – начала XIX в. Во времена Нельсона некоторая женственность и чувствительность мужчин не считалась зазорной. Именно эти черты отмечает рассказчик в женихе героини. Однако послушав беседу молодых людей, он меняет свое мнение: „*He had not the Nelson touch*“ [Михайловская, Щербина, 20206, с. 24]. Это крылатое выражение „*the Nelson touch*“ относится к лидерским качествам вице-адмирала, к его умению побеждать и вести людей за собой. Очевидно, молодому человеку из рассказа этих качеств не хватает, из-за чего он и обречен на поражение в споре со своей невестой.

Отдельного внимания заслуживают топонимы. Как и в литературных произведениях более ранних периодов, в современной литературе топонимы несут социолингвистические коннотации и используются для выражения отношения англичан к жизни дома и за рубежом, для определения принадлежности героев к определенному кругу «наших» и «чужих». Традиционно для англичан Великобритания представляется

престижным и достойным местом жительства, в то время как жизнь за границей выбирают лишь неудачники или люди с подмоченной репутацией [Гюббенет, 2009]. В рассказе Казуо Исигуро «Come Rain or Come Shine» трое друзей после окончания университета выбирают разные пути и, как следствие, разные места для жизни: главный герой Рэй становится преподавателем английского языка, уезжает из Великобритании и, не имея собственного дома, переезжает с места на место: Италия, Португалия и, наконец, Испания — вот «география» его профессиональной деятельности. Напротив, его друзья Чарли и Эмили обосновываются раз и навсегда в Лондоне, выбирая в качестве сферы деятельности бизнес. Рэй иронично замечает, что Чарли живет в престижном районе Лондона в шикарных апартаментах и при этом постоянно находится в разъездах, посещая крупнейшие мировые деловые центры: Токио, Нью-Йорк и т.д. Иными словами, несмотря на то что Чарли раз и навсегда обосновался в Лондоне, именно он путешествует больше всего („*Charlie's the one who's always flying off — to Texas, Tokyo, New York — to his high-powered meetings*“ [Михайловская, Щербинина, 2020а, с. 87]), в то время как он, Рэй, проводит все свое рабочее время в классе. При этом мериллом успеха для Чарли и Эмили, безусловно, является материальное благосостояние: обустривая гостевую комнату в своем доме для Рэя, они сосредоточены на том, чтобы наполнить ее многочисленными, не нужными другу удобствами.

Предпочитая постоянно жить на родине, современные англичане любят путешествовать и проводить отпуск на престижных мировых курортах, если могут себе это позволить. В подтверждение один из героев рассказа «Faith and Hope Fly South» называет французский Прованс „*too British*“, а штат Флорида „*too American*“, имея в виду, что в Провансе слишком много туристов-англичан, а Флорида — излюбленное место отдыха американцев. Взрослый сын главной героини этого рассказа, с детства приученный родителями к дорогим путешествиям, отдыхает в самых разных местах (Нью-Йорк, Флорида, Сидней, Тенерифе), никогда не приглашая мать с собой. Ему и в голову не приходит, что она с удовольствием попутешествовала бы вместе с ним: покаталась на горных лыжах на популярном французском горнолыжном курорте Валь д'Изер, послушала серенады гондольеров в Венеции или насладилась коктейлем Май Тай на Гавайях („*He never imagines, poor boy, that I might dream of hurtling down the piste noire at Val d'Isere, or being serenaded in Venice, or lounging in a hammock in Hawaii with a Mai Tai in each hand. I suppose he still thinks Blackpool's all I've ever wanted*“ [Михайловская, Щербинина, 2020а, с. 68]).

Однодневное путешествие в Блэкпул — популярный курортный городок на северо-западе Англии — является одним из немногих доступных развлечений обитателей дома престарелых, но и этого удовольствия героини рассказа оказываются лишены в наказание за то, что без разрешения администрации заведения поехали в Лондон. Несмотря на огорчение, они стараются сохранить достоинство, вспоминая прошлые путешествия на юг Франции. Стараясь ничем не выдать свое огорчение, они делают вид, что поездка в Блэкпул их совсем не привлекает, так как раньше они предпочитали проводить время в гораздо более престижных и дорогих местах типа Канн или французской Ривьеры: „*We had a villa, you know, in Eze-sur-Mer, on the French Riviera. We went there, the three of us, twice a year, all the time Priss was growing up. It was quiet in those days — not as overrun with film people and celebrities as it is now — but we used to pop down to Cannes from time to time, if there was a party we really wanted to go to*“ [Михайловская, Щербинина, 2020а, с. 69]).

Отметим попутно качество голоса одной из героинь — Cambridge voice, описываемое как „*snooziest, most dismissive*“ [Михайловская, Щербинина, 2020а, с. 69]: до выхода на пенсию Хоуп была профессором Кембриджского университета, т.е. занимала очень высокое социальное положение — обстоятельство, которое она часто использует как психологическую защиту от произвола и жестокости персонала. Вторая героиня, ее подруга Фейт, подчеркивает разницу в их социальном положении, отмечая, что Хоуп привыкла вести гораздо более привилегированный образ жизни: „*When you’ve been a professor at Cambridge, with theatres and cocktail parties and May Balls and Christmas concerts at King’s, you never really learn to appreciate those Tuesday night bingo games*“ [Михайловская, Щербинина, 2020а, с. 65]

Разница в социальном положении, как и принадлежность к определенной социальной прослойке или классу, по-прежнему остается одной из ключевых характеристик персонажей коротких рассказов. Одной из причин углубляющегося расхождения между друзьями в рассказе К. Исигуро является сложившаяся с годами разница в социальном положении. Выбор Рэем профессии учителя английского языка в глазах Чарли и Эмили является откровенным провалом, и они считают Рэя неудачником, о чем не стесняются ему открыто сообщать. Рэй, между тем, с иронией описывает попытки состоятельного Чарли «играть в демократию»: глядя на хорошо одетых посетителей ресторана, Чарли громко, на публику заявляет, что ничего нет плохого в том, что они с Рэем одеты как рабочий класс, ведь именно он построил Великобританию („*We look like the ones who’ve made it. Everyone*

else here looks like middle management“ [Михайловская, Щербинина, 2020а, с. 89]). Рэй же — ретроград и провинциал (*home counties*), как раз обращает внимание на то, кто как одет. Он лицемерно упрекает Рэя в «излишнем» внимании к тому, на какой ступени социальной лестницы находятся окружающие, приписывая другу собственный порок.

Несмотря на всеобщую демократизацию жизни в Великобритании и возросшую социальную мобильность, социальная принадлежность по-прежнему является важной характеристикой, используемой авторами для описания персонажей. Упоминание социальной принадлежности героев часто передает отрицательную оценку. Одна из персонажей рассказа «*Faith and Hope Fly South*», миссис Суэйзен, показана с неприятной стороны: обладательница большого состояния, она вечно недовольна своими детьми, которые, по ее мнению, слишком мало о ней заботятся. Не менее отталкивающе в рассказе выглядят сотрудники дома престарелых, проявляющие особое рвение, лишь обслуживая состоятельных пациентов: „*Ambulance-chaser, says Hope in disgust. You get them from time to time in places like this...*“ [Михайловская, Щербинина, 2020а, с. 67]. Отрицательной такая характеристика может быть как в отношении класса состоятельных людей, так и рабочего класса. В рассказе Йена Рэнкина «*An Afternoon*» неприятное впечатление производит описание поведения футбольных болельщиков, при этом подчеркивается их классовая принадлежность: „*They seemed normal enough in appearance, shuffling their feet to keep warm. A day's bristle, hair shoulder-length: manual workers mostly, coming to a game as other people attended church*“ [Михайловская, Щербинина, 2020а, с. 9].

В рассказе Фэй Уэлдон «*The Bottom Line and the Sharp End*» главные героини, Хелен и Эврил, противопоставлены по многим параметрам: по их внешности и манере одеваться, по семейному положению, отношению к жизни и к любви, а также по социальному статусу. Автор показывает, как за тридцать лет женщины поменялись местами: Хелен, начинавшая как скромная парикмахерша, стала хозяйкой собственного стильного салона для состоятельных дам („*drifted elegantly up-market*“), тогда как Эврил, ее клиентка, когда-то востребованная актриса и певица, опустилась на дно. Разница в их положениях передается через детали в описании обуви и украшений. Если в начале своей карьеры Хелен носила дешевые туфли на низком каблучке, а Эврил щеголяла в зеленых туфельках с атласными бантами, то теперь Хелен носит дорогую качественную обувь, а Эврил по-прежнему зеленые туфли, но уже обтрепанные, стоптанные, вызывающие жалость, а не зависть. На синтаксическом уровне это противопоставление усиливается за счет антите-

зы: „...*In those days Avril had worn expensive, daring green shoes with satin bows, all the better to flirt in: Helen had worn cheap navy shoes with sensible heels, all the better to work in...*“ [Михайловская, Щербинина, 2020б, с. 68].

Украшения также становятся значимым социальным маркером. По ним можно отслеживать все перипетии в жизни Эврил, ее взлеты и падения. В дни расцвета она носит кольца с бриллиантами и рубинами, иногда на ее руке Хелен видит даже обручальное кольцо; однако потом дорогие украшения уступают место бижутерии: „*the kind anyone could buy at a jewellery stall in the market on Saturdays; they came from India or Ethiopia or somewhere ethnic, and the silver was base and stones were glass*“ [Михайловская, Щербинина, 2020б, с. 69]. Эврил отшучивается с помощью аллитерации: „*cheap and cheerful*“, однако Хелен испытывает неловкость и стыдится своей незадачливой клиентки, особенно в присутствии других посетительниц салона, которые носят дорогие, но не кричащие украшения: „...*They didn't wear much jewellery, and if they did it was either real or Harrods make-believe, and certainly quiet...*“ [Михайловская, Щербинина, 2020б, с. 69]. Слово „*quiet*“ выделяется в тексте графически и интонационно, что подчеркивает его адгерентную положительную оценочную и социальную коннотацию. В данном контексте оно выступает синонимом „*understated*“ и сближается со словом „*hushed*“ в словосочетании „*hushed brocaded luxury*“ в описании салона Хелен. Однако в конце рассказа Эврил снова на коне: лишившись волос, она не утратила оптимизма и использовала новый образ в свою пользу. В финальной сцене мы видим Эврил рука об руку с богатым арабом, а на ее пальце красуется дорогое кольцо в золотой оправе.

Характеристика социального положения может даваться и через топонимы. Так, например, приходя в салон к Хелен, Эврил приносит с собой запах улицы („*the aura of the street*“). Если раньше, на пике карьеры Эврил, этот запах вызывал ассоциации с Шафтсбери-авеню, которую также называют «Лондонским Бродвеем» из-за средоточия театров, то постаревшая Эврил «пахнет» улочками Сохо. Этот топоним особенно интересен, поскольку он ассоциируется с артистической, богемной средой, что можно было бы воспринять как положительную коннотацию, однако противопоставление с Шафтсбери-авеню дает читателю понять, что Сохо здесь упоминается из-за злочных мест, клубной жизни, торговли наркотиками и других печально известных «развлечений».

Социальные компоненты коннотаций языковых единиц играют важную роль и в рассказе «A Bit of Singing and Dancing» Сьюзен Хилл. Главная героиня, пятидесятилетняя Эсме Феншоу, остается одна в доме после смерти своей больной матери, за которой она ухаживала долгие

годы. Эсме не привыкла жить для себя, поэтому вскоре сдает комнату постояльцу, мистеру Карри, и начинает заботиться о нем. При этом голос покойной матери постоянно звучит в голове дочери, дает оценку всем ее действиями, критикует, наставляет. Эсме долго не решается, к примеру, выходить на променады к морю, в туристическую часть города, поскольку ее мать этого не одобряла, ссылаясь на то, что гости города „were *quite common*“ [Михайловская, Щербинина, 2020а, с. 46]. Слово „*common*“ здесь употребляется не в привычном значении «широко распространенный, типичный», а с неодобрительной коннотацией „*typical of a low social class*“. Ирония в том, что, как выясняется в конце рассказа, мистер Карри зарабатывает на жизнь как уличный певец и танцор, что неприемлемо для джентльмена. В знак протеста против влияния своей матери Эсме не выгоняет его из дома, наоборот, выражает поддержку, решая закрыть глаза на занятие, которое ее мать явно посчитала бы „*quite common*“.

Наиболее ярко и иронично используется отсылка к социальному положению в рассказе Рона Батлина «The German Boy», где герой, вспоминая проведенные им годы в одной из частных школ-пансионатов, говорит о том, что в детстве не мог понять, в каком значении взрослые члены семьи употребляют слово „*class*“. Он пересказывает свой разговор с тетей, приехавшей его навестить: обсуждая его дружбу с мальчиком-немцем Клаусом, тетя говорит, что мальчик «не их круга» (в английском это значение передается словом „*class*“ — „*He is of a different class altogether*“ [Михайловская, Щербинина, 2020а, с. 19]). Племянник неправильно толкует ее слова, думая, что она говорит о школьном классе, и возражает, что они одноклассники.

Отличающийся лаконичностью и отчасти недосказанностью рассказ вместе с тем позволяет сделать предположения о социально-историческом контексте сюжета. В рассказе отсутствуют какие-либо отсылки на время, в котором происходит действие, однако несколько замечаний тетки героя позволяют сделать вполне уверенные предположения о том, что действие происходит в послевоенной Англии. Глядя на школьную карту, она замечает, что выбор красного цвета для обозначения территории Британских островов представляется ей неудачным: „*a map of the world which had the British Empire coloured red, 'an unfortunate choice of colour' my aunt had observed during her visit*“ [Михайловская, Щербинина, 2020а, с. 19]. Размышляя о значении красного цвета и исторических коннотациях, которые ему присущи, можно предположить, что отрицательные коннотации в картине мира англичан он приобрел после образования СССР — страны,

с которой красный цвет стал прочно ассоциироваться в представлении жителей западных стран.

На то, что действие происходит в послевоенной Англии, может косвенно указывать и национальность школьного друга героя — немца, для которого жизнь в привилегированной английской школе оказалась настолько невыносимой, что он отказался говорить на каком-либо другом языке, кроме родного немецкого. Читателю остается только догадываться, что именно довело мальчика до такого состояния, но его национальная принадлежность вполне могла стать мишенью для насмешек и ненависти послевоенной британской молодежи. Как видно из приведенного примера, ссылки в тексте на социально-исторический контекст могут подчеркивать драматизм событий, добавляя им исторической достоверности.

Примерно тот же исторический контекст, но в обратной перспективе пропускает и в рассказе «Faith and Hope Fly South», где среди пациентов дома престарелых оказываются поляк Джон (рассказчица замечает, что поскольку его настоящее имя выговорить невозможно, они решили называть его просто Джон) и немец мистер Браун. Здесь, однако, ссылки на исторический контекст используются для создания юмористического эффекта, так как вечное недовольство условиями жизни Джона становится предметом своеобразного юмора немца Брауна. В ответ на ворчание Джона о том, что дом престарелых похож на Аушвиц (концентрационный лагерь), он зло шутит, что его отец погиб в Аушвице — напился и упал со сторожевой башни. Отметим, что в обоих рассказах ссылка на национальную принадлежность, на факт, что герои — не англичане, не добавляет им привлекательности в глазах других: национальность мальчика вызывает в лучшем случае сочувствие, а конфликт между поляком и немцем — иронию.

Особое место в современной короткой прозе занимает филологический вертикальный контекст: цитаты и различного рода литературные аллюзии, без знания которых полнота восприятия текста невозможна. К наиболее популярным источникам последних в британской литературе до недавнего времени относились: 1) Шекспир, 2) Библия короля Иакова, 3) детские стихи, 4) литература Древней Греции и Рима, а также классическая мифология, 5) английская классическая литература (прежде всего поэзия) [Гюббенет, 2009, с. 20].

Как уже отмечалось исследователями, в современной английской литературе наблюдается тенденция к свертыванию употребления цитат и аллюзий, что в целом подтверждается результатами анализа материала [Гюббенет, 2019, с. 15]. Это, однако, справедливо прежде все-

го в отношении поэзии, ссылок на древнегреческих и древнеримских классиков и отчасти английской классической литературы. В тех случаях, когда ссылки, упоминания и аллюзии действительно встречаются, это делается намеренно, с определенной целью, например, для создания юмористического эффекта. Так, например, герой рассказа К. Исигуро Рэй, учитель английского языка, читает после обеда не что иное, как роман Дж. Остин «Мэнсфилд Парк», что не может не вызвать улыбки у читателя: произведения Джейн Остин входят во все списки классической английской литературы. Примерно такого же эффекта добивается в своем рассказе Джоан Харрис, делая любимыми литературными героями Хоуп и Фейт Сару из детской книжки «Little Princess» Ф. Бернетт и Лолиту из одноименного романа В. Набокова. В то же время англичанке Фейт позволительно не знать, кто такой Сартр, чего не скажешь о Хоуп — профессоре из Кембриджа: «... *'I agree,' said Hope. 'Imagine being stuck in a coach for two hours with those two — and Maureen — and Lorraine — and Mrs Swathen. I'm beginning to believe Sartre was right when he said, 'Hell is other people. Sometimes Hope forgets that I'm not familiar with these French colleagues of hers...'*“ [Михайловская, Щербинина, 2020а, с. 73].

Прямые цитаты из Шекспира, полные или усеченные, почти не встречаются, однако аллюзии на его произведения в анализируемом материале однозначно присутствуют. Так, в рассказе Р. Батлина прочитывается аллюзия на «Гамлета»: повествование ведется от первого лица героя, который, находясь наедине с самим собой в своем рабочем кабинете, вспоминает детство и юность. Выбор типа повествования напоминает драматический жанр монолога (*soliloquy*), который произносит герой пьесы, оставшись один на сцене: как известно, в пьесе «Гамлет» таких монологов у главного героя семь. Аллюзивным можно считать и упоминание о самоубийстве отца — факте, который перевернул всю жизнь героя, так как после смерти отца он был вынужден оставить учебу в университете, чтобы помочь семье выпутаться из тяжелого финансового положения. В сочетании с этими двумя факторами нынешняя ситуация — неминуемое банкротство его фирмы — заставляет героя колебаться и медлить, он понимает, что рано или поздно правда о положении дел выплывет наружу, но предпочитает пока молчать. Здесь также, на наш взгляд, прочитывается ироническое отношение автора к своему персонажу: подобно Гамлету, он медлит, не зная, на что решиться, однако если в истории Гамлета речь шла об убийстве, предательстве и узурпировании власти, в рассказе Батлина речь идет всего лишь о потере благосостояния и ущемленной гордости героя.

С шекспировскими аллюзиями мы встречаемся и в рассказе Грэма Свифта «Chemistry». Рассказчиком выступает мальчик, тяжело переживающий смерть бабушки, гибель отца, а впоследствии — новые отношения матери и смерть — или (само)убийство — любимого деда. Это снова отсылает нас к «Гамлету». Хотя отец мальчика гибнет в результате несчастного случая, а не предательства родных, он является к сыну во сне как призрак и призывает к отмщению, обвиняя во всем мать героя. Определенные параллели можно увидеть и с трагедией «Король Лир», поскольку постаревший отец, который содержал дочь и внука после смерти зятя, становится не нужен, когда у матери рассказчика появляется поклонник, и его выпроваживают из дома, заставляя есть в одиночестве в сарае.

С цитатами и аллюзиями на Библию дело обстоит примерно так же: прямые цитаты отсутствуют вовсе, за исключением тех случаев, когда они стали частью современного английского языка. Например, в рассказе «Faith and Hope Fly South» Фейт характеризует директора дома престарелых Морин как „*no Samaritan*“, ссылаясь на притчу о добром самаритянине из Евангелия от Луки. В современном английском языке это выражение используется для обозначения черствого эгоистичного человека, который не протянет руку помощи другому, при этом саму притчу говорящий может и не знать. Тем не менее текст может содержать скрытые аллюзии на Библию, выявить которые оказывается не так просто. Так, в том же рассказе Джоан Харрис санитар Крис — единственный из всех сотрудников дома престарелых, кто проявляет симпатию и сочувствие к героиням, — узнав о том, что их хотят наказать лишением поездки в Блэкпул, решает устроить им виртуальное путешествие к морю. Для этого он вешает на стены красивые постеры с изображением роскошных курортов, зажигает ароматические свечи с запахом южных трав и окунает ноги Фейт, прикованной к инвалидному креслу, в ванночку с водой и галькой, что является аллюзией на известную притчу об омовении ног, когда Христос омывал ноги своим ученикам. Библейскими аллюзиями являются и имена главных персонажей рассказа: Фейт (faith — вера), Хоуп (hope — надежда), Крис — Chris (Christopher) — производное от Christ (Христос), что подчеркивает важность анализа антропонимов для понимания вертикального контекста произведения.

Одной из важнейших характеристик вертикального контекста современной британской короткой прозы является обилие отсылок на современную массовую культуру: музыку, кино, телевидение, Интернет и пр. Число таких включений постоянно растет и требует от чита-

теля глубокого знания и понимания современного культурного контекста. Проанализированный материал содержит антропонимы (имена популярных телеведущих, звезд кино (Jerry Springer, Cary Grant)), аллюзии на известные кинофильмы (популярный американский вестерн конца 1960-х гг. «Butch Cassidy and the Sundance Kid»), имена музыкантов (Edith Piaf, Ray Charles, Sara Vaughan, Frank Sinatra, Cole Porter), названия популярных песен («Georgia on My Mind», «Come Rain or Come Shine»), названия культурных центров (The West End of London) и т.д. В рассказе Фэй Уэлдон «The Bottom Line and the Sharp End» можно проследить эволюцию героини по тем прическам, которые она меняла: «*After Godiva look, the Doris Day look, the Elizabeth Taylor look, then the Twiggy look — the frizz-out, the pile-up and the freak-out — none of which did me any good at all — just plain bald might work wonders for a girl's career*» [Михайловская, Щербинина, 2020б, с. 76]. Отсылки к историческим персонажам (леди Годива) соседствуют с именами популярных актрис XX в. (Doris Day, Elizabeth Taylor) и моделей (Twiggy). При этом требуется также знание реалий, а именно стилей причесок и укладок (завивка, пучок с начесом, стрижка под мальчика и пр.), соотносящихся с определенным историческим периодом.

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Современную британскую короткую прозу отличает насыщенность вертикального контекста, знание и понимание которого обеспечивает адекватное проникновение в авторский замысел, и, наоборот, отсутствие определенных фоновых знаний у читателя может затруднить ее восприятие.

2. Для полноты восприятия необходимо понимание прежде всего социально-исторического контекста, т.е. всей содержащейся в тексте информации об общественных отношениях: социальном и материальном положении персонажей, образе жизни, уровне образования, политических и религиозных воззрениях, нравственно-этических принципах и пр.; информация подобного рода, как правило, несет оценочные коннотации.

3. Филологический вертикальный контекст современной британской прозы почти не содержит прямых цитат, однако может содержать аллюзии на произведения Шекспира и Библию; имена писателей и названия произведений также могут упоминаться.

Для вертикального контекста современной прозы характерно включение большого количества имен, названий, аллюзий на современную массовую культуру (телевидение, кино, газеты, Интернет, музыка, раз-

влечения), что требует от читателя глубокого знания современного культурного контекста.

Библиографический список

Болдырева Л.В. К вопросу о вертикальном контексте, фоновом знании, языковой картине мира и понимании текста на иностранном языке // Актуальные проблемы английского языкознания : сб. науч. ст., посвященный зав. кафедрой английского языкознания филол. ф-та МГУ им М.В. Ломоносова д. филол. н., профессора О.В. Александровой. М., 2022.

Болдырева Л.В. Понимание авторского вертикального контекста как необходимое условие адекватного перевода // Слово и текст: к проблеме понимания : сб. науч. ст. памяти доцента МГУ им. М.В. Ломоносова, к. филол. н. И.В. Гюббенет. М., 2019.

Болдырева Л.В. Социально-исторический вертикальный контекст (на материале английской художественной литературы) М., 1997.

Бурцев А.А. Рассказ как «Форма времени» в английской литературе конца XIX – начала XX в. // Вестник Северо-Восточного федерального университета им М.К. Аммосова. 2010. Т. 7. № 2.

Винокурова И.Ж., Редько М.В. Способы выражения вертикального контекста в языке СМИ на материале современного английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 11.

Габриэль Д.А. К вопросу о функционировании вторичных элементов в публицистическом дискурсе (на материале эссе Вуди Аллена для журнала «The New Yorker») // Научный диалог. Екатеринбург, 2016. Т. 60. № 12.

Гюббенет И.В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. М., 2009.

Гюббенет И.В. Еще раз о вертикальном контексте: теория и практика // Слово и текст: к проблеме понимания : сб. науч. ст. памяти доцента МГУ им. М.В. Ломоносова, к. филол. н. И.В. Гюббенет. М., 2019.

Задорнова В.Я. Чтение текста как филологическая проблема // Слово и текст: к проблеме понимания : сб. науч. ст. памяти доцента МГУ им. М.В. Ломоносова, к. филол. н. И.В. Гюббенет. М., 2019.

Изотова А.А. Аллюзивность художественного текста Аниты Брукнер // Вестник государственного университета управления. 2014. № 1.

Казимова Г.Г., Филиппова М.М. Библиеизмы в Брекзит-дискурсе // Слово и текст: к проблеме понимания : сб. науч. ст. памяти доцента МГУ им. М.В. Ломоносова, к. филол. н. И.В. Гюббенет. М., 2019.

Кандрашкина О.О. Топонимы и антропонимы как элементы вертикального контекста // *Мировая наука*. 2018. № 7 (16).

Кизилова Т.Ю. Элементы вертикального контекста в романе «Острые бритвы» Сомерсета Моэма // *Слово и текст: к проблеме понимания* : сб. науч. ст. памяти доцента МГУ им. М.В. Ломоносова, к. филол. н. И.В. Гюббенет. М., 2019.

Коряжкина О.В. Роль вертикального контекста и различных типов интертекстуальности в лингвопоэтическом анализе художественного произведения // *Вестник Камчатской региональной ассоциации Учебно-научный центр. Гуманитарные науки*. 2019. № 2 (34).

Липгарт А.А., Вишнякова О.Д. Functional stylistics and vertical context // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2023. Т. № 29. № 1.

Менджеричкая Е.О. Дискурс СМИ и языковая игра (по мотивам статьи И.В.Гюббенет «ESP and language play») // *Слово и текст: к проблеме понимания* : сб. науч. ст. памяти доцента МГУ им. М.В. Ломоносова, к.а. филол. н. И.В. Гюббенет. М., 2019.

Михайловская Е.В., Щербинина Ю.И. Современная британская короткая проза: пути интегрирования в программу обучения филологов-англистов // *Александровский сборник* : сб. науч. ст. к юбилею д. филол. н., профессора О.В. Александровой. М., 2022.

Михайловская Е.В., Щербинина Ю.И. Story Time. Contemporary British short stories in the EFL classroom. М., 2020a. Vol. I.

Михайловская Е.В., Щербинина Ю.И. Story Time. Contemporary British short stories in the EFL classroom. М., 2020b. Vol. II.

Назарова Т.Б. Вертикальный контекст и английский язык делового общения: динамика прямой и косвенной коммуникации в эпоху глобализации // *Слово и текст: к проблеме понимания* : сб. науч. ст. памяти доцента МГУ им. М.В. Ломоносова, к. филол. наук. И.В. Гюббенет. М., 2019.

Прохорова М.Ю. Проблема перевода цитат в английском художественном тексте и их прагмалингвистическое освещение // *Научные труды КубГТУ. Электронный сетевой политематический журнал*. 2017. № 8. URL: <https://ntk.kubstu.ru/tocs/45>

Туляков Д.С. Английский модернистский рассказ сегодня: содержание, понятия и проблемы изучения // *Новый филологический вестник*. 2021. № 1 (56).

Шарапкина А.А. Миф о короле Артуре как концептуальная матрица для осмысления Брексита // *Научный диалог*. Т. 5. № 214.

References

Boldyreva L.V. *K voprosu o vertikal'nom kontekste, fonovom znanii, yazykovoy kartine mira i ponimanii teksta na inostrannom yazyke*. [Towards vertical context, background knowledge, linguistic picture of the world and understanding of the text in a foreign language] In: *Aktual'nye problemy angliyskogo yazykoznaniiya*. [Current issues in modern English linguistics]. Moscow, 2022.

Boldyreva L.V. *Ponimanie avtorskogo vertikal'nogo konteksta kak neobkhodimoe uslovie adekvatnogo perevoda*. [Understanding of the author's vertical context as a prerequisite for adequate translation]. In: *Slovo i tekst: k probleme ponimaniya*. [The word and the text: to the problem of understanding]. Moscow, 2019.

Boldyreva L.V. *Sotsial'no-istoricheskii vertikal'nyy kontekst (na materiale angliyskoy khudozhestvennoy literatury)*. [Social-historical vertical context: a case study of literature in English]. Moscow, 1997.

Burtsev A.A. *Rasskaz kak «Forma vremeni» v angliyskoy literature kontsa XIX — nachala XX v.* [A short story as a “form of time” in English literature of the late 19th-early 20th century]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im M.K.Ammosova*. [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov]. 2010. Vol. 7. No. 2.

Vinokurova I.Zh., Red'ko M.V. *Sposoby vyrazheniya vertikal'nogo konteksta v yazyke SMI na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka*. [Means of expressing vertical context in English media language]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2020. Vol. 13. Iss. 11.

Gabriel' D.A. *K voprosu o funktsionirovanii vtorichnykh elementov v publitsisticheskom diskurse (na materiale esse Vudi Allena dlya zhurnala “The New Yorker”)*. [To the functioning of secondary elements in media discourse (a case study of Woody Allen's essays in The New Yorker)]. In: *Nauchnyy dialog*. [Scientific dialogue]. Vol. 60. No. 12. Ekaterinburg, 2016.

Gyubbenet I.V. *Osnovy filologicheskoy interpretatsii literaturno-khudozhestvennogo teksta*. [The fundamentals of philological interpretation of literature]. Moscow, 2009.

Gyubbenet I.V. *Eshche raz o vertikal'nom kontekste: teoriya i praktika*. [Vertical context reviewed: theory and practice]. In: *Slovo i tekst: k probleme ponimaniya*. [The word and the text: to the problem of understanding]. Moscow, 2019.

Zadornova V.Ya. *Chtenie teksta kak filologicheskaya problema*. [Reading as a philological proposition]. In: *Slovo i tekst: k probleme ponimaniya*. [The word and the text: to the problem of understanding]. Moscow, 2019.

Izotova A.A. *Alluzivnost' khudozhestvennogo teksta Anity Brukner*. [Allusions in Anita Brookner's prose]. In: *Vestnik gosudarstvennogo universiteta upravleniya*. [Bulletin of the State University of Management]. 2014. No. 1.

Kazimova G.G., Filippova M.M. *Bibleizmy v Brekzit-diskurse*. [Brexit-discourse Bibleisms]. In: *Slovo i tekst: k probleme ponimaniya*. [The word and the text: to the problem of understanding]. Moscow, 2019.

Kandrashkina O.O. *Toponimy i antroponimy kak elementy vertikal'nogo konteksta*. [Toponyms and anthroponyms as elements of vertical context]. In: *Mirovaya nauka*. [World science]. 2018. No. 7 (16).

Kizilova T.Yu. *Elementy vertikal'nogo konteksta v romane «Ostrie britvy» Somerseta Moema*. [Some elements of the vertical context in "The Razor's Edge" by Somerset Maugham]. In: *Slovo i tekst: k probleme ponimaniya*. [The word and the text: to the problem of understanding]. Moscow, 2019.

Koryazhkina O.V. *Rol' vertikal'nogo konteksta i razlichnykh tipov intertekstual'nosti v lingvopoeticheskom analize khudozhestvennogo proizvedeniya*. [The role of vertical context and different types of intertextualities in the linguopoetic analysis of literary texts]. In: *Vestnik Kamchatskoy regional'noy assotsiatsii Uchebno-nauchnyy tsentr Gumanitarnye nauki*. [Bulletin of the Kamchatka Regional Association Educational and Scientific Center]. 2019. No. 2 (34).

Lipgart A.A., Vishnyakova O.D. *Functional stylistics and vertical context*. [Функциональная стилистика и вертикальный контекст]. In: *Vestnik Samarskogo universiteta*. [Bulletin of Samara University]. 2023. Vol. 29. No. 1.

Mendzheritskaya E.O. *Diskurs SMI i yazykovaya igra (po motivam stat'i I.V.Gyubbenet «ESP and language play»)*. [Mass media discourse and language play (after I.V. Gyubbenet's paper "ESP and Language Play")] In: *Slovo i tekst: k probleme ponimaniya*. [The word and the text: to the problem of understanding]. Moscow, 2019.

Mikhaylovskaya E.V., Shcherbinina Yu.I. *Sovremennaya britanskaya korotkaya proza: puti integrirvaniya v programmu obucheniya filologov-anglistov*. [Contemporary British short stories as part of university curriculum for students of English language and literature]. In: *Aleksandrovskiy sbornik*. [Alexander's collection]. Moscow, 2022.

Mikhaylovskaya E.V., Shcherbinina Yu.I. *Story Time. Contemporary British short stories in the EFL classroom*. Vol. I. Moscow, 2020a.

Mikhaylovskaya E.V., Shcherbinina Yu.I. *Story Time. Contemporary British short stories in the EFL classroom*. Vol. II. Moscow, 2020b.

Nazarova T.B. *Vertikal'nyy kontekst i angliyskiy yazyk delovogo obshcheniya: dinamika pryamoy i kosvennoy kommunikatsii v epokhu globalizatsii*. [Vertical

context and Business English: the dynamics of direct and indirect types of communication across cultures] In: *Slovo i tekst: k probleme ponimaniya*. [The word and the text: to the problem of understanding]. Moscow, 2019.

Prokhorova M.Yu. *Problema perevoda tsitat v angliyskom khudozhestvennom tekste i ikh pragmalingvisticheskoe osveshchenie*. [Translation of quotations in fiction through the prism of pragmalinguistics]. In: *Nauchnye trudy KubGTU*. [Scientific works of Kuban State Technical University]. 2017/ No. 8. URL: <https://ntk.kubstu.ru/tocs/45>

Tulyakov D.S. *Angliyskiy modernistskiy rasskaz segodnya: sodержanie ponyatiya i problemy izucheniya*. [Modern English short story today: the concept and the study]. In: *Novyy filologicheskii vestnik*. [New Philological Bulletin]. 2021. No. 1 (56).

Sharapkova A.A. *Mif o korole Arture kak kontseptual'naya matritsa dlya osmysleniya Breksita*. [Myth of King Arthur as a Conceptual Matrix for Understanding Brexit]. In: *Nauchnyi dialog*. [Scientific dialogue]. 2020. No. 5.

**АНОНИМНАЯ АНГЛИЙСКАЯ ПОЭМА XIV В.
«THE KING OF TARS»: КСЕНОФОБИЯ
КАК МОДАЛЬНОСТЬ СЮЖЕТНЫХ
И ЯЗЫКОВЫХ МОТИВОВ**

В.Б. Семёнов

Ключевые слова: рыцарский роман, эпическая поэма, инципит, эксплицит, обращение, мотив цвета, обвиненная королева.

Keywords: chivalric romance, epic poem, incipit, explicit, conversion, color motif, accused queen.

DOI 10.14258/filichel(2023)4-06

В архитектонике манускрипта Edinburgh, National Library of Scotland, MS Advocates 19.2.1, более известного как The Auchinleck MS (рукопись Окинлека), местами прослеживается неявная зеркальная симметрия. Так, первое и последнее произведения, вошедшие в рукопись, имеют отчасти обманные заголовки, которые способны навести впервые читающего и «The Legend of Pope Gregory» («Легенду о Папе Григории»), и «The Simonie» («Симонию») на поспешные подозрения относительно религиозного характера темы и жанра этих сочинений. Между тем первое произведение в рукописи не настолько проявляет себя в качестве агиографического опуса, насколько ярко выступают на его поверхность черты рыцарского романа, с изрядным мелодраматизмом «эдиповой» темы и приключениями, только в финале возводящими героя на папский престол. То же и второе: странная поэма, сочиненная с аллитерациями и концевыми рифмами одновременно, проявляет свой амбивалентный характер и в том, что, отчасти являясь сатирой на английских церковников, в большей степени служит агитационным документом, зовущим если не к революции, то к бунту против всего правящего класса (и духовенства, и феодального рыцарства).

Такая же ситуация со вторыми — от начала и до конца рукописи — произведениями. Их заглавия, наоборот, кажутся указывающими на светскую тематику и историко-приключенческий сюжет, а в действительности и «The King of Tars» («Король Тарса»), и «Richard Coer de Lyon» («Ричард Львиное сердце»), формально относящиеся к жанру **romance**, имеют отчетливую религиозно-пропагандистскую направленность. Обе эпические поэмы показывают события эпохи крестовых походов, борьбы христиан с мусульманами, но в «Короле Тарса» все пер-

сонажи вымышленные, да отчасти вымышлена и география сюжетного действия, разве что упоминается Дамаск, султан которого до поры играет роль антагониста по отношению к королю Тарса, а затем его дочери. В двух поэмах начинка религиозной пропаганды упакована в оболочку фантастических мотивов. В «Короле Тарса», как будет показано далее, риторика повествователя крутится вокруг подразумеваемого авторского посыла: «Посмотрите, какие звери и демоны эти нехристи мусульмане!» — а в «Ричарде Львиное сердце» сюжетные мотивы призваны внушить английскому читателю: «Если наш знаменитый король порой бывал зверем и демоном, то это по замыслу Божию и во славу Его, следовательно, средства целью оправданы».

Есть общее и в судьбе двух сочинений: о поэме «Ричард Львиное сердце», несмотря на известность как исторической фигуры, явившейся прототипом героя, так и основной канвы полуисторического сюжета, исследователи пишут недостаточно, потенциал ее исследований явно недооценен; о «Короле Тарса» практически не пишут, отчасти по причине того, что увидели в одном из центральных мотивов близость ко многим сюжетам о так называемых «обвиненных королевах» и об испытаниях, которые они претерпели. Но в этом последнем произведении, пусть и вобравшем в себя некоторые фольклорные и литературные стереотипы, много и другого, достойного внимания ученых и кропотливого анализа.

Мы обратимся к поэме «The King of Tars», чтобы выявить наиболее яркие особенности ее сюжета и жанра — в надежде положить начало рассмотрению этого памятника в ряду других, уже хорошо известных отечественному литературоведению. Сначала познакомимся с **синопсисом**.

О красоте дочери короля Тарса разошлась слава по окрестным странам, и султан Дамаса (Дамаска) решил, что она должна стать его женой. Он послал королю письмо с угрозой начать войну, если тот не отдаст султану свою дочь. Король в гневе, но решает предоставить право выбора дочери. Та отказывается вступать в брак с нехристианином. Султан, получивший отказ, после совета со знатью своего государства собирает большую армию и начинает успешную войну против Тарса. Воины короля гибнут в таких количествах, что милосердная принцесса обращается к родителям с просьбой отдать ее султану и тем самым остановить ужасную бойню. Принцессу доставляют в Дамаск, но султан, не собирающийся обращаться в христианство, требует, чтобы невеста обратилась в его веру. Иначе свадьбы не будет, а война продолжится. В отведенных ей покоях во дворце султана принцесса ночью видит

сон: перед ней сотня лютых черных собак, и все лают на нее, а одна уже готова наброситься; принцесса во сне пытается бежать в противоположную сторону, но там стоят три дьявола с глефами, пылающие, как драконы; в это время принцесса замечает, что за ней следовала одна из собак, и видит, что у нее седые брови; собака вдруг превращается в рыцаря в белых одеждах, и тот доносит до принцессы весть Христову, состоящую в том, что не нужно бояться языческих идолов жениха — ни Тернаганта, ни Магона. Проснувшаяся принцесса сообщает султану о своем решении принять его веру — и тот в радости устраивает свадьбу. Принцесса приняла веру формально, а втайне молится богу христиан. Она вскоре беременеет, а потом рождает. Родился не обычный ребенок, а похожий на камень кусок плоти, без головы, конечностей и кожи. Султан упрекает жену в том, что она плохо верила в его богов, но принцесса уговаривает мужа обратиться к богам с просьбой о помощи ребенку: султан обратится к своим, а принцесса к своему. Султан несет кусок плоти в храм и молится там языческим идолам, среди которых Юпитер, Нептун, Аполлион, Тернагант и Магон. Боги не вмешиваются — и султан в исступлении ниспровергает кумиров и крушит их. Затем принцесса просит мужа освободить томящегося у него в заключении христианского священника Клеофаса, и тот проводит обряд крещения «младенца» — и кусок плоти на глазах превращается во младенца настоящего, притом очень красивого. Султан ликует и сам просит обратиться его в христианина. Священник окропляет чернокожего и неприятного на вид язычника — и его прежде грубая кожа становится белой и «чистой без греха». Султан отправляет Клеофаса к королю Тарса рассказать о случившемся, чтобы призвать последнего на помощь в христианизации Дамаса. Король Тарса приходит с шестидесятитысячным войском. В это время султан объявляет знати Дамаса и своим рыцарям, что все должны вслед за ним принять христианскую веру, отказавшихся ждет обезглавливание. После этого из султанских тюрем отпущены с почестями десять тысяч христиан из разных стран, а оставшиеся язычниками подданные султана казнены. Об этом прослышали пять языческих королей: Канадок, Лесиас, Кармель, Кламадас и Мемарок — и они идут войной на султана и присоединившегося к нему короля Тарса. Султан и король Тарса, помогая друг другу в бою, побеждают одного за другим пять королей. В битве захвачены тридцать тысяч язычников, смуглых и черных. Их кинули в тюрьму и предложили обратиться в христианство. Тех, кто отказался, христиане вывели за город и лишили головы...

На этом текст поэмы величиной в 1.228 стихов в рукописи Окинлека завершается. Поскольку поэма написана двенадцатистишиями с концевой рифмовкой ААВААВССВДDB (напомню, что еще Рассел Пек, разбирая поэму «Жемчужина», также написанную двенадцатистишиями, указывал на то, что Средние века наделяли число 12 значением «предельного совершенства» [Peck, 1980, p.62]) и в то же время несколько строф в рукописи явно короче заданного стандарта, Джудит Перримен в издании 1980 г. (Perryman, J., ed. *The King of Tars: Edited from the Auchinleck Manuscript, Advocates 19.2.1. Middle English Texts 12.* Heidelberg: Universitätsverlag / Carl Winter, 1980) восприняла укороченные строфы как те же двенадцатистишия, но с допущенными писцом лакунами, а потому восполнила недостающие стихи по другим источникам. После нее нумерация строк поменялась, и добавленные строки в новой нумерации — это 355–357, 748–750 и 1142.

В следующем, последнем по времени, издании текста поэмы Джон Чендлер (Chandler, J.H., ed. *The King of Tars.* Kalamazoo: Medieval Institute Publications, 2015), осознав, что повествование в рукописи Окинлека резко обрывается, и зная о том, что в других источниках в финале текста есть еще одна строфа с обращенными к Иисусу хвалениями, добавил ее. При этом он был явно непоследователен: он отказался от вставок Перримен ради сохранения аутентичного вида текста, каким тот явлен в ранней из рукописей, содержащих поэму, — в рукописи Окинлека; однако все же один добавленный Перримен стих (в ее нумерации — 1142) он сохранил и, как было указано выше, добавил целую финальную строфу из того же другого источника, на который оглядывалась при реконструкции поэмы Перримен. В итоге реконструированный Чендлером текст имеет объем в 1.241 стих (у Перримен — 1.235). Далее мы будем цитировать текст поэмы непосредственно по рукописи Окинлека, но пользоваться нумерацией, предложенной в издании Джудит Перримен.

Упомянутые другие источники — это две рукописи конца XIV в.: Oxford, Bodleian Library, MS Eng. poet. a. 1, или *The Vernon MS* (рукопись Вернона), и London, British Library, MS Add. 22283, или *The Simeon MS* (рукопись Симеона). Поскольку рукопись Окинлека была предположительно создана в 1330-х гг., ее версия законно считается древнейшей. Скорее всего, писцы рукописи Вернона отчасти на нее ориентировались, поскольку повторили и несколько других текстов из рукописи Окинлека, в том числе и упомянутый роман «*The Legend of Pope Gregory*». А рукопись Симеона считают созданной под влиянием рукописи Вернона, поэтому исследователи поэмы в первую очередь рассмат-

ривали раннюю рукопись, далее сверялись сначала с манускриптом Вернона, а потом, если была необходимость, и Симеона.

Три рукописи различаются не только количеством строк, но и тем, как представлено заглавие произведения. Именно в рукописи Окинлека мы встречаем известное нам краткое заглавие произведения — «The King of Tars». Следует вспомнить, что традиция заглавий в XIV в. еще не была до конца сформирована и не только стихотворные сочинения малых форм, но и большие эпические поэмы могли быть представлены в рукописи без заглавия (мы это увидим далее). Если писец не знал заглавия вносимого в рукопись текста, он мог использовать форму **инципита**, т.е. предпосылать началу текста выписанную киноварью фразу «Здесь рассказывается о...» и т.п. Иногда в пару к инципиту в постпозицию по отношению к финальной строке текста ставили **эксплицит**, словесную формулу, начинавшуюся с латинского слова «*explicit*», которому придавалось значение «Закончен рассказ о...». Постепенно инципиты были вытеснены нормальными заголовками, но эксплициты еще долго сохранялись. А современная наука изменила смысловое наполнение терминов: теперь инципит — просто пара начальных фраз / стихов текста, эксплицит — пара финальных.

Помня об этом, вернемся к трем рукописям. В рукописи Окинлека поэма инципита в том старом значении не имеет, поскольку есть нормальное заглавие, а эксплицита не имеет — поскольку писец не дописал одну-две строфы из текста предполагаемого оригинала, предшествовавшего варианту из рукописи Окинлека, но не сохранившегося. В рукописи Вернона все наоборот. Нет заглавия, нет финальной формулы эксплицита, хотя этот вариант содержит отсутствовавшие в предыдущем финальные строки. Но самое интересное — наличие инципита, но не такого прозаического, какие бывали у иных стихотворных романов Средневековья, а поэтического, в виде четырех строк с мононимом, записанных столбцом: „*Her bigenneþ of þe kyng of tars / And of þe soudan of dammas / Hou þe soudan of dammas / was icristned þoru gods gras*“ (‘Здесь начинается <рассказ> о короле Тарса и о султанине Даммаса, <и о том,> каким образом султан Даммаса был окрещен через милость Божию’). Инципит писцы чаще не переписывали из другой рукописи, а сочиняли сами. Вот и по этому инципиту заметно, что писец как читатель эпической поэмы сначала осознал, что фигура султанины-язычницы весит не меньше, чем фигура христианского короля, а потом и вовсе выделил в качестве основного события сюжета то, что происходит именно с султаном, а не с королем Тарса. Руководствуясь

этим инципитом, заглавие можно было бы реконструировать как «Король Тарса и султан Дамаса». Наконец, в рукописи Симеона ни заглавия, ни классического инципита нет, зато после финальных строк дан классический эксплицит: „*Explicit the Kyng of Tars & the Soudan of Damas*“ (‘Изложена история Короля Тарса и Султана Дамаса’). Итак, мы видим, что поэма в двух поздних рукописях, хотя и не имеет заглавия, опознается как произведение о взаимодействии двух правителей — христианина и проходящего обращение мусульманина.

Действительно, тема соотношения христианства и языческой, варварской, с точки зрения анонимного автора поэмы, веры мусульман — это основная тема, важная в религиозном, политическом и культурном планах. В «Короле Тарса», как и в «Ричарде Львиное сердце», противостояние двух вер подано под знаком непримиримости. Даже градус расизма не столь велик, как градус религиозной ксенофобии. Ислам представлен не как некий очередной соперник, с которым бьется рыцарь-христианство. Он изначальный, все еще не побежденный враг. Вот потому в «Короле...», как и в «Ричарде...» и во многих других поэмах этого века, сарацинская вера — это вера в идолов, каменных кумиров, одним из которых в «Короле...» оказывается даже пророк Мухаммед, кстати, регулярно в поэме называемый не пророком, а богом. Его изображению молится султан Дамаса. А рядом с ним, фигурирующим в образцах английского эпоса той поры под именами *Mahoun* (Махун) или *Mahon/Magon* (Магон), на равных выступают в мыслящейся политеической системе языческих взглядов и античные Юпитер с Плутоном, и Апполин (*Appolyn, Appolin, Apolin*), т.е. «ангел бездны» Аполлион как греческая проекция еврейского Абаддона, и еще один интересный бог, порожденный буйной фантазией средневековых клириков, — бог, который в этой поэме назван Тернагантом.

В конце века в «Рассказе о сэре Топасе» из «Кентерберийских рассказов» Чосера рассказчик заставит великана Олифанта поклясться именем Термаганта (см. стих 810): *He seyde, «Child, by Termagaunt...»* (Он молвил: «Дитя, клянусь Термагантом...»). На рубеже XIV–XV вв. форма имени этого несуществующего бога сарацин была именно Термагант (*Termagaunt*), в то время как на рубеже XIII–XIV вв. — Тервагант (*Teruagaunt*). Так, в созданном около 1300 г. анонимном стихотворном житии «Магдалена» (*Oxford, Bodleian Library, MS. Laud Misc. 108*) упоминаются рядом *Mahun* и *Teruagaunt* (ст. 205). Еще раньше в «Бруте» Лайамона (London, British Museum, Ms. Cotton Caligula A.IX; ок. 1225-го г.) *Teruagant* упоминается в стихах 2670 и 8199. Джозеф Шипли в «Словаре источников слов» утверждал, что в английский язык слово попало из

старофранцузского. Это возможно, потому что еще в XII в. в известных жестах это слово использовалось. В «Песне о Гильоме» (ст. 3253–3254): „*Se Mahomet ne volez reneier, / E Appolin e Tervagant le veil*“ (‘Не отрицают ни Магомета, ни Апполина, ни старого Терваганта’). В «Песне о Роланде» (ст. 2589–2590): „*E Tervagan tolent sun escarbuncle, / E Mahumet enz en un fosset butent*“ (‘Они срывают с Тервагана карбункул и бросают Махумета в канаву’). А в старофранцузский, по его мнению, имя Терваганта залетело из итальянского: *Trivigante* было связано с представлениями о латинской Диане как о *Dea Trivia* (т.е. ‘богине на распутье трех дорог’), а вместе с тем являлось отголоском *termigisto* (‘хвастун’), по-видимому, происходящего от *Hermes Trismegistus* [Shipley, 1945, p. 354]. Так античная богиня и легендарный автор оккультных трактатов породили едва ли не старшего бога в вымышленном собрании сарацинских идолов.

В рукописи Окинлека и «Король Тарса», и «Ричард Львиное сердце» содержат множество отсылок к этой придуманной книжниками политеической вере. Заглядываем в «Ричарда...»: в ст. 2714, 5360 и 6475 — *Mahoun* и *Termagaunt*, в ст. 4060–4061, 5030 и 6252 — *Mahoun* и *Appolyn*, в ст. 4451 — *Mahoun* и *Jubiterre*, не считая одиночных упоминаний, например, в ст. 6388 (*Termagaunt*) или 6920 (*Appolyn*). Понятно, что составление такого пантеона было творчеством большого числа сочинителей, возможно, даже нескольких поколений. Многобожие — примета религии **других**. Образ **другого** был многогранен, и каждая грань выражала представление о нем как о существе по меньшей мере странном. Странности начинались с имен. Уже сам пятичленный ряд Тернагант, Магон, Апполин, Юпитер и Плутон представляет имена, для простого люда непривычные. А как только соответствующие кумиры повержены и разбиты, в сюжет врываются пять носителей еще более странных имен — короли *Канадок*, *Лесиас*, *Кармель*, *Кламадас* и *Мемарок* (имена *Кармель* и *Мемарок* мы встречаем и в английском романе того же века «Отюэль и Роланд» — и это также имена сарацин [Geist, 1943, p. 267]), и являются они мстить именно отступнику, ныне христианину, осквернившему изваяния богов в языческом храме. Являются так, словно сами они волшебным образом вызваны этим осквернением кумиров.

Другие должны пугать. Их иная вера непонятна, т.е. **темна**. Легче всего объяснить это читателям поэмы оказалось для анонимного автора с помощью материализации метафоры: сарацины, неверные, магометане — **черны** [Calkin, 2005, p. 231]. Пугающая чернота веры в сюжете определяется визуально: султан и его подданные имеют грубую

черную или близкую к черной кожу. Грубость кожи — проекция грубости верований чужих, цвет — проекция сути верований [Whitaker, 2013, p. 170]. Религиозная ксенофобия предполагает умение не видеть в противниках людей. Поэтому с таким спокойствием новообращенные христиане, вчерашние язычники, расправляются с тысячами себе подобных, оставшихся в прежней вере. Здесь в поэме отношение к массовому убийству язычников аналогично тому, что явлено в «Ричарде Львиное сердце».

Языческая вера как внутреннее варварство проецируется вовне и обуславливает то, что ее носителей визуально воспринимают как опасных собак. Неслучайно слово *hounde* с заметной частотой встречается в поэме — и только по отношению к сарацинам [Czarnowus, 2008, p. 467]. Ст. 93: „*Heþen hounde he gan þe calle*“ (‘Он называл тебя языческой собакой’). Ст. 169: „*þer hewe houndes on Cristenmen*“ (‘Там псы рубили христианский люд’). Ст. 423: „*An hundred houndes blake*“ (‘Сто черных псов’). Ст. 440: „*& afterward þer com an hounde*“ (‘А потом пришел пес’). Ст. 448: „*þat blac hounde hir was folweing*“ (‘Тот черный пес за ней шел следом’). Ст. 743: „*We schul make Cristen men of houndes*“ (‘Из псов мы сделаем христиан’). Ст. 1097: „*Ten heþen houndes wer þan*“ (‘Тогда было по десять языческих собак’). Ст. 1176: „*Among þo houndes fele*“ (‘Среди множества собак’). Ст. 1178: „*Hadde spite of þat heþen hounde*“ (‘Презирал эту языческую собаку’).

Немного реже можно встретить упоминание черного цвета — *blac / blake*. Ст. 423: „*An hundred houndes blake*“ (см. выше). Ст. 448: „*þat blac hounde hir was folweing*“ (см. выше). Ст. 525: „*On stedes white & blake*“ (‘на черных и белых конях’). Ст. 799: „*þan cam þe soudan, þat was blac*“ (‘А затем явился султан, который был черен’). Ст. 928: „*His hide, þat blac & loþely was*“ (‘Его кожа была черной и отвратительной’). Ст. 1226: „*Of Sarra[3]ins boþe blo & blac*“ (‘Сарацин, как темных, так и черных’). Черное относится исключительно к султану и сарацинам. Даже упоминаемые в одной из строк черные кони — это кони именно рыцарей султана. А явления черных зверей европейцы еще с Античности воспринимали как дурные знамения [Strickland, 2003, p. 84].

Цветовой мотив черноты объединяется в сюжете с идеологически важным мотивом «языческих собак», «псов Ада» в символическом, в чем-то пророческом сне принцессы Тарса, который она видит перед тем, как притворится принявшей веру султана-жениха (ст. 421–432; здесь и далее перевод мой. — В.С.):

& als sche fel on slepe pore
 Her pouzt þer stode hir bifore
 An hundred houndes blake,
 & bark on hir, lasse & more.
 & on þer was þat greued hir sore,
 Oway þat wald hir take;
 & sche no durst him nouzt smite
 For drede þat he wald hir bite,
 Swiche maistri he gan to make.
 & as sche wald fram hem fle,
 Sche seye þer stond deuelen þre,
 & ich brent as a drake.

И только уснула она,
 Как видит: стоит, как стена,
 Пред ней сотня черных собак,
 Все лают, но есть там одна,
 Что готова напасть, и она
 Своим видом страшит её так.
 И принцессе во сне невмочь
 Отогнать эту бестию прочь,
 Настолько зол этот враг.
 Она б отступила назад,
 Но три дьявола там стоят,
 Как драконом горящий драк.

Символические значения деталей сна весьма прозрачны. Огромная стая черных собак — окружающие ее в Дамасе сарацины. Особо опасный пес — ее жених, истово верящий в бога Магона. Появление пса с белыми бровями, превращающегося в рыцаря в белых одеждах, Христова воина, — это обращение в христианство ее будущего мужа, превращение из гонителя в ревнителя ее собственной веры. Три дьявола напоминают о трехликом Сатане в Дантовом Аду, но прежде всего их Нечестивая Троица — это изображение опасностей языческого многобожия. В следующей строфе за процитированной они показаны с глефами — но таким же оружием будут вооружены пять языческих королей, которые выедут в финале сражаться против ее отца и ее будущего мужа.

В сюжете «Короля Тарса» определенно есть зеркальная симметрия, и осью такой симметрии оказывается рождение бесформенной плоти вместо ребенка. Относительно этой оси зеркально расположены два **обращения** — ложное обращение в магометанство принцессы и настоящее обращение в христианство султана. И так же зеркально расположены две войны султана — в начале он губитель христиан короля Тарса, в конце бок о бок с ним успешно бьется за веру христианскую, не жалея себя. Только эпизод со сном из этой системы зеркально-симметрических отношений выпадает. Зато он является указателем на эти отношения: в нем с наглядностью басенной аллегории представлена сцена превращения черного языческого пса в белого Божьего человека. Это можно проследить по тому, как автор поэмы-романа описывает в симметрических ситуациях импульсивного султана. Вот султан как дикий зверь реагирует на полученный от короля Тарса отказ отдать ему в жены принцессу (ст. 97–108):

*When þe soudan þis wordes herd,
 Also a wilde bore he ferd;
 His robe he rent adoun,
 His here he rent of heued & berd.
 He schuld venge him wiþ his swerd,
 He swore bi seyn Mahoun.
 þe table so heteliche he smot
 It fel into þe flore fot-hot,
 & [he] loked as a lyoun.
 Al þat he rauzt he smot doun rizt:
 Seriaunt, squier, clerk & kniȝt,
 Воþе еrl & барoun.*

*Услышал те речи султан —
 Взъярился, как дикий кабан,
 И вот нанесён урон
 Одежде, браде и власам;
 Мнит клинком отомстить врагам
 Пред святым, чье имя Магон.
 Саданув по столу кулаком,
 Так что стол полетел кувыркром,
 Словно лев, выглядел он.
 Всех отравила наземь рука —
 Ниц повержены сквайр и слуга,
 Клирик, рыцарь, граф и барон.*

А вот он же неистовствует вслед за тем, как осознал бесполезность своих молитв о помощи, обращенных к языческим идолам (ст. 649–660):

*He hent a staf wiþ grete hete,
 & stirt anon his godes to bete,
 & drouz hem alle adoun.
 & leyd on til he gan to swete,
 & zaf hem strokes gode & gret
 Воþе louine & Plotoun.
 & alderbest he bete afin
 Iubiter & Apolin,
 & brac hem arm & croun.
 & Teruagaunt, þat was her broþer,
 He no lete neuer a lime wiþ oper,
 No of his god Mahoun.*

*Тут посох султан свой воздел,
 Ведь гнев им большой овладел,
 И в гневе крушить начал он
 Подобья божественных тел,
 И свергнул их ниц, и вспотел,
 Но всё бил. Вот разбит Плутон,
 А он бьет, и уже всё вокруг
 В осколках голов и рук.
 Вот рассыпался Аполлион,
 Вот Юпитер, а вот и их брат
 Тернагант... Но сильней во сто крат
 Султаном бит бог Магон.*

Заметно, что два описания действий разъяренного султана построены по одной схеме, предполагающей завершение в виде перечислительного ряда: если султан на пороге обращения свергает наземь кумиров, то султан-«языческая собака» сбивает наземь живых людей, он опасен даже для собственных подданных и более того — для самого себя, словно в буйстве заступает за грань разумного.

Закономерно, что «новый» султан уже не описывается в анималистических терминах. Но изначальную родовую буйность нрава султан при этом не утрачивает. На это обратила внимание Лаура Хиббард-Лумис: «The Sultan is at once the haughty suitor who offers the choice between himself and death to the heroine and the typical Saracen of mediaeval fiction. He flies into ungovernable rages, smashes tables, and, when his prayers remain unanswered, beats the images of his gods» («Султан одновременно

но является надменным женихом, который предлагает героине выбор между собой и смертью, и типичным сарацином художественной литературы Средневековья. Он впадает в неудержимую ярость, крушит столы и, когда его молитвы остаются без ответа, бьет изображения своих богов') [Hibbard, 1963, p. 47].

Ложное обращение принцессы в веру своего жениха не сопровождается описанием физических, телесных перемен. Они происходят с ней спустя три месяца после свадьбы, когда она осознает себя беременной: в тексте прямо говорится, что «ее внешний вид изменился», что она стала выглядеть «радостной и восторженной». Но это не физические перемены лица, а физиогномические изменения. Напротив, в случае с султаном настоящее обращение порождает эффект, проявившийся в том, что изменилось именно тело, в частности лицо. Оно, вероятно, стало красивым, поскольку чистым. В тексте используется формула „*clere wipouten blame*“ (‘чистый без греха’), демонстрирующая характер символического знака: в смысле метафорическом султан стал стонником чистой веры, оставив темное и грубое язычество; в смысле автологическом его лицо перестало быть звериным. Вот эта кульминационная сцена романа, призванная укрепить веру читателей-англичан явленным чудом (ст. 925–936):

*þe Cristen prest hiȝt Cleophas;
He cleped þe soudan of Damas
After his owne name.
His hide, þat blac & lopely was,
Al white bicom, þurth Godes gras,
& clere wipouten blame.
& when þe soudan seye þat siȝt
þan leued he wele on God almȝt;
His care went to game.
& when þe prest hadde alle yseyd,
& haly water on him leyd,
To chaumber þai went ysame.*

*Служитель Христа тем же часом
Султана крестил «Клеофасом»,
Ведь так прозывался сам.
Тот мерзким был и черномазым,
Но стал Божьей милостью сразу
Лицом бел и люб глазами.
Султан, узрев измененья,
Оставил в Боге сомненья,
Возрадовался чудесам —
И прежде, чем перед женою
Предстать, окроплен был водою
Святою, угодною Небесам.*

Не собственно из текста этой поэмы, но изо всего контекста изображений сарацин европейскими авторами Высокого Средневековья следует, что их действительно воспринимали как диких зверей, если описывали их заскорузлую темную кожу (практически шкуру), заросшую подобием жесткой щетины. Так, близкую к осевому событию сюжета «Короля Тарса» историю рассказал монах-бенедиктинец

Томас Уолсингем в исторической хронике «*Historia Anglicana*», приписав события к 1299 г.: «*Frater hujus Regis Tartarorum ex filia Regis Armeniae genuit filium hispidium et pilosum*» ('Брат нынешнего короля Тартарии и дочь короля Армении родили груболицего и мохнатого сына') [Walsingham, 1863, p. 77]. Конечно, и в этом случае последовало волшебное крещение, после которого лицо ребенка стало чистым и красивым, а его отец вместе с большей частью своего рода обратился к христианству. Подобный сюжет обнаруживается и во «*Flores Historiarum*» Матвея Парижского [Metlitzki, 1977, p. 137]. Начиная с 1300 г., как в свое время отметила Лиллиан Хорнштейн, «the story, <...> the marriage of a Tartar khan and an Armenian princess, was very popular, versions appearing in Italian and German chronicles and in a number of Latin MSS in England, France, Germany, and Spain» ('история <...> о браке татарского хана и армянской принцессы была очень популярна, версии появлялись в итальянских и германских хрониках и во множестве рукописей на латыни в Англии, Франции, Германии и Испании') [Hornstein, 1940, p. 355].

Впрочем, в скором времени сама исследовательница ушла очень далеко от художественных историй к истории реальной — и, кажется, это был отход от истины. Поскольку упомянутый брак татарского мусульманина и армянской христианки приходился на 1299 г., у нее возникло искушение связать данный сюжет с важнейшим для истории Леванта событием того же года — сокрушительным разгромом войска мамлюков египетского султана в долине Эль-Хазнадар (под сирийским Хомсом), который осуществили союзнические силы монгольского правителя Персии Газан-хана и армянского царя Хетума II. После отвоеванного у султана Хомса Газан-хан (его-то и называли в европейских хрониках того времени «королем Тартарии») на волне успеха в начале 1300 г. отвоевал у него и Дамаск, но очень скоро был вынужден отступить в Персию, и мамлюки спустя несколько месяцев без боев возвратили Дамаск себе.

Возможно, кооперация христиан с правителем Тартарии в борьбе с общим врагом напоминала о финальном отрезке сюжета поэмы — кооперации короля Тарса с султаном Дамаса. И Хорнштейн предположила, что название **Tars** есть сокращение имени народа **Tartars**, и, вспомнив, что **Tars** связывали с городами **Tarsus** (это позднее название того же Тарса) и даже **Tauris** (иранский Тебриз), заявила, что, так или иначе, обоими городами в определенные периоды владели Tartars, следовательно, вымышленный король Тарса в одноименном романе — это властитель Тартарии Газан-хан [Hornstein, 1941, pp. 405–406].

Но ильхан Персии родился в буддистской семье и в 1295 г. был обращен, но не в христианство, а в ислам. А его младший брат и следующий персидский ильхан Олджейту, мать которого была христианкой, тогда же был обращен в ислам вместе с ним.

В целом попытки монголов наладить дипломатические отношения с европейцами для борьбы с мамлюками были временно необходимым тактическим ходом в военно-политической игре. Поэтому едва ли есть основания видеть в фигуре короля Тарса аллюзию на верховного хана персидской Тартарии. Все-таки поэма-роман воспекает победу христианской религии, а Тарс, кроме того, что долго был столицей Киликийской Армении, наполненной православными армянами и греками, а также некоторыми осевшими на землях Передней Азии западноевропейскими участниками Крестовых походов (с 1340-х гг. власть в Киликии перейдет к уже правящему Кипром пуатевинскому роду Лузиньянов), был городом, культурно значимым как для западной, так и для восточной ветви христианства. Во-первых, это был город Нового Завета: одним из трех волхвов, явившихся к Иосифу и Марии, был Каспар, молодой король Тарса; здесь же родился апостол Павел. Во-вторых, город был связан с деятельными христианками-мученицами: здесь родилась святая Пелагия, и здесь как раз при жизни Газан-хана хранились мощи святой Феклы. А потому Тарс поэмы — это такой же Тарс киликийский, как Дамас — это сирийский Дамаск под властью султана Египта.

Но едва ли анонимный создатель памятника ставил перед собой задачу придерживаться реальной исторической канвы. В некотором смысле Тарс — это христианский город вообще, просто из числа старых христианских столичных городов он ближе других находился к ближневосточному театру военных действий разных народов, верований, культур. Связанные с этим театром дипломатические, торговые, культурные действия также оказывались в определенном смысле действиями военными, поэтому и такие сочинения, как «Король Тарса», были духоподъемной агитацией, ориентированной на будущую борьбу с «языческими собаками» и лицемерно потворствующей ксенофобии религиозных читателей. Недаром обращение или истребление сарацин обрамлено в поэме благостными упоминаниями: в начале — **милой** Марии, в финале — **милого** лика Иисуса. А места фабульных протагониста и антагониста заняли принцесса, „*as white as feþer of swan*“ (‘белая, как лебединое перо’), и султан, ее звероподобный и до поры черный супруг.

Библиографический список

Calkin S.B. Marking Religion on the Body: Saracens, Categorization, and «The King of Tars» // *The Journal of English and Germanic Philology*. Vol. 104. № 2. 2005.

Czarnowus A. “Stille as ston”: Oriental deformity in «The King of Tars» // *Studia Anglica Posnaniensia*. Vol. 44. 2008.

Geist R.J. On the Genesis of «The King of Tars» // *The Journal of English and Germanic Philology*. Vol. 42. № 2. 1943.

Hibbard L.A. *Mediaeval Romance in England: A Study of the Sources and Analogues of the Non-cyclic Metrical Romances*. N.Y., 1963.

Hornstein L.H. Trivet’s Constance and the King of Tars // *Modern Language Notes*. Vol. 55. № 5. 1940.

Hornstein L.H. The Historical Background of the King of Tars // *Speculum*. Vol. 16. № 4. 1941.

Metlitzki D. *The Matter of Araby in Medieval England*. London, 1977.

Peck R.A. *Number as Cosmic Language // Essays in the Numerical Criticism of Medieval Literature*. Lewisburg, 1980.

Shipley J.T. *Dictionary of Word Origins*. 2nd ed. N.Y., 1945.

Strickland D.H. *Saracens, demons, and Jews: Making monsters in Medieval art*. Oxford, 2003.

Whitaker C.J. Black Metaphors in the King of Tars // *The Journal of English and Germanic Philology*. Vol. 112. № 2. 2013.

Список источников

Perryman J., ed. *The King of Tars: Edited from the Auchinleck Manuscript, Advocates 19.2.1*. Middle English Texts 12. Heidelberg, 1980.

Walsingham Thomæ. *Historia Anglicana*. Vol. I: A.D. 1272-1381. London, 1863.

References

Calkin S.B. Marking Religion on the Body: Saracens, Categorization, and “The King of Tars”. *The Journal of English and Germanic Philology*. 2005. Vol. 104. No. 2.

Czarnowus A. “Stille as ston”: Oriental deformity in “The King of Tars”. *Studia Anglica Posnaniensia*. 2008. Vol. 44.

Geist R.J. On the Genesis of “The King of Tars”. *The Journal of English and Germanic Philology*. 1943. Vol. 42. No. 2.

Hibbard L.A. *Mediaeval Romance in England: A Study of the Sources and Analogues of the Non-cyclic Metrical Romances*. New York, 1963.

Hornstein L.H. Trivet's Constance and the King of Tars. *Modern Language Notes*. 1940. Vol. 55. No. 5.

Hornstein L.H. The Historical Background of the King of Tars. *Speculum*. 1941. Vol. 16. No. 4.

Metlitzki D. *The Matter of Araby in Medieval England*. London, 1977.

Peck R.A. Number as Cosmic Language. *Essays in the Numerical Criticism of Medieval Literature*. Lewisburg, 1980.

Shipley J.T. *Dictionary of Word Origins*. 2nd ed. New York, 1945.

Strickland, D.H. *Saracens, demons, and Jews: Making monsters in Medieval art*. Oxford, 2003.

Whitaker C.J. Black Metaphors in the King of Tars. *The Journal of English and Germanic Philology*. 2013. Vol. 112. No. 2.

List of Sources

Perryman J., ed. *The King of Tars: Edited from the Auchinleck Manuscript, Advocates 19.2.1*. Middle English Texts 12. Heidelberg, 1980.

Walsingham Thomæ. *Historia Anglicana. Vol. I: A.D. 1272-1381*. London, 1863.

ТВОРЧЕСТВО Р. ВАГНЕРА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЦЕПЦИИ Б. ПОПЛАВСКОГО

Е.В. Тырышкина, Г.М. Маматов

Ключевые слова: Б. Поплавский, литература русского зарубежья, Р. Вагнер, опера, Gesamtkunstwerk.

Keywords: B. Poplavsky, literature of Russian émigré, R. Wagner, opera, Gesamtkunstwerk.

DOI 10.14258/filichel(2023)4-07

Введение

В художественном мире Б. Поплавского центральное значение обретает тема музыки. Нельзя не согласиться с мыслью А.И. Чагина, отмечавшего, что «...музыка присутствует у Поплавского ... на всех уровнях сотворения поэтического мира, пронизывая его на всю глубину, во многом определяя сам принцип его создания. Поэтическое слово было тогда у Поплавского сродни ноте или аккорду в симфонии» [Чагин, 2008]. Неудивительно, что поэт так часто обращается к фигурам великих композиторов XVIII–XX вв., упоминая в своей поэзии, прозе и эссеистике И.С. Баха, В.А. Моцарта, Л. ван Бетховена, Ф. Шуберта, Р. Шумана, М.П. Мусоргского, А.Н. Скрябина, В.С. Калинникова и др. Одним из наиболее важных для Поплавского музыкантов был немецкий композитор Рихард Вагнер, во многих произведениях поэта обнаруживаются аллюзии на его оперы.

Фигура немецкого композитора и реформатора оперы являлась культовой в эпоху модерна. Младшие современники Р. Вагнера вдохновлялись его новаторским искусством, это связано с мистической символикой его опер, в основу сюжета которых были положены средневековый эпос, волшебные сказки («Тристан и Изольда», «Феи») и стилизованная под фольклор проза романтиков (основой либретто «Тангейзера» стали новеллы «Верный Эккарт и Тангейзер» Л. Тика и «Состязание певцов» Э. Гофмана). Д. Элгарт пишет о «синкретизме образов», ставшем источником «их амбивалентности, который обуславливает их успех в декадентских кругах и у символистов» [Elgart, 2014, p. 77].

Мифопоэтика вагнеровской музыки оказала влияние как на европейских, так и на русских писателей и философов, происходит осмысление вагнеровской концепции искусства, в частности, его идеи

о Gesamtkunstwerk¹. Толчком для вагнеризма оказался французский модерн, наследником которого стал русский символизм. Поплавский чувствовал связь Вагнера с французской культурой. Обратимся к фрагменту из романа «Аполлон Безобразов»: «Боже мой, как пронзали мне сердце старые довоенные вальсы из немецких опереток, под которые я так тосковал гимназистом на бульварах и катках, совершенно одинокий, слабый, плохо одетый, лишенный знакомых. Вся душа довоенной Европы в последний раз сияла в них вместе с отзвуками Вагнера и Дебюсси и призраками Метерлинка, Дрейфуса, Жореса и Сары Бернар. Воистину, ничего, ничего не осталось от этого мира, развратного и нежного, дурманящего и горького, как абсент» (Борис Поплавский. 2009. Т. 2. С. 171). Вагнер упомянут вместе с поэтами, политическими деятелями, музыкантами и актерами рубежа веков, большая часть из которых связана с культурой Франции. Для рассказчика его фигура связана с погибающим старым миром, декадентством и мистицизмом. Особенный интерес представляет упоминание и Клода Дебюсси, композитора-импрессиониста, отрицавшего величие Вагнера: «Вагнер ... был прекрасным закатом солнца, который приняли за утреннюю зарю» [Дебюсси, 1969, с. 58]. В одном ряду оказываются противоположные по своей эстетике композиторы разных эпох (немецкий романтизм и французский импрессионизм). Вагнер, как и Дебюсси, — символ старой эпохи². Воспоминания Дебюсси о Вагнере вызваны записью опереточных вальсов, воспроизводимой механическим роялем, эта музыка объединяет современность рассказчика с близкой его духу эпохой, сгоревшей в пожаре Первой мировой войны. Вагнер воспринимается через призму сложившейся во французском символизме традиции как родоначальник декадентского искусства, так как весь процитированный отрывок наполнен

¹ Во Франции существовали издания, посвященные Вагнеру: «8 февраля 1885 года появился в свет первый номер "Revue Wagnérienne", возглавляемый редактором Эдуардом Дюжарденом. Это издание явилось катализатором уже возникшего интереса к фигуре Р. Вагнера, кроме этого, на его страницах обсуждались различные вопросы, связанные с эстетикой декаданса. Можно сказать, что "Revue Wagnérienne" представлял собой переход от декадентского мышления П. Верлена к символизму С. Малларме» [Максимова, 2015, с. 104]. Подробно об этом пишет М. Ариас-Вихиль [Ариас-Вихиль, 2011, с. 197].

² В данном случае возникает характерный для поэта мотив конца западной цивилизации, который восходит и к идеям о fin du siècle, и к трактату Д.С. Мережковского «Атлантида-Европа», которому он посвятит рецензию «По поводу "Атлантиды-Европы"». Тема апокалипсиса западного мира возникает и в его лирике («Жалость к Европе»).

типичной для этой культуры эротической и алкогольной образностью. Герой отдыхает в итальянском замке у Лаго-ди-Гардо на южном предгорье Альп. Это пространство отсылает и к позднему романтизму: неудивительно, что эпиграфом к XII главе, куда входит данный фрагмент, стали строчки из рассказа Э.А. По «Морелла»: *«Это был прекрасный день для сынов земли и жизни, но еще более прекрасный для дочерей смерти и неба»* (Борис Поплавский. 2009. Т. 2. С. 165), и к операм самого Вагнера, где действие часто развивается на фоне средневековых замков и мистических пейзажей. Вагнер воспринимается как представитель культуры романтизма и декадентства и в то же время как творец, создавший в своих операх старинный, идеализированный мир средневековой Европы.

В русской поэзии XIX–XX вв. сложился свой миф о Вагнере под воздействием французского модерна: «Вагнерианство русских символистов, унаследованное им, вместе с другими родовыми чертами этого течения от символизма французского, было, разумеется, явлением куда более глубоким, чем мода» [Кац, 1994, с. 135]. Унаследованная у французов тематика приобрела совершенно иные очертания, в Серебряном веке «вагнеровский миф кажется ставшим, завершенным» [Гервер, 2001, с. 34–35]. Вагнер воспринимался как создатель мистерии, близкой античному греческому театру, чему посвящено немало трудов литературоведов [Рицци, 1993, с. 117–136; Bartlett, 1995; Зусева-Озкан, 2021, с. 15–27], музыковедов и искусствоведов [Волощенко, 2006; Залеская, 2013]. В русской поэзии композитор неизменно предстает как создатель грандиозных опер с воинственными персонажами на фоне суровых лесных пейзажей: «Дракон» (Владимир Соловьев. 1974. С. 137), «Валькирия (мотив из Вагнера)» (Александр Блок. Т. 1. С. 349–350), «Поединок» (Андрей Белый. 1997. С. 84), «Тангейзер» (Максимилиан Волошин. 2003. Т. 1. С. 18) и др.³

Особой проблемой является осмысление места Вагнера в творчестве эмигрантов, ставших наследниками модернистов, в частности, в творчестве Б. Поплавского, на которого музыка и эстетика автора «Фауста» повлияла особенно сильно. Данная тема наиболее глубоко рассмотрена О. Кочетковой, изучавшей сюжет о Тангейзере как вариацию мифа об Орфее в Аду [Кочеткова, 2009, с. 533–535; 2010, с. 11–18]. Упоминания вагнеровских опер у поэта довольно многочисленны и представляют существенный научный интерес.

³ Подробнее об этом пишет Б. Кац в процитированной статье.

Реминисценции к музыкальным произведениям Р. Вагнера в творчестве Б. Поплавского

Впервые аллюзия на творения Вагнера⁴ появляется в миниатюре «Золотая луна всплыла на пруде»: «Золотая луна всплыла на пруде / Труба запела о Страшном суде / Труба палила с пяти часов / Происходила гибель богов» (Борис Поплавский. Т. 1. 2009. С. 99). Сюжет об Апокалипсисе инверсирован в произведении. Труба Апокалипсиса — это оружие, уничтожающее богов, а Страшный Суд происходит над Судиями. Образ трубы амбивалентен, это и труба Апокалипсиса, и инструмент духового оркестра⁵: «Они попадали под выстрел трубы / Они покидали свои столы / Где пьяная скука ела с ножа / Мимо пристани медленно шла баржа» (Борис Поплавский. Т. 1. 2009. С. 99). Поэт цитирует название оперы «Гибель богов», заключительную часть тетралогии «Кольцо нибелунга». В ее финале мстящая за гибель Зигфрида Брунгильда сжигает богов, пирующих в Валгалле. В «Götterdämmerung» мотив огня имеет центральное место. Валькирия вырывает из рук вассала горящую головню и кричит воронам: «Домой летите, вороны, вы с вестью о том, что слышали вы здесь. Час богов уже наступил. Я бросаю огонь в Валгаллы светлый чертог» [Саймон, Майкапар, 1998]. Действие этой сцены разворачивается в двух пространствах: в небесном царстве и на берегу Рейна. В миниатюре лирический сюжет также разветвляется в двух мирах: на пиру богов и на судне, тонущем в море: «Они танцевали кружась и встречаясь / Под пение скрипок и крики чаек / С крейсера-призрака выстрел сверкал / Он провожал нас в глуби зеркал» (Борис Поплавский. Т. 1. С. 99). Смерть воспринята как уход в зазеркалье, в мир вечных отражений. Сила, убивающая богов, — музыка, это нарушает традицию, так как символисты видели в симфонизме Вагнера сакральную силу искусства, объединяющую человечество в грандиозном хороводе.

Большая часть обнаруженных вагнеровских сюжетов у поэта является вариациями мифа об Орфее в Аиде. В стихотворении «Серафита I» упомянуто название оперы «Тангейзер и состязание певцов в Варт-

⁴ Помимо опер Вагнера в лирике Поплавского встречаются реминисценции к другим произведениям этого жанра. В миниатюре «Смейся паяц над разбитой любовью» первый стих дословно цитирует строку арии Канио в опере «Паяцы» Р. Леонковалло, которую герой слышит на грампластинке, что отсылает к первым записям этой арии, сделанным Э. Карузо. Выражаем благодарность Н.О. Ласкиной за эту информацию.

⁵ В оркестровке Вагнера, в том числе и в этой сцене, важна группа духовых, которая состоит из туб, рожков, тромбонов, валторн и труб, специально сконструированных для многих опер композитора.

бурге»: *«Ты глаза закрывала и в страшную даль уходила. / В граммофоне Тангейзер напрасно о смерти кричал. / Ты была далеко, Ты быть может на небо всходила, / Мир сиял пред тобою как утренний снег и молчал»* (Борис Поплавский. 2009. Т. 1. С. 223). О. Кочеткова полагает, что Тангейзер — двойник Орфея, спускающийся в Ад за Эвридикой [Кочеткова, 2009, с. 534]. Уход в темную даль равнозначен поиску девы, что повторяется в сюжете о Тангейзере, ищущем Елизавету [Кочеткова, 2009, с. 534].

Герой слушает оперу в граммофонной записи. Граммофон в мерне представлялся особой медиальной сферой, соединяющей прошлое-настоящее (мир певца и мир слушателя музыки), это особый «инструмент», ассоциирующийся с мифами о Персефоне и об Орфее: «Комбинация смерти и рождения отсылает к аграрной стороне мифа о Персефоне, где смерть богини (зерна) осенью является условием возрождения жизни весной» [Ямпольский, 2014]. Музыка граммофона в «Серафите I» становится символом единства времен, миров, двойников героя (Орфей — Тангейзер), стремящегося к обретению Серафиты — Елизаветы — Эвридики, Вечной Женственности, но идеал и для Орфея, и для Тангейзера — несбыточная греза. Сюда вписывается и наблюдение А. Лиштанберже, анализировавшего образ Венеры в «Тангейзере»: «Та Венера, которую он воспеваает, не есть только богиня расслабляющего и унижающего сладострастия; она также — источник всякой радости на земле, всякой красоты, — всего того, что делает жизнь светлой и привлекательной; без нее этот мир был бы только пустыней» [Лиштанберже, 1997, с. 119]. Венера существует на горе, т.е. в возвышенном мире, куда и стремится Тангейзер⁶.

Контаминация овидиевского и вагнеровского сюжетов очевидна и в романе «Домой с небес», где, как доказывает И. Назаренко, Орфей — Олег, а Эвридика — его возлюбленные Таня и Катя. Специфика мифа в романе заключается в том, что Олег — Орфей с помощью Эвридики, в которой ему важно не платоническое воплощение любви, а плотское, сбегает от Бога на землю. Символистская идея об Орфее как о творце, ищущем любовь и возрождение, разрушена [Назаренко, 2020, с. 99-100]. Рассмотрим эпизод третьей главы, где упомянута опера «Лоэнгрин», свадебный марш из которой напевает Олег: *«В ту ночь, полную звёзд, полную тяжёлого запаха хвои, среди тёплых, во тьме не позабывших солнца камней, они впервые поссорились, и Олег, оторвавшись от Тани, в непродолжительном безумии храбрости ушёл*

⁶ В 1920–1930-е гг. в Европе были сделаны граммофонные записи арий из «Тангейзера» в исполнении М. Баттистини.

блуждать по берегу в зловещем свете поздно вставшей ущербной луны, повторяя про себя любимые грубые фразы свадебного марша “Лоэнгрин”» (Борис Поплавский. 2009. Т. 2. С. 268). Свадебный марш является самой знаменитой симфонической частью оперы. Но трагизм судьбы Олега соотносится и с жизнью Рыцаря-Лебедя. Лоэнгрин — один из рыцарей Круглого Стола, нашедший Святой Грааль — золотой кубок, из которого испил Иисус Христос на Тайной Вечере, и куда была собрана Его кровь после распятия [Кэмпбелл, 2019]. Собственно, для Вагнера и в «Лоэнгрине», и в финальной опере «Парсифаль» Священный кубок имеет именно христианское значение [Лиштанберже, 1997, с. 428].

Связь героя с рыцарями Грааля близка мифу об Орфее. В опере рыцарь, обретя волшебную чашу, теряет свою истинную любовь, Эльзу, которая заставляет его раскрыть свою личность. Он нарушает обет Святого Грааля, как и Орфей, нарушающий запрет в Царстве Аида, из-за чего Лоэнгрин покидает деву, которая погибает от горя. Изначально Лоэнгрин — это духовный идеал: «Рыцарь Грааля — это представитель абсолюта, — бытие, пришедшее к сознанию самого себя и вселенной» [Лиштанберже, 1997, с. 144]. Олег не обретает любовь и вынужден уйти и из мира земного, и из небесного, как Лоэнгрин, оставивший Эльзу: «Нет, Аполлон, ни неба, ни земли, а великая нищета, полная тишина абсолютной ночи... Помнишь Saint Jean de la Croix. Тёмною ночью, о счастье, о радость, никем не замеченная душа вышла из дому, о счастье, о радость, навстречу своему жениху» (Борис Поплавский. 2009. Т. 2. С. 430).

В книге стихов «Флаги» контаминация граального и орфического сюжетов возникает в стихотворении «Под землю»⁷, где один из подтекстов — вагнеровские оперы о Чаше. Миниатюра написана в форме баллады, путник, нашедший Святой Грааль, спешит к таинственному храму, чтобы принести кубок, издающий прекрасное пение, притягивающее лесных зверей:

*И все было глухо и тягостно в чаше.
Над всем были снежные толици и годьы,
Лишь музыка тихо сияла из Чаши
Неслышимым и розовым светом свободы.*

⁷ Сюжет о поиске Святого Грааля в поэзии Поплавского частотен и соотносится с мифом о нахождении Эвридики Орфеем («Нездесьный рыцарь на коне»), Христа («Розы Грааля»), небесной девы («Романс»), утерянной музыки Рая («Отдаленная музыка неба», «В зимний день на небе неподвижном»).

*И плакали волки. А мёртвый был кроток
Исполнив заветы Святого Грааля
И только жалел что оставил кого-то
В подземной часовне за чёрным роялем*
(Борис Поплавский. 2009. Т. 1. С. 192).

Очевидны переключки с «Парсифалем», где исполнение заветов Грааля дарует рыцарю Парсифалю искупление грехов, духовную целостность. Путник в стихотворении также счастлив от исполнения заветов Святого Грааля, заплатив за священную музыку Чаши своей жизнью.

Аллюзии к «Лоэнгрину» возникают в «Мистическом рондо II», где образ мертвой Эльзы знаменует невозможность гармоничного существования ни на земле, ни на небе: «*На высокой ярко-красной башне / Ангел пел, / А в зелёном небе, детям страшном, / Чёрный дирижабль летел*» (Борис Поплавский. 2009. Т. 1. С. 192)⁸. Спасением для героя остается таинственный берег Леты, символизирующей небытие, мрак смерти, где существует прекрасная Эльза — Эвридика. К Лоэнгрину отсылает и венчание: свадебный марш напеваает Олег:

*Тихо солнце ехало по рельсам
Раскалённым.
С башни ангел пел о мёртвой Эльзе
Голосом отдалённым...*

*О прекрасной смерти в час победы,
В час венчанья,
О венчанье с солнцем мёртвой Эды,
О молчанье*

*И насквозь был виден замок снежный
В сердце лета
И огромный пляж на побережье
Леты...*

(Борис Поплавский. 2009. Т. 2. С. 192).

⁸ Зеленый цвет в творчестве Поплавского соотносится с мотивами болезни, лихорадки, смерти и безумия («Зеленый ужас», «Роза смерти», «Dolorosa», «Священная луна в душе», «Ты говорила: гибель мне грозит»).

Возможно, что и упоминание Эды вплетается в фольклорный контекст оперы, поэт искажает название германо-скандинавского памятника «Старшая Эдда», чьи саги послужили основой либретто «Золота Рейна» и «Зигфрида»⁹.

Рассмотрим следующий фрагмент из «Аполлона Безобразова», где возникает анти-реминисценция: *«Всё началось с “Вальса роз” Вагнера, и в то время, как нестройный шум музыки увеличивался, солнце, давно прошедшее над нашей головой, стало клониться к закату, и скоро розоватый горячий вечерний свет ярко осветил белые и декоративные купола курзала»* (Борис Поплавский. 2009. Т. 2. С. 212). Однако Вагнер не написал сочинения с таким названием¹⁰. Возможно, поэт имел в виду вальс И. Штрауса «Розы с юга», который играли в парках и курзалах. Розы у Поплавского неизменно связаны с темами праздника, смерти и с пространством вокзала:

*Розов вечер, розы носит ветер.
На полях поэт рисунок чертит.
Розов вечер, розы пахнут смертью
И зелёный снег идет на ветви.*

<...>

*Корабли отходят в небе звёздном,
На мосту платками машут духи,
И, сверкая через тёмный воздух,
Паровоз поёт на виадуке.*

(Борис Поплавский. 2009. Т. 1. Роза смерти. С. 184).

Концепция творчества Б. Поплавского и Gesamtkunstwerk Р. Вагнера

В своей статье «О субстанциональности личности», размышляя о композиторах немецкого романтизма, среди которых поэт называет Вагнера, Поплавский отмечает, что немецкая и австрийская классическая музыка есть порождение идеализма. Одним из принципов идеализма является стремление к целостности различных элементов вселенной: «Весь немецкий идеализм явственно пронизан буддийскими настроениями, отсюда его спокойное величие и его музыкальность,

⁹ В первой части диптиха «Мистическое рондо I» упомянут Овидий: «Может быть, в тебе живёт Овидий...», что вновь подчеркивает близость орфического и вагнеровского сюжетов.

¹⁰ Вагнер почти не писал вальсов, исключением являются фортепианные пьесы («Цюрихский вальс обожания» ми-бемоль мажор).

потому что музыка, на мой взгляд, есть раньше всего аспект связи частей в целом, аспект тайной власти целого над частями, а также аспект вечного схематического повторения всего» (Борис Поплавский. 1938. С. 63). Музыка задает вечное и постоянно повторяющееся циклическое движение мировых процессов, являясь первоосновой сущего, силой, способствующей метафизическому единению в бытии, из-за чего «супериндивидуалистические народы, “истинные демократы”, как голландцы, шведы, англичане, французы, не создали большой музыки» (там же).

Рассмотрим подробнее следующую сентенцию: «Немецкий идеализм лежит в основании немецкой музыки, по счету, в сущности, второй <...>. Вторая музыка есть музыка смерти или небытия, сквозящего сквозь половую оптимистическую песенную стихию, и это есть Моцарт, Бетховен, Шуберт, Шуман, Вагнер» (Борис Поплавский. 1938. С. 64). Идеализм германоязычных композиторов соотносится, прежде всего, с их верой в величие музыки, в ее объединяющую силу. Эти убеждения разделяли и русские символлисты. Упоминание Вагнера и Бетховена в данном случае чрезвычайно важно, так как именно оперы Вагнера и Хоральную симфонию Бетховена Вяч. Иванов и А. Белый выделяли как образцы теургической и соборной музыки.

Вагнер был идеалистом, что уже вписывается в концепцию Поплавского. Композитор полагал, что творение искусства — сила, объединяющая людей: «В этом произведении искусства народ — это живое воплощение необходимости, наш великий избавитель и благодетель — предстанет как целое; в этом произведении искусства мы все объединимся: носители необходимости, познавшие бессознательное, позволившие произвольное, свидетельствующие о природе — счастливые люди» [Вагнер, 1978, с. 150]. Воплощение этого искусства, названного *Gesamtkunstwerk*, — опера, «благородный союз», где «каждый вид искусства снова стал самим собой, и между пируэтом и либретто музыка снова располагает собой по своему усмотрению» [Вагнер, 1978, с. 212]. Музыка — первооснова, сфера, где остальные искусства начинают развитие, стремление к пределу: «Оркестр, однако, как бы одновременно замыкает сценическое окружение актера, расширяя неисчерпаемую природную стихию до столь же неисчерпаемой стихии художественного человеческого чувства» [Вагнер, 1978, с. 243].

Объединяющая мощь творчества рассматривалась Вяч. Ивановым («Вагнер и дионисово действо»), А. Белым («Формы искусства»), А. Бло-

ком («Искусство и Революция»)¹¹. В статье «Предчувствия и предвестия. Новая органическая эпоха и театр будущего» Вяч. Иванова искусство видится как стихия, создающая мифы, тяготеющая «к типу большого, всенародного искусства» [Иванов, Т. 2, 1979, с. 89]. Эпоха мифотворчества, о которой пишет Вагнер, по Иванову, наступит лишь тогда, когда *творцы-келейники* переступят через стремление к индивидуализации и музыка, театр и поэзия объединятся «в синтетическом искусстве всенародного действия и хоровой драмы». Опираясь на концепцию хорового дифирамба, Иванов делает вывод: «В этом дифирамбе все динамично: каждый участник литургического кругового хора — действенная молекула оргийной жизни Дионисова тела, его религиозной общины» [Иванов, Т. 2, 1979, с. 93–94]. В этом единстве видится Иванову театр будущего, где каждый человек, будь то актер или зритель, — участник всеобщего хора, что близко социалистическим взглядам Вагнера: «Толпа зрителей должна слиться в хоровое тело, подобное мистической общине стародавних “оргий” и “мистерий”» [Иванов, Т. 2, 1979, с. 94]. Говоря об античных оргиях, Иванов отмечает, что именно участники единого действия, где каждый играл свою роль, стремились к трансцендентному откровению, единению с богами и обретению катарсиса. Хор — символ всемирной соборности: «И только тогда, прибавим, осуществится действительная политическая свобода, когда хоровой голос таких общин будет подлинным референдумом истинной воли народной» [Иванов, Т. 2, 1979, с. 102].

Проблема хора становится для Иванова наиболее значимой в эстетических трудах, посвященных «духу музыки». Он пишет о слиянии дионисийского и аполлонического, опираясь на Вагнера: «Теоретик-Вагнер уже прозревал дионисийскую стихию возрождающейся Трагедии, уже называл Дионисово имя» [Иванов, Т. 2, 1979, с. 82]. Иванов вводит понятие Симфонии, которое совмещено с символом хора.

¹¹ Для символистов Вагнер важен и метафизической философией музыки как явления запредельного: «В этой симфонии инструменты говорят на языке, которого не знала еще ни одна эпоха, ибо чисто музыкальная вплоть до поразительно разнообразных нюансов выразительность захватывает слушателя на протяжении доселе неслыханной длительности, трогает его душу с силой, недоступной никакому другому искусству; в своем разнообразии она являет ему столь свободную и смелую закономерность, что мощь ее заведомо превосходит для нас всякую логику, хотя законов логики в ней нет и в помине; <...>. Поэтому симфония должна представляться нам в самом точном смысле откровением другого мира; на самом деле она раскрывает перед нами сцепление явлений мира, совершенно отличное от обычного логического сцепления, из чего прежде всего бесспорно явствует одно: эта связь напрашивается со всепобеждающей убедительностью и столь властно направляет наши чувства, что приводит в замешательство и полностью обезоруживает логический разум» [Вагнер, 1978, с. 514–515].

Оркестр — созидатель энергии, которая вводит всех в экстаз, заставляя слиться с музыкой. Хор — символ единства народов: «Если всенародное искусство хочет быть и теургическим, оно должно иметь орган хорového слова» [Иванов, Т. 2, 1979, с. 82].

Как у Иванова, у А. Белого музыка способна объединять все сущее. Это связано с внешним миром (народ, зрители, актеры, хор) и с внутренним содержанием мелодии, которая соединяет чистым движением сущее: «Музыкальный мотив объединяет разнообразные картины аналогичного настроения; он заключает в себе как бы экстракт из всего того, что значительно в этих картинах» [Белый, 1994, с. 136].

Наиболее мощно тема музыки как духа объединения развита в эстетике Блока. Музыка — поток, несущий обновление, она подобна ветру, чьим воплощением является Революция, она связывается с братством народов, и необходимо «слушать ту великую музыку будущего, звуками которой наполнен воздух, и не выискивать отдельных визгливых и фальшивых нот в величавом реве и звоне мирового оркестра» (Александр Блок. Т. 6. С. 19). Дух музыки есть энергия разрушения, изменения, преображения. Вагнеровские идеи соотношены с эпохой перемен. Символом этой дионисийской музыки становится Мировой Оркестр, что отличается от идей Белого и Иванова, для которых таковым являются симфония, хор: «“Мировой оркестр” у Блока символизирует такое соотношение личного и всеобщего, которое предполагает “нераздельность и неслиянность” этих начал. ... Такое соотношение личного и всеобщего не означает пассивного растворения личности в общем ходе мировой жизни и не снимает отчуждения автоматически» [Магомедова, 1997, с. 101].

Идеи Вагнера у Блока также связаны с социальным фоном, в центре его концепции — народ как общее тело, и поэт, который должен стремиться стать частью этого тела. Противопоставление солиста оркестру восходит к пифагорейству: «Он прибегает к традиционной топике мировой гармонии, противопоставляя “голос одного”, музыку “оторванной” души “звездного” интеллигента и “мировую музыку”» [Блюмбаум, 2015, с. 8-9]. Если у других символистов важно произведение, то Блок акцентирует внимание на исполнителе в единстве с душами народа, создающими вечную метаморфозу.

Идеалистическое воззрение Вагнера, столь важное в мировидении символистов, у Поплавского несколько изменено. Для него важен индивидуализм. Он отмечает, что гармония строится на хаотическом равновесии, где нет ничего устойчивого. Пример такого имперсонализма — французская музыка эпохи декаданса, чьи творцы «чувстви-

тельны к просвечиванию имперсонального небытия сквозь жизнь». Они смогли объединить полноту бытия со своей личностью, соединиться с трансцендентом искусства. Такими творцами стали К. Сен-Санс, К. Дебюсси, М. Равель. Единение с космосом, растворение в нем, — фактор, с точки зрения монпарнасца, определяющий: «... музыка, на мой скромный взгляд, по существу, песня о целом, и, следственно, персональное в ней “мистически ощущается”, ибо гипертрофия личности есть раздробление, расчленение, глубокое сокрытие “тени целого”» (Борис Поплавский. 1996. С. 63–64). Личность творца не просто растворяется в музыкальном целом всего сущего, но и просвечивает сквозь него своим индивидуальным звуком.

Рассмотрим следующую сентенцию: «Ни целое, ни части не музыкальны в себе, ибо они и не диалектичны, а музыкально лишь рождение и гибель частей на фоне целого и, следственно, временность и феноменальность всего индивидуального на фоне Абсолюта, но временность, не естественно, а трагически поглощаемая Абсолютом, трагически, в великой меланхолии своей особенной и вечно попираемой ценности» (Борис Поплавский. 1996. С. 64). Части мира не находятся в гармоничной взаимосвязи, они — «пища», вкушаемая Абсолютом, трансцендентной силой, создающей и убивающей время, которое и образует вселенную и ее части. Музыка связывается со временем, ибо объединение частей в этой цельности делает их наделенными феноменальной сущностью. Все элементы бытия находятся в постоянном потоке времени-музыки, чье движение ведет к смерти.

Понимание музыки поэтом выбивается из вагнерианско-симболистского контекста. Музыка синонимична понятию времени как некоего чистого движения, которое, согласно феноменологии, представляет собой вечно движущееся течение, чьи части, подобно тактам сменяют друг друга¹². Э. Гуссерль отмечает: «Когда, например, звучит мелодия, то отдельный тон не исчезает полностью вместе с прекращением вызвавшего его стимула и, соответственно, возбуждения нерва. Когда звучит новый тон, прошедший не исчезает бесследно, в противном случае мы не могли бы ведь заметить отношение последовательных тонов,

¹² Идея о музыке-времени характерна и для Ш. Бодлера, но он, согласно Лаку-Лабарту, опирается на платоновский анамнезис, припоминание души сферы идей: «Каждый — или, по крайней мере, почти каждый — раз при появлении мотива анамнеза музыка под влиянием, может стать, Нерваля (на самом же деле со времен Руссо это — заметный инвариант современной литературы) оказывалась ежелью не напрямую исходным импульсом или двигателем анамнеза, то все же основной стихией воспоминания и навеваемой им “картины”. Как будто музыка всегда была связана с экстазом переусвоения» [Лаку-Лабарт, 1999, с. 50].

мы имели бы в каждый момент один тон, и тогда в промежутке до появления второго тона — незаполненную паузу, однако никогда не имели бы представления мелодии» [Гуссерль, 1994, т. 1, с. 13–14]. Последующий тон (нота) не мыслится без предыдущего, так и время целостно лишь при скреплении фрагментов, которые существуют в сознании, при их мысленном единении. Мелодия и время живут в движении, динамика создает их целое: «К каждому данному представлению естественным образом присоединяется непрерывный ряд представлений, из которых каждое воспроизводит содержание предыдущего, однако таким образом, что оно постоянно прикрепляет к новому (представлению) момент прошлого» [Там же].

Идея о духе музыки Б. Поплавского близка именно феноменологии, — его видение музыки-времени как некоей единой вечно движущейся системы. Поэтому столь важная для символистов мировая симфония — у него смертный музыкально-временной поток. Погружение в стихию музыки дарует катарсис и обновление: «Все погружается в музыку, как бы в метель. Мир оправдывается музыкой. Хорошо умирать под музыку, сладко в музыке плакать, оставлять отчизну, опускаться на дно. Разве нужно плакать над теми, кому сладко умирать, забывать, гибнуть и опускаться, — ведь над всем этим уже отдаленный крик петуха, свисток поезда на откосе и сумрачная тревога зари. Тогда, когда уже очень больно, уже не больно вовсе, так же, когда уже очень страшно, тогда уже больше не страшно, ибо и боль и страх становятся трагическими. А трагическое начало — не величайшее ли упоение, освобождение и катарсис?» (Борис Поплавский. 1996. С. 270).

Если для Вагнера и младосимволистов звучание симфонии несет витальную энергию, соборность и бессмертие, то для Поплавского это сокрушающая стихия, где сильна эсхатологическая энергия, а потому его идея о музыке, восходя к Вагнеру, вписывается, с одной стороны, в контекст феноменологии (идея о музыке-времени), с другой стороны, в эсхатологию. Музыка Мировой Симфонии существует только благодаря смене тактов-душ, постоянному процессу смерти первого такта и рождению последующего: «Но вот существуют времена, когда это обычно до незаметности плавное и ровное течение вдруг стремительно ускоряется. Душа человека, быстро привыкающая и засыпающая в размерном движении, очень остро ощущает периоды у перемены скорости, ускорение или замедление ритма движения. Такие, например, времена есть весна в природе, революция в политике. Что острее постигает душа весной: то, что все движется, все меняется, что все изменится, что она наравне со всем остальным изменится и погибнет, вот по-

чему розы пахнут смертью и весна тайно поет о ней» (Борис Поплавский. 2009. Т. 3. С. 26).

Для Поплавского важно не только понимание музыки как вечно-настоящего, вечного момента, звучащего постоянно сменяющимися тактами, но и частые переключения темпа, уход от размеренности к быстроте, а потому музыка-время имеет влияние на природу и жизнь общества. Сущность этих мелодических потоков, их душа — чистое время, оно порождает и спокойное течение этой музыки, и бурное штормовое. И здесь символом трансцендентного звукового водопада становится Блок: «Блок, например, удачен, с которым Иванов был хорошо знаком. Следственно, это попытка описания Времени, и даже Музыки времени» (Борис Поплавский. 1996. С. 254). Поплавский вводит имя Блока как художника, сумевшего запечатлеть музыку времен: «Я стараюсь идти за Блоком вплоть до народа, до понимания каждой эпохи как части какого-то цельного музыкального развития» (Борис Поплавский. 1996. С. 255). История оказывается родственной произведению музыки, все время существования мира есть вечная мелодия, не имеющая ни начала, ни конца, в ней играют и солисты (Блок), и оркестранты: «Его жизнь была для него его личным делом с Создателем, а не делом Общим. Он виртуоз, а не идущий в хоре. В заключение я хочу сказать, что быть хористом и оркестровым музыкантом всегда кажется чем-то более плебейским, чем быть солистом, хотя и плохим» (Борис Поплавский. 1996. С. 255]. Партия оркестранта равнозначна такту в постоянной мелодии, поэтому человек в концепции музыки поэта — это такт, который также должен отдать симфонии времени и мира свое неповторимое звучание.

Заключение

Итак, в творчестве Бориса Поплавского Рихард Вагнер является значимой фигурой. Все рассмотренные нами музыкальные ре-минисценции имеют определенные коннотации в его творчестве — это и апокалиптические мотивы, и вариации орфического мифа поэта, в основе которого лежит поиск духовного идеала Вечной Женственности или Святого Грааля, который невозможно обрести. Такими вариантами мифа об Орфее и Эвридике являются сюжеты о Тангейзере и Елизавете, Лоэнгрине и Эльзе, а также сюжеты о Граале из «Лоэнгрин» и «Парсифаля». Все упоминания Вагнера у поэта не случайны, сюжеты опер подсвечивают сюжеты стихотворений и романа, а герои Вагнера оказываются и двойниками Орфея и Эвридики, и лирического героя Поплавского.

В романе «Аполлон Безобразов» музыка Вагнера оказывается отзвуком старого мира, погибшей декадентской Европы; для Поплавского важна рецепция композитора французскими символистами, видевыми Вагнера предтечей своего искусства. Поэт опирается на Вагнера и символистов в том, что касается единства всех элементов бытия в Мировой Симфонии (вагнеровская концепция *Gesamtkunstwerk*). Поплавский перенимает мысль о Мировой Симфонии и идею об объединяющей силе музыки, но в своем понимании природы этого единства он уходит от традиции. Для него слияние разнородных элементов бытия рассматривается через призму близкой ему хронологически феноменологической теории о музыке-времени, возникающей в хаосе и постоянно исчезающей в пучине некой трансцендентной силы, названной им Абсолютом. Поплавский является фигурой переходной в истории русской культуры. С одной стороны, поэт оказывается наследником идей Р. Вагнера и русских символистов, а с другой — его идеи о музыке-времени соотносятся с идеями западноевропейской философии 1920-1930-х гг. (труды Э. Гуссерля).

Библиографический список

- Ариас-Вихиль М. А. Французский символизм и русский декаданс: Иннокентий Анненский — переводчик Бодлера. М., 2011.
- Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994.
- Блюмбаум А.Б. К генезису и семантике «мирового оркестра» в творчестве Александра Блока: несколько уточнений // *Acta Slavica Iaponica*. 2015. Т. 36.
- Вагнер Р. Избранные работы. М., 1978.
- Вагнер Р. Моя жизнь. Мемуары: в 2 т. Т. 1. М., 2014.
- Волощенко А.Ю. Некоторые вокальные трудности при исполнении произведений Рихарда Вагнера // Южно-Российский музыкальный альманах. 2006. № 1.
- Гервер Л.Л. Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов (первые десятилетия XX века). М., 2001.
- Гуссерль Э. Собрание сочинений. В 3 т. Феноменология внутреннего сознания времени. М., 1994.
- Дебюсси К. Статьи, рецензии, беседы. М., 1964.
- Залеская М.К. Рихард Вагнер. Запрещенный композитор. М., 2013.
- Зусева-Озкан В.Б. Валькирический миф в творчестве Андрея Белого // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467.
- Иванов В. И. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Брюссель, 1979.

Кац Б.А. Отзвуки Вагнера в русской поэзии // Музыкальная академия. 1994. № 3 (648).

Кочеткова О.С. Миф об Орфее в творчестве поэтов «парижской ноты» (об одном сравнении в стихотворении Бориса Поплавского «Дождь») // Материалы XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М., 2009.

Кочеткова О.С. Миф об Орфее в творчестве Бориса Поплавского // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2010. № 1.

Кэмпбелл Дж. Роман о Граале. Магия и тайна мифов о Короле Артуре. СПб., 2019. URL: <https://psy.wikireading.ru/hbDoMCsLWf>

Лаку-Лабарт Ф. Musica Ficta. Фигуры Вагнера. СПб., 1999.

Лиштанберже А. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель. М., 1997.

Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве Александра Блока. М., 1997.

Максимова М.В. «Проклятые умы» конца XIX века // Вестник СВФУ им М. Е. Аммосова. 2015. Т. 12. № 1.

Назаренко И. И. «Орфей в аду»: трансформация мифа об Орфее и Эвридике в романе Б. Поплавского «Домой с небес» // Имагология и компаративистика. 2020. № 14.

Рицци Д. Рихард Вагнер в русском символизме // Серебряный век в России. Избранные страницы. М., 1993.

Саймон Г.У., Майкапар А. Сто великих опер. М., 1998. URL: <https://www.belcanto.ru/gibel.html>

Чагин А.И. Пути и лица. О русской литературе XX века. М., 2008. URL: <https://klex.ru/weq>

Ямпольский М. Подземный патефон (Об одном мотиве в поэзии Марии Степановой) // Новое литературное обозрение. 2014. № 130. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/130-2014/26191-podzemnyypatefon-ob-odnom-motive-v-poezii-marii-stepanovoy.html>

Bartlett R. Wagner and Russia. Cambridge, 1995.

Elgart J. Symbolisme et figures mythiques et légendaires: une vision européenne (Stéphane Mallarmé, William Butter Yeats et Stefan George). Toulouse, 2014.

Список источников

Белый А. Собрание стихотворений. М., 1997.

Блок А. Собрание сочинений. В 8 т. М., 1960–1962.

Волошин М. Собрание сочинений. В 13 т. М., 2003–2015.

Поплавский Б.Ю. Из дневников 1928–1935. Париж, 1938.

Поплавский Б.Ю. Неизданное. М., 1996.

Поплавский Б.Ю. Орфей в Аду. М., 2009.

Поплавский Б.Ю. Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 1: Стихотворения / вступ. ст. Е. Менегальдо; подгот. текста, коммент. А. Богословского, Е. Менегальдо. М., 2009.

Поплавский Б.Ю. Собрание сочинений. В 3-х тт. Т. 2: Аполлон Безобразов. Домой с небес / вступ. ст. Е. Менегальдо; подгот. текста, коммент. А. Богословского, Е. Менегальдо. М., 2009.

Поплавский Б.Ю. Собрание сочинений. В 3-х тт. Романы. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма / вступ. ст. Е. Менегальдо; подгот. текста, коммент. А. Богословского, Е. Менегальдо. М., 2009.

Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974.

References

Arias-Vixil` M.A. *Francuzskij simvolizm i russkij dekadans: Innokentij Annenskij — perevodchik Bodlera*. [French symbolism and Russian decadence: I. Annensky — the translator of Boder]. Moscow, 2011.

Bely`j A. *Simvolizm kak miroponimanie*. [Symbolism as worldview]. Moscow, 1994.

Blyumbaum A.B. *K genezisu i semantike «mirovogo orkestra» v tvorchestve Aleksandra Bloka: neskol'ko utochnenij*. [To genesis and semantic of the “World Orchestra” in the Alexander Block’s oeuvre: a few clarifications]. In: *Acta Slavica Iaponica*. T. 36. 2015.

Wagner R. *Izbranny`e raboty*. [Selected works]. Moscow, 1978.

Wagner R. *Moya zhizn. Memuary*. [My life. Memoirs]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 2014. URL: https://royallib.com/book/wagner_rihard/moya_gizn_tom_i.html

Voloshhenko A.Yu. *Nekotory`e vokal`ny`e trudnosti pri ispolnenii proizvedenij Rixarda Vagnera*. [Some vocal difficulties in performance of Richard Wagner]. In: *Yuzhno-Rossiyskiy muzykal`nyy al`manakh*. [South Russian Music almanac]. 2006. No. 1.

Gerger L.L. *Muzyka i muzykal`naya mifologiya v tvorchestve russkih poetov (pervee desyatiletija XX veka)*. [Music and musical mythology in oeuvre of Russian poets (firsts decennaries of XX century)]. Moscow, 2001 p.

Gusserl` E. *Sobranije sochinenij*. [Complete works.]. In 3 vols. Moscow, 1994.

Debussy C. *Stat`i, recenzii, besedy*. [Papers, reviews, dialogs]. Moscow, 1964.

Zalesskaya M.K. *Rikhard Vagner. Zapreshhyonny`j kompozitor*. [Richard Wagner. Forbidden composer]. Moscow, 2013.

Zuseva-Ozkan V.B. *Val`kiricheskij mif v tvorchestve Andreya Belogo*. [Valkyrie’s myth in the oeuvre of Andrei Bely]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Tomsk State University]. 2021. No. 467.

- Ivanov V.I. *Sobranie sochinenij*. [Complete works]. In 4 vols. Bryussel, 1979.
- Kacz B.A. *Otvzuki Vagnera v russskoj poezii*. [Echoes of Wagner in Russian poetry]. In: *Muzykal'naya akademiya*. [Music Academy]. 1994. No. 3 (648).
- Kochetkova O.S. *Mif ob Orfee v tvorcestve poe'tov «parizhskoj noty» (ob odnom sravnenii v stikhotvorenii Borisa Poplavskogo «Dozhd'»)*. [Myth of Orpheus in Hell in the oeuvre of poets of the "Parisian note" (about one comparison in the Boris Poplavsky's poem "Rain")]. In: *Materialy XVI Mezhdunarodnoj konferencii studentov, aspirantov i molody'kh uchenykh «Lomonosov»*. [Materials of the XVI International Conference of Students, Postgraduate Students and Young Scientists "Lomonosov"]. Moscow, 2009.
- Kochetkova O.S. *Mif ob Orfee v tvorcestve Borisa Poplavskogo*. [Orpheus myth in creativity of Boris Poplavsky]. In: *Vestnik RUDN*. [Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University]. 2010. No. 1.
- Kempbell Dzh. *Roman o Graale. Magiya i tajna mifov o Korole Arture* [Roman of Grail. The magic and the secret of myths about King Arthur]. St.Petersburg, 2019. URL: <https://psy.wikireading.ru/hbDoMCsLWf>
- Laku-Labart F. *Musica Ficta. Figury Vagnera*. [Musica Ficta. Figures of Wagner]. St. Petersburg, 1999.
- Lishtanberzhe A. *Rikhard Vagner kak poet i myslitel*. [Richard Wagner as the poet and the philosopher]. Moscow, 1997.
- Magomedova D.M. *Avtobiograficheskij mif v tvorcestve Aleksandra Bloka*. [Autobiography myth in Alexander Block's art]. Moscow, 1997.
- Maksimova M.V. *«Proklyaty'e umy» koncza XIX veka*. ["Damn minds" of the end of XIX century]. In: *Vestnik SVFU im. M. K. Ammosova*. [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after. M.K. Amosova]. 2015. Vol. 12. No. 1.
- Nazarenko I.I. *«Orfej v adu»: transformaciya mifa ob Orfee i Evridike v romane B. Poplavskogo «Domoj s nebes»*. ["Orpheus in hell": transformation of myth of Orpheus and Eurydice in B. Poplavsky's novell "Homeward from heaven"]. In: *Imagologiya i komparativistika*. [Imagology and comparative studies]. 2020. No. 14.
- Riczci D. *Rikhard Vagner v russkom simvolizme* [Richard Wagner in Russian symbolism]. In: *Serebryany'jvek v Rossii. Izbranny'e stranicy*. [Silver Age in Russia. Featured Pages]. Moscow, 1993.
- Sajmon G.U., Majkapar A. *Sto velikikh oper*. [Hundred greats operas]. Moscow, 1998. URL:
- Chagin A.I. *Puti i licza. O russskoj literature XX veka*. [Ways and faces. About Russian literature of XX century]. Moscow, 2008. URL: <https://klex.ru/weq>
- Yampolskij M. *Podzemnyj patefon. (Ob odnom motive v poezii Marii Stepanovoj)*. [Underground gramophone. (About one motif in the poetry of

Maria Stepanova)]. In: *Novoje literaturnoje obozrenije*. [New Literary Review.]. 2014. No. 130. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/130-2014/26191-podzemnyypatefon-ob-odnom-motive-v-poezii-marii-stepanovoy.html>

Bartlett R. *Wagner and Russia*. Cambridge, 1995.

Elgart J. *Symbolisme et figures mythiques et légendaires: une vision européenne (Stéphane Mallarmé, William Butter Yeats et Stefan George)*. Toulouse, 2014.

List of Sources

Bely A. *Sobranie stikhotvorenij*. [Complete poems]. Moscow, 1997.

Blok A. *Sobranije sochinenij*. [Complete works]. In 8 vols. Moscow, 1960-1962.

Voloshin M. *Sobranije sochinenij*. [Complete works]. In 13 vols. Moscow, 2003-2015.

Poplavskij B.Yu. *Iz dnevnikov 1928-1935*. [From diaries of 1928-1935 years]. Paris, 1938.

Poplavskij B.Yu. *Neizdannoe*. [Unpublished]. Moscow, 1996.

Poplavskij B.Yu. *Orfej v Adu*. [Orpheus in Hell]. Moscow, 2009.

Poplavsky B.Yu. *Sobranije sochinenij*. [Collected works]. In 3 vols. T. 1: Poems. Moscow, 2009.

Poplavsky B.Yu. *Sobranije sochinenij*. [Collected works]. In 3 vols. T. 2: Apollo Bezobrazov. Home from Heaven. Moscow, 2009.

Poplavsky B.Yu. *Sobranije sochinenij*. [Collected works]. In 3 vols. Novels. T. 3: Articles. Diaries. Letters. Moscow, 2009.

Solovyov V.S. *Stikhotvoreniya i shutochny'e p'esy*. [Poems and humoristic plays]. Leningrad, 1974.

СТИХОТВОРЕНИЕ КАК ТЕКСТ И КАК ПЕСНЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИКИ И. БРОДСКОГО 70-Х И 80-Х ГОДОВ)

А.С. Шманотина

Ключевые слова: И. Бродский, тема поэта и поэзии, поэт и толпа, язык, текст, песня.

Keywords: J. Brodsky, the theme of the poet and poetry, the poet and the crowd, language, text, song.

DOI 10.14258/filichel(2023)4-08

Изучение тенденций современной российской поэзии приводит к выводу о постоянно усиливающейся роли звуковой составляющей в структуре стиха, где «аллитерационное, недиегетическое сплетение образов ... гораздо крепче диегетических и грамматических связей, но именно благодаря этому сцеплению они возможны в принципе. Именно изначально ладовая (бессознательная) структура позволяет обнаружить „звукоряд“ реальности» [Горелов, 2020, с. 190]. Разумеется, данная тенденция возникла не на пустом месте, но во многом подготавливалась традицией стихотворства XX в., которая, в свою очередь, должна стать предметом серьезного изучения. И здесь нельзя пройти мимо лирики Иосифа Бродского, ставшей предметом данной статьи.

В ранней лирике Бродского поэт представлен прежде всего как личность говорящая, а не пишущая. Поэзия — это звучащее слово, песня, главный инструмент поэта — голос, горло, дудка. Такое изображение процесса поэтического творчества отсылает к древнейшим, изначально формам существования словесного искусства, лирики, которая, по мнению А.Н. Веселовского, вышла из хора, к первичной устной поэтической традиции с бытующими в ней разными типами певцов (барды, скальды, аэды, рапсоды и др.), когда текст исполнялся под аккомпанемент, подобно песне [Мелетинский, 1983, с. 25]. Представление о поэте как о певце также является обращением к классической традиции, к поэзии XVIII-XIX в., где поэт изображался традиционно именно как певец, древний сказитель. Кроме того, такой взгляд связан и с биографией Бродского: он много выступал, декламировал свои стихи, так что его произведения действительно были озвучены.

В 70-е и 80-е гг. в лирике Бродского наряду с образом поэзии как слова звучащего появляется и образ текста — лингвистические терми-

ны, связанные с письмом (кириллица, буква, запятые, шрифт), атрибуты письма (перо, бумага, лист), изображается сама ситуация письма. А. Корчинский проводит границу между этими двумя формами воплощения поэтического слова: «Однако высказывание „я пою“ и даже „я говорю“ неотчуждаемы от субъекта, как его собственный слух от его же голоса, они представляют собой идеальную форму знака, где означающее само открывает путь к означаемому, им же и являясь. „Миметизм“ высказывания „я пишу“ иной: оно апеллирует к специальной ситуации, являющейся „частным случаем“ ситуации „я говорю“, выносящей речь за пределы субъекта, когда восприятие этой речи может быть отсрочено во времени. Если же мыслить совсем формально, то, в отличие от „я говорю“, „я пишу“ приобретает смысл только постфактум — после того, как само действие, само письмо уже стало прошлым» [Корчинский, 2003, с. 59]. Таким образом, Корчинский подчеркивает временную разницу между устной и письменной формами презентации поэтического текста, противопоставленными как события настоящего и прошлого. Исследователь отмечает важность отчуждения между субъектом и объектом речи, в большей степени достигаемого в письменном тексте, анализирует стихотворения Бродского и приходит к выводу, что именно через изображение ситуации письма реализуется идея отстранения от самого себя, столь значимая для философии Бродского. Однако внимание Корчинского сосредоточено именно на «событии письма» в лирике поэта. В данной статье нам представляется необходимым сопоставить ситуации «я пишу» и «я говорю / пою» в поэзии Бродского 70-х и 80-х гг., более подробно изучить основания для их противопоставления и то, с какими идеями связывается у Бродского воплощение слова в устной и письменной форме.

В стихотворении «Посвящение» (1987) поэтическое слово представлено в письменной форме — то, что «из-под *пера* стремится» (Иосиф Бродский. 1998. С. 15), в его устремленности к адресату, о чем свидетельствует даже название произведения. Лирический герой, обращаясь к некоторому абстрактному читателю, утверждает: «*Ты для меня не существуешь*» (Там же). Этот тезис обусловлен самой природой письменного текста, предполагающей пространственную и временную дистанцию между пишущим и воспринимающим. Для поэта читатель оказывается абстракцией, пустотой, понятием без его материального воплощения: это «*все или никто*» (Там же). На первый план в письменной коммуникации выходит текст, и для читателя также он заменяет собой поэта: «*я / в глазах твоих — кириллица, названья...*» (Там же). Именно текст является основанием для установления отношений между адреса-

том и адресантом. Коммуникация, осуществляемая посредством письменного текста, участниками которой становятся уже не два конкретных человека, но две абстрактных, умозрительных категории, — есть коммуникация, протекающая в иной, не эмпирической реальности — в реальности текстовой. Такая коммуникация оказывается прочнее, чем общение непосредственное, обеспечивает большую степень понимания:

*Но сходство двух систем небытия
сильнее, чем двух форм существования* (с. 15).

Между поэтом, написавшим стихотворение, и адресатом, его прочитавшим, не существует больше никаких отношений, кроме текстовых; для них нет общего пространства и времени, в котором бы могли столкнуться их интересы, и это делает общение честнее: «безадресная искренность» языка в таком диалоге «взаимна» (Там же). Таким образом, уход из эмпирической реальности в текстовую оказывается способом разрешения традиционного конфликта поэта и толпы, так часто изображаемого в ранней лирике Бродского [Шмакотина, 2021, с. 262–275]. Об этой особенности философии Бродского упоминал М. Липовецкий, называя анонимность и отчуждение «парадоксальной и универсальной формой связи между лирическим героем и другими людьми, в пределе — всем миром» [Липовецкий, 2001, с. 229].

А.М. Ранчин находит в этих строках мотив «отчуждения поэта от читателя и от собственного текста» и автономности поэтических произведений от их создателя [Ранчин, 2001, с. 23]. Действительно, внимание читателя смещается с автора на сообщение, а также на код, язык, на котором общение осуществляется. В таком диалоге главную роль играет язык как система письма (*кириллица*), и, более того, язык здесь становится не только кодом, инструментом письма, но и субъектом — так, поэзия оказывается «искренностью» самого языка, самой системы письма. Однако лирический герой отчуждается не только от созданного им текста, но и от самого себя как от реальной биографической личности, живущей в конкретной эмпирической реальности, как бы разделяясь надвое и находя второе Я в текстовом эквиваленте. На это указывает метонимия в его обращении к читателю: «*Листай меня*» (Иосиф Бродский. 1998. С. 15).

В случае, когда поэзия реализуется в письменной форме, эмпирическая реальность теряет свою значимость не только в ситуации диалога между автором и читателем, но еще до начала этого диалога, в самый момент творчества:

*Ни ты, читатель, ни ультрамарин
за шторой, ни коричневая мебель,
ни сдача с лучшей пачки балерин,
ни лампы хищно вывернутый стебель
— как уголь, данный шахтой на-гора,
и железнодорожное крушение —
к тому, что у меня из-под **пера**
стремится, не имеет отношенья* (с. 15).

Эта мысль отсылает нас к стихотворению «Строфы» (1978), где процесс письма для лирического героя становится способом ухода, «бегства» от враждебной ему действительности в идеальную, текстовую реальность — в область словесности, языка:

*Право, чем гуще **россыпь**
черного на листе,
тем безразличней особь
к прошлому, к пустоте
в будущем. Их соседство,
мало суля добра,
лишь ускоряет бегство
по бумаге пера* (с. 384).

Текстовая реальность, поэзия для лирического героя — убежище от горестных воспоминаний прошлого и от страха смерти, от «пустоты в будущем». Однако и здесь, как в случае с «искренностью языка», сам язык и сфера словесности снова выходят на первый план и приобретают определяющее значение. Идеальная, языковая реальность обретает способность управлять реальностью эмпирической, а первоосновой бытия оказываются языковые элементы:

*Знаешь, все, кто далече¹,
по ком голосит тоска, —
жертвы законов **речи,**
запятых, языка* (с. 383).

¹ Как известно, в романе «Евгений Онегин» фраза «а те далече» указывает на декабристов, находящихся в ссылке, поэтому в этой аллюзии к Пушкину можно усмотреть намек на биографию самого Бродского, на необходимость покинуть родную страну и пребывание в эмиграции. Следовательно, эти строфы могут быть прочитаны не только в философском, но в биографическом, и в политическом ключе: тексты становятся причиной неуютности автора действующей власти.

Лирический герой, занимаясь словесностью, осмысляет себя как часть языковой реальности, а не объективного мира:

*Как **тридцать третья буква,**
я пячусь всю жизнь вперед* (с. 383).

Судьба лирического героя подчинена «законам речи», логике языка. «Я» — не только буква, но и личное местоимение первого лица, следовательно, в этом сравнении содержится идея об индивидуальности поэта и поэтического творчества, столь значимая для Бродского². Графическое начертание последней буквы алфавита определило способ движения лирического героя по жизни как оксюморон «*пятиться ... вперед*» — идти спиной вперед, вслепую, испытывая трудности, как бы отступая под натиском других букв. Трагизм как свойство бытия, таким образом, заключен уже в его первооснове — языке, который объемлет и подчиняет себе эмпирическую реальность:

*Дорогая, несчастных
нет! Нет мертвых, живых.
Все — только пир **согласных**
на их ножках кривых* (с. 384).

Язык наделяется не только онтологическими, но и аксиологическими свойствами — это также и ценностная основа мира:

*...но мы живы, покамест
есть прощенье и **шрифт*** (с. 386).

Однако в стихотворении «Строфы» словесное творчество представлено не только как письмо, но и как говорение:

*Жухлая незабудка
мозга кривит мой **рот*** (с. 383).

Эти строки обнажают связь поэзии с идеей памяти: «мозг» поэта назван ее воплощением — «*незабудкой*». Кроме того, здесь также обозначена существенная роль биографии поэта, его чувств и переживаний

² «Инобытность, несовпадение с миром, „инородность“ по отношению ко всему, что бы то ни было — это не поза. ... Это — естественная для поэта, но неестественная для других, — реакция на внешний мир» [Келебай, 2000, с. 12].

в творческом процессе. Поэтическое произведение определяется одновременно и личностью поэта, и самим языком, живет на грани эмпирической и языковой реальности — как связующее звено между ними:

*Тем верней удивит
обитателей завтра
разведенная смесь
сильных чувств динозавра
и кириллицы смесь (с. 387).*

Исследователи характеризуют мировоззрение Бродского как лингвоцентрическое [Ахапкин, 1998, с. 228-238], отмечают, что язык для Бродского становится универсальной категорией, приобретает статус «божественности или даже надбожественности» [Верхейл, 1998, с. 37]. Истинную, онтологическую, реальность Бродский обнаруживает именно в языке, представляющем «как структура осуществления гармонизации мира» [Зельцер, 2005, с. 124-125]. Мир у Бродского рассматривается как текст, алфавит — как «модель универсума», жизнь человека — как «письмо, фраза, часть речи» [Липовецкий, 2001, с. 230].

Но уподобленный тексту мир не всегда равен ему. Создав модель мира, в которой высшее, божественное положение занимает язык, Бродский тем самым изобразил мир двойственным, включающим в себя две реальности: собственно эмпирическую и языковую, текстовую. При этом поэт, как и любой другой человек, пребывает, прежде всего, в эмпирической действительности, но, работая со словом, он проецирует себя в текст, обращается в «кириллицу» и получает доступ к реальности языковой. Неслучайно Д. Ахапкин отмечает, что «поэт состоит не только из плотной ткани (органов), но и бесплотной (языка)» [Ахапкин, 1998, с.231].

Идеальное же пространство языка неоднородно, оно имеет область, которую можно считать сферой языкового абсолюта:

*У языка есть полюс,
где белизна сквозит
сквозь эльзевир; где голос
флага не водрузит (с. 383).*

Достижение этого абсолюта, области чистого («белизна») языка возможно только для идеальной, текстовой проекции поэта, когда он явлен в качестве одной из «систем небытия», он сам — книга, шрифт, «эль-

зефир». Однако человеческая, материальная природа поэта имеет выражение в его голосе — и в этой своей материальной ипостаси он уже не может переместиться в идеальное пространство языка. Звук — явление, существующее исключительно в эмпирической реальности, тишина — свойство небытия.

Так, в стихотворении «1972 год» противопоставление бытия и небытия реализуется через оппозицию ‘звучание — молчание’. Небытие есть тишина, старение — приближение к небытию — постепенное привыкание к отсутствию звуков:

*... старение есть отрастание органа
слуха, рассчитанного на молчание* (И. Бродский. 2003. С. 163).

Поэзия здесь представлена как слово звучащее — «звук», «песня», «крик»; инструмент, рождающий звук — «дудка», «гортань», «горло»:

И горло поет о возрасте...
...
*Данная песня — не вопль отчаянья.
Это — следствие одичания.
Это — точнее — первый крик молчания...*
...
*И пространству впору я
звук извлекал, дую в дудку полую...* (с. 162).

Пространство для Бродского есть категория, «которая включает в себя как географические территории, так и весь вещный мир вообще» [Крепс, 1984], следовательно, звук здесь представлен как свойство эмпирической действительности, живого мира. «Звук ... пространству в пору» свидетельствует о силе и мощи голоса лирического героя, а также говорит о том, что поэтическое произведение как нечто сотворенное по своему масштабу равно миру.

Стихотворение, определенное с помощью оксюморона «крик молчания», является озвученным выражением страха смерти, ужаса грядущего небытия с его тишиной. Как слово звучащее, т.е. существующее в эмпирической реальности, оно адресовано живым людям, связанным с лирическим героем разного рода отношениями, а не просто некоторому абстрактному читателю — одной из «систем небытия»:

... слушай, дружина, враги и братие! (с. 162).

В стихотворении «Сидя в тени» (1983) поэтическое слово также представлено в устной форме:

*Эта **песнь** без конца
есть результат родства,
серенада отца,
есть **ария** меньшинства,
петая сумме тел,
в просторечьи — толпе,
наводнившей партер
под занавес и т.п. (И. Бродский. 1998. С. 259).*

Ситуация восприятия поэтического творчества слушателями изображена здесь в романтическом ключе — поэту как человеку особенному, исключительному, как представителю интеллектуальной элиты («меньшинство») необходимо развлекать толпу, лишённую индивидуального начала и духовности («сумма тел»). В стихотворении традиционное решение проблемы общения поэта с аудиторией сопряжено также и с проблемой взаимоотношения поколений. Лирический герой принадлежит старому поколению. Его потомки представляются морально ущербными людьми, утратившими нравственные ориентиры:

*Жилистый сорванец
...
из рогатки в саду
целясь по воробью,
не думает — «попаду»,
но непременно — «убью» (с. 258).*

Для нас же в данной статье важно то, что адресат поэтического слова здесь — новое поколение, не живущее где-то в отдалённом будущем, а идущее вслед за поколением лирического героя («серенада отца»), существующее с ним в одной действительности («дети, бегающие в саду»). Снова поэтический текст как слово произнесенное звучит в эмпирической действительности, в живом мире.

Проблема коммуникации между поэтом и адресатом обозначена также в более позднем стихотворении «Жизнь в рассеянном свете» (1987), где поэтическое произведение представлено в качестве слова звучащего («песня»):

... но никто, жилку надув на шее,
не подхватит **мотивчик** ваш. Ни ценитель,
ни нормальная публика (с. 19).

Лирический герой выносит свое творчество как из контекста массовой литературы, которую читает «нормальная публика» — большинство, так и из контекста литературы элитарной — предназначенной для «ценителей», вследствие чего оказывается в изоляции от аудитории. Тема поэзии здесь соединяется с темой изгнанничества, одиночества, и снова изображается романтический конфликт между поэтом и толпой. Причиной, по которой поэтические произведения лирического героя оказываются невостребованными аудиторией, становится пребывание поэта в той же действительности, что и адресат. Можно предположить, что в этом случае отношения между ними строятся как взаимодействие между реальными людьми в реальном мире, и это вызывает трудности. Если же поэт исключает себя из эмпирической реальности — проецирует себя в плоскость языка, становясь для читателя книгой, шрифтом, «системой небытия», или умирает, уходит в небытие, то его творчество принимается адресатом. Поэтому:

... чем слышнее куплет,
тем бесплотнее исполнитель (с. 19).

Итак, сама по себе способность к звучанию присуща лишь объектам материального мира, поэзия как слово звучащее существует только в эмпирической действительности, говорение направлено в реальный мир, населенный реальными людьми. Процесс же написания стихотворения допускает, но не предполагает озвучивание текста, ситуация письма характеризуется отсутствием звуков:

*Перо скрипит в тишине,
в которой есть нечто посмертное,
обратное танцам в клубе,
настолько она оглушительна* (И. Бродский. 2008. С. 55).

Тишина есть свойство небытия, поэтому в сознании лирического героя процесс письма сопрягается с представлением о молчании смерти. Возможность же писать, творить в тишине, приближаясь таким образом к пространству небытия, как бы воссоздавая его образ в живом, реальном мире, становится «бесстрашием в миниатюре», бесстрашием в принятии собственной конечности.

В том же стихотворении («Примечания папоротника») звучание обозначено как свойство земного мира, в котором каждый объект имеет свой собственный голос, не важно, тихий, еле слышный, или звонкий:

*... сродни строке
«не забывай меня» шепчет пыль руке
с тряпкой, и мокрая тряпка вбирает шепот пыли (с. 55).*

Желание произнести слово рождается из осознания собственной смертности и становится попыткой не исчезнуть бесследно, сохранить себя в памяти живущих. Перед тем, как покинуть живой мир, пыль просят о том, чтобы о ней помнили — «не забывай меня», и стихотворение также выражает стремление поэта остаться в сознании людей. Негромкое звучание стихотворной строки, возможно, обусловлено все тем же — «чем слышнее куплет, тем бесплотнее исполнитель» — поэту при жизни трудно получить признание.

Бродский конструирует вертикаль звуков живого мира, используя образы живой природы. Голос лирического героя вписывается в нее и занимает там срединное положение:

*Внемлите же этим словам,
как **пению** червяка,
а не как музыке сфер,
рассчитанной на века;
глуше птичкиной песни,
оно звончей, чем щучья
песня (И. Бродский. 1998. С. 19).*

В оппозиции, лежащей в основе данной вертикали, понятие «музыка сфер, рассчитанная на века», вероятно, отсылает нас к представлениям философов античности о музыкально-математическом устройстве космоса, о существовании вечной, небесной гармонии, выражающейся в звучании звезд и планет, высшего искусства. Противопоставленное ей «пение червяка» называет искусство невечное, творимое человеком, простым смертным.

В следующей оппозиции — «птичкина песня» — песня лирического героя — «щучья песня» — под «птичкиной песней» подразумевается, возможно, та же вечная, трансцендентная музыка. А.М. Ранчин обнаруживает в этих строках вариацию романтического «мотива недо-

рия к языку как к средству коммуникации»: предпочтение невербальных языков (в число которых входит и музыка), более способных к выражению тайных и глубоких смыслов, того, что можно назвать неизречимым [Ранчин, 2001, с. 226]. В лирике Бродского образ птицы считается «способом и одним из вариантов самоидентификации» [Баландина, 2021, с. 126], поэтому словосочетание «птичкина песня» вполне может быть прочтено как перифраза, обозначающая песню поэта, т.е. стихотворение или поэзию в целом. Однако здесь стихи лирического героя не тождественны «птичкиной песне», они звучат «глуше». В более раннем тексте Бродского «Похож на голос головной убор», где поэзия также представлена в качестве слова звучащего — «голос», мощный «горловой напор», «речь», образ птицы связан с такими идеями, как «окрыленность» поэтической речи, ее возвышенность, ее способность устремляться в эмпирию и распространяться, звучать в мире:

*Придет весна, зазеленеет глаз.
И с криком птицы в облаках воскреснут.
И жадно клювы в окончанья фраз
они вонзят и в небесах исчезнут* (И. Бродский. 1994. С. 8).

Существующие обособленно, независимо от своего творца, слова также неизменно покидают того, кто их произнес:

*А повторить еще разок-другой
«кругом снега» и не достать рукой
до этих слов... (там же)*

Это дает стихам возможность преодолевать пространства, возвышаться над землей, над «шнурками» ботинок, над идеей земного передвижения, противопоставляя возможности ходить способность летать, окрыленность, устремленность в высшие сферы, в небо.

Аллюзия к Пушкину в данном стихотворении указывает на силу поэтического дарования и избранничество лирического героя:

*Коснулся губ моих открытый клюв,
и слаще я не знаю поцелуя* (там же).

Так, образ птицы неизменно связан с мыслью о качестве поэтического творчества, причастности поэзии сфере высшего, трансцендентного. В стихотворении «Примечания папоротника», к которому мы обра-

щались чуть ранее, этот образ встречается еще до упоминания «птичкиной песни»:

*Перо скрипит в тишине,
в которой есть нечто посмертное, обратное танцам в клубе,
настолько она оглушительна; некий антиобстрел.
Впрочем, все это значит просто, что постарел,
что червяк устал извиваться в клюве (И. Бродский. 2008. С. 55).*

В последней фразе можно разглядеть метафору поэтической речи. «Червяк» и далее — «пение червяка», — возможно, означают собственно земную, человеческую составляющую поэзии и поэта, слова, речь и язык (как орган, участвующий в артикуляции); «клюв» птицы — то, что делает поэзию не только земной, но и небесной, высшей сущностью. В данном случае причиной того, что «червяк устал извиваться в клюве», а стихи лирического героя — просто «пение червяка», которое «глуше птичкиной песни», является его старение, приближение к смерти. Вероятно, поэтому в качестве способа создания поэтического текста он и выбирает письмо.

Итак, в лирике Бродского 70-х и 80-х гг. поэзия как слово письменное становится не просто текстом, но альтернативной текстовой реальностью, противопоставленной реальности эмпирической. Ситуация «я пишу» предполагает не просто отстранение от самого себя, но и создание второго Я путем проецирования себя в пространство текста, которое служит укрытием от горестей материального мира и позволяет устранить конфликт между поэтом и аудиторией, возникающий в случае их встречи в реальной действительности в конкретном биографическом воплощении. Адресатом поэтического текста оказывается некий абстрактный читатель. Эмпирическая реальность в системе ценностей Бродского предстает менее значимой, чем текстовая, более того, она подчинена языку. С другой стороны, сфера чистого языка уподобляется небытию, поэт как человек, простой смертный, не имеет туда доступа.

Противопоставление бытия небытию строится на основе оппозиции 'звучание — молчание', звук представлен как свойство реальной эмпирической действительности, поэтому в сфере чистого языка как в области небытия может существовать только текст. Создание поэтического произведения в письменной форме протекает в тишине — и это отсутствие звуков также есть проекция образа небытия в материальный мир.

В случае, когда поэзия представлена в устной форме, голос поэта звучит в реальной действительности, а стихотворение адресуется более конкретизированной аудитории, людям, живущим с ним в одном историческом времени, часто связанным с лирическим героем некоторыми отношениями. Голос лирического героя имеет силу и способен распространяться в живом мире, в эмпирической реальности, при этом конфликт между поэтом и толпой сохраняется.

В рассмотренных нами стихотворениях и в целом в лирике Бродского 70-80-х гг. центральным мотивом является старение и приближение смерти. В ситуации говорения поэзия нередко выражает эмоции лирического героя, его страх смерти, ужас перед небытием. Ситуация же письма, напротив, связана с мужественным принятием собственной конечности, привыканием к тишине небытия и уходом в сферу текста.

Библиографический список

Ахапкин Д. «Филологическая метафора» в поэтике Иосифа Бродского // Русская филология : сб. науч. раб. молодых филологов. Тарту, 1998. Вып. 9.

Баландина И.А. Орнитологические образы Иосифа Бродского // Уральский филологический вестник. 2021. № 1.

Верхейл К. Кальвинизм, поэзия и живопись: об одном стихотворении И. Бродского // И. Бродский: творчество, личность, судьба. Итоги трех конференций. СПб., 1998.

Горелов О.С. Сюрреализация звука: музыкальность. Аудиальная культура и саунд в новейшей русской поэзии (В. Банников, В. Бородин, Н. Сафонов) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 3.

Зельцер Э. К вопросу о героическом модусе художественности в лирике И. Бродского // И. Бродский: стратегии чтения : материалы международной научной конференции. М., 2005.

Келебай Е. Поэт в доме ребенка: пролегомены к философии творчества И. Бродского. М., 2000.

Корчинский А. «Событие письма» и становление нарратива в лирике Бродского // Критика и семиотика. Новосибирск, 2003. Вып. 6.

Крепс М. О поэзии И. Бродского, 1984. URL: <http://lib.ru/BRODSKIJ/kreps.tx>

Липовецкий М. Критерий пустоты // Урал. 2001. № 7.

Мелетинский Е.М. Возникновение и ранние формы словесного искусства // История всемирной литературы: в 8 тт. Т 1. М., 1983.

Ранчин А.М. «На пиру Мнемозины»: интертексты И. Бродского. М., 2001.

Шмакотина А.С. Тема поэта и поэзии в ранней лирике И. Бродского. Проблема романтического кода // Новый филологический вестник. 2021. № 3.

Список источников

Бродский И. Избранные стихотворения. М., 1994.

Бродский И. Пейзаж с наводнением. СПб., 2008.

Бродский И. Письма римскому другу. СПб., 2003.

Бродский И. Разговор с небожителем. СПб., 2005.

Сочинения И. Бродского: в 4 т. Т. 4. СПб., 1998.

References

Akhapkin D. “*Filologicheskaya metafora*” v poetike Iosifa Brodskogo. [“Philological Metaphor” in Joseph Brodsky’s Poetics]. In: *Russkaya filologiya: Sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov*. [Russian Philology: Collection of Scientific Works by Young Philologists]. Tartu, 1998. Iss. 9.

Balandina I.A. *Ornitologicheskie obrazy Iosifa Brodskogo*. [Joseph Brodsky’s Ornithological Imageries]. In: *Ural’skiy filologicheskii vestnik*. [Ural Journal of Philology]. 2021. No. 1.

Verkhey I. K. *Kal’vinizm, poeziya i zhivopis’: ob odnom stikhotvorenii I. Brodskogo*. [Calvinism, Poetry, and Painting: about one of J. Brodsky’s Poems]. In: *I. Brodskiy: tvorchestvo, lichnost’, sud’ba. Itogi trekh konferentsiy*. [J. Brodsky: Works, Personality, Life. Summary of Three Conferences]. St. Petersburg, 1998.

Gorelov O.S. *Syurrealizatsiya zvuka: muzykal’nost’. Audial’naya kul’tura i saund v noveyshey russkoy poezii (V. Bannikov, V. Borodin. N. Safonov)*. [Surrealization of Sound: Musicality. Auditory Culture and Sound in the Newest Russian Poetry (V. Bannikov, V. Borodin. N. Safonov)]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Vestnik of Kostroma State University]. 2020. Vol. 26. No. 3.

Zel’tser E. *K voprosu o geroicheskom moduse khudozhestvennosti v lirike I. Brodskogo*. [To the Question of Heroic Modus of Artistic Value in J. Brodsky’s Compositions]. In: *I. Brodskiy: strategii chteniya. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. [J. Brodsky: Reading Strategies. International Scientific Conference Proceedings]. Moscow, 2005.

Kelebay E. *Poet v dome rebenka: prolegomeny k filosofii tvorchestva I. Brodskogo*. [Poet in a Child’s Home: Prolegomena to the Philosophy of J. Brodsky’s Works]. Moscow, 2000.

Korchinskiy A. «*Sobytie pis'ma*» i stanovlenie narrativa v lirike Brodskogo. [“An Experience of Writing” and Formation of Narrative in Brodsky’s Compositions]. In: *Kritika i semiotika*. [Criticism and Semiotics]. Novosibirsk, 2003. Iss. 6.

Kreps M. *O poezii I. Brodskogo*. [About J. Brodsky’s Poetry]. 1984. URL: <http://lib.ru/BRODSKIJ/kreps.tx>

Lipovetskiy M. *Kriteriy pustoty*. [Criterion of Emptiness]. In: *Ural* [Ural]. 2001. No. 7.

Meletinskiy E.M. *Vozniknovenie i rannie formy slovesnogo iskusstva*. [Emergence and Early Forms of Verbal Art]. In: *Istoriya vsemirnoy literatury* [History of World Literature]. In 8 vols. Vol. 1. Moscow, 1983.

Ranchin A.M. “*Na piru Mnemoziny*”: *interteksty I. Brodskogo*. [“At Mnemosyne’s Feast: J. Brodsky’s Intertextes”]. Moscow, 2001.

Shmakotina A.S. *Tema poeta i poezii v ranney lirike I. Brodskogo. Problema romanticheskogo koda*. [The Theme of the Poet and Poetry in J. Brodsky’s Early Compositions. The Problem of the Romantic Code]. In: *Novyy filologicheskiy vestnik*. [New Philological Bulletin]. 2021. No. 3.

List of Sources

Brodskiy I. *Izbrannye stikhotvoreniya*. [Selected Poems]. Moscow, 1994.

Brodskiy I. *Peyzazh s navodneniem*. [Landscape with Flood]. St. Petersburg, 2008.

Brodskiy I. *Pis'ma rimskomu drugu*. [Letters to the Roman Friend]. St. Petersburg, 2003.

Brodskiy I. *Razgovor s nebozhitelem*. [Conversation with a Celestial]. St. Petersburg, 2005.

Sochineniya I. Brodskogo. [Works by J. Brodsky]. In 3 vols. St. Petersburg, 1998. Vol. 4.

АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ КАК НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА: НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ФРАНЦУЗСКИХ УЧЕНЫХ

Л.Е. Ильина, Л.В. Ромасенко

Ключевые слова: французская научная традиция, антропология, этнология, народное творчество, фольклор, становление антропологии.

Keywords: French scientific tradition, anthropology, ethnology, folk art, folklore, anthropology development.

DOI 10.14258/filichel(2023)4-09

Многочисленные образцы культуры предков — народное творчество или фольклор (в самом широком смысле), пришедшие из глубины веков, не стареют и не исчезают и продолжают занимать значительное место в духовной жизни современного человека. Народное творчество, разнящееся от континента к континенту и от этноса к этносу, удивительно едино, по сути, оно содержит глубинную народную мудрость и сохраняет историческую память. Более того, народное творчество успешно осваивает и использует для самосохранения все достижения человека, начиная с письменности и заканчивая новыми информационными технологиями.

Интерес к собиранию фольклора возник в XVIII в., когда в среде образованных людей сформировалось понимание ценности народного творчества. В процессе эволюции и изменений в культуре и обществе самобытное народное творчество приобретало новые формы и способы выражения и распространения. Современный фольклор или *постфольклор* (термин С.Ю. Неклюдова) отражает изменения в общественных структурах и ценностях современного общества [Неклюдов, 2006]. Одной из основных причин возникновения современного фольклора является глобализация и развитие средств массовой информации и современных технологий.

Научной основой изучения народного творчества (с древности до наших дней) являются антропология и этнология.

В мировой науке антропология (др.-греч. ἀνθρωπος — человек и λόγος — наука) часто рассматривается в контексте социальных и культурных исследований, в то время как в российской и французской тра-

дициях антропология также включает и биологические аспекты развития человека. Этнология (др.-греч. ἔθνος «народ» + λόγος «учение, наука») остается областью антропологии с акцентом на эволюции и взаимодействиях этнических групп.

Научный потенциал теоретических и практических исследований и необходимость изучения опыта ученых других стран актуализируют тему данного исследования. Антропологический подход позволяет изучать народное творчество в динамике культуры и истории. Антропология интересуется не только статическими аспектами фольклора, но и его изменчивостью, адаптацией к новым условиям, процессами передачи, сферами распространения. Не умаляя и не отрицая роли исследований других европейских стран, мы остановимся на французской научной традиции формирования антропологии и этнологии.

Цель данной статьи — привлечь внимание исследователей к работам французских ученых и показать широкий спектр их исследований социально-культурного контекста, в котором возникает и существует народное творчество. Мы рассматриваем этапы становления антропологии, привлекая для примера краткие сообщения о французских ученых и их работах. Многие из представленных ученых малоизвестны в России, их работы не переведены на русский язык.

Антропология и этнология — смежные, но все же разные научные дисциплины. *Антропология* изучает человечество в целом, ее главная задача — составить интегральное представление о человеке, определить его место в мире и исследовать процесс развития человека. Антропология призвана объединить все научные дисциплины, которые изучают человека и культуру. Объектом исследования антропологии является человек, а предметом — человеческая культура и общество, причём это касается всех времен и народов.

Этнология более узко специализирована и занимается изучением культур и обычаев разных народов, их происхождением, историей и взаимодействием. Этнология фокусируется на изучении этнических и национальных групп людей и их культурных особенностей. Объектом исследования этнологии являются этнические группы и сообщества, а предметом — их культура, история, социально-экономическая и политическая организация.

В российской научной школе традиционно разделяют две ветви *антропологии*: физическую антропологию, изучающую биологическую сторону человека, и социокультурную антропологию, изучающую социальные и культурные особенности. *Этнология* (или народоведение — в советский период) изучает культуры народов и их историческое раз-

витие. Этнология в российской научной школе рассматривается практически как синоним социокультурной антропологии, хотя и с уклоном на изучение этнических групп.

Во французской научной традиции антропология тесно связана с этнологией, и во многих случаях цели и методы антропологических и этнологических исследований совпадают. Французская антропология зачастую охватывает как биологические, так и культурные аспекты человека, а изучение культур других народов проводится в рамках как антропологических, так и этнологических исследований. Во Франции также существует понятие *этнография* — методика полевых исследований для изучения культур народов [Blanckaert, 1989].

В каждой национальной научной школе границы между *антропологией*, *этнологией* и *этнографией* могут смещаться, но основные отличия сохраняются.

Для того чтобы проследить историческое развитие антропологии и этнологии, нами были использованы исторический, компаративный и аналитический методы, для изучения проблемы в контексте смежных областей науки, обозначения их связей и взаимодействия мы использовали методы системного анализа и критического обзора литературы.

Антропология как всестороннее изучение человека и его образа жизни зародилась еще в эпоху античности. До XIX в. антропология, учитывая данные различных наук о человеке, представляла собой отрасль философского знания, ставящую человека в центр своих исследований. Позднее в связи с обособлением социальных наук предметом антропологии стало изучение многообразия человека во времени и пространстве, предметом социологии — совокупность социальных связей и отношений.

В начале своего существования *этнология* выдвигала на первый план язык как знак и орудие социокультурного строительства, средство его распространения и сохранения. Все более заметное включение этнологии в антропологию привело к тому, что этнология отдала предпочтение изучению символических систем.

В методологическом отношении становление антропологии и этнологии разворачивалось под влиянием господствующих общенаучных течений. Примерено с 1850 по 1920 г. *расизм*, отстаивая превосходство одних рас над другими, каталогизирует человеческие типы и социальные группы. Ярким примером попытки научного обоснования неравенства людей явилась выдвинутая в XVI-XVII вв. гипотеза, возводящая происхождение чернокожих людей к библейскому Хаму (или Иаму, греч. Хац), одному из сыновей Ноя, и сыну Хама — Ханаану. Согласно

легенде, Ной проклял Ханаана, предрекая ему рабское существование. Эту гипотезу сторонники расизма использовали как оправдание обращения чернокожих людей в рабство.

У истоков французской антропологической школы стоял Поль Брока (фр. Paul Broca, 1824–1880) — этнограф, антрополог и хирург. По мнению представителей научной общественности, Брока был и остается убежденным расистом. Брока создал единые универсальные методики антропологических измерений, числовые индексы для расчета соотношения размеров черепа и мозга, всемирно известным Брока стал после открытия им центра речи (центр Брока).

Французский историк Жозеф де Гобино (Joseph de Gobineau, 1816–1882) предложил в «Опыте о неравенстве человеческих рас» (Essai sur l'inégalité des races humaines, 1853–1855) тезис о влиянии расовых составов рассматриваемых обществ на особенности их культур, социальных строев, экономических моделей и в конечном итоге — на их цивилизационную успешность.

Французский зоолог и антрополог Арман де Катрфаж (Armand de Quatrefages, 1810–1892), отрицая теорию эволюции, создал для человека отдельное царство в мире природы и считал, что существование высших и низших рас с интеллектуальной и нравственной точек зрения так же естественно, как существование полюсов и экватора, континентов и островов, гор и равнин. Расы, отличающиеся от других, будут оставаться всегда [Соранс, Жамин, 1994].

В последнее десятилетие XIX в. на смену расизму приходит *эволюционизм*: социальная теория, постулирующая возможность выведения законов, объясняющих эволюцию обществ. Эволюционизм на основе уникальной модели развития западного общества подверг старые течения критике за доказательства линейного способа эволюции. Габриэль де Мортилье (Gabriel de Mortillet, 1821–1898), автор «Классификации и возрастов каменных орудий» (Classification et âges des instruments en pierre, 1869), предлагал систематизировать артефакты древнего человека и тем самым выявить структуру прогресса и развития орудий труда с течением времени. Данный подход стал базой для сравнительной археологии.

Работа французского историка и антрополога Луи Анри (Louis Henry, 1911–1991) «Руководство исторической демографии» (Manuel de démographie historique, 1967) ознаменовала рождение нового научного направления — *демографии*, Анри изучал процессы естественного прироста населения и сформулировал концепцию, на основе которой позднее демографы пришли к пониманию идеи контроля рождаемости.

С 1880 по 1940 г. господствующим направлением становится *диффузионизм*, ориентированный на изучение эволюции различных цивилизаций и их распространение в мире с культурной точки зрения. Основой общественного развития диффузионизм полагает процессы заимствования и распространения культуры из одних центров в другие. Ученые-диффузионисты доказывали, что различные культуры, взаимодействуя, могут передавать друг другу свои культурные элементы, такие как религия, технологии, искусство, поэтому многие культурные особенности могут иметь общее происхождение, а не возникать независимо в разных частях мира. Один их представителей диффузионизма, Альфред Метро (Alfred Métraux, 1902-1963), специализирующийся на изучении народов Южной Америки и Карибского бассейна, показал взаимосвязь и взаимовлияние культур народов Южной Америки. Его сочинение «Религии и магия южноамериканских индейцев» (*Religions et magies indiennes d'Amérique du sud*, 1967) до настоящего времени является ведущей работой в религиозной антропологии. А. Метро работал в ЮНЕСКО в первые годы существования этой организации, что позволило ему продвигать многочисленные программы прикладной антропологии, особенно в Амазонии, Андах и на Гаити.

Антрополог-диффузионист Поль Риве (Paul Rivet, 1876-1958) объединил свои изыскания в области культурологии и индоевропейских языков и представил концепцию *лингвистической антропологии* (фр. *anthropologie linguistique*). Он считал, что язык как система знаков (символов) и грамматических правил является главным фактором культурной эволюции, и доказывал, что культурные особенности передаются через язык. Риве провел обширные исследования ближневосточных культур, в том числе культур Месопотамии, Палестины и Египта, что сформировало его концепцию *культурного единства* (фр. *unité culturelle*), признания того, что ни одна культура не превосходит и не уступает другим. Риве выдвинул теорию, согласно которой первые люди в Южной Америке были переселенцами из Австралии и Меланезии около шести тысяч лет назад. Книга ученого «Происхождение американского человека» (*Les Origines de l'Homme américain*, 1943) содержит лингвистические и антропологические аргументы, которые подтверждают его теорию.

Метро и Риве внесли значительный вклад в антропологию и особенно в развитие теории диффузионизма, которая, хотя и вызывает определенную критику, по-прежнему имеет важное значение в исследованиях культурного развития и взаимодействия народов и цивилизаций.

В XX в. в Европе на основе социологической теории сложилась традиция *социальной антропологии*, в США в этот же период времени сформировалась *культурная антропология*, которые противостояли расизму и эволюционизму и разрабатывали объективный подход, непосредственно изучающий живые культуры [Dianteill, 2012].

Основателем социальной и культурной антропологии принято считать американского антрополога немецкого происхождения Франца Боаса (Franz Boas, 1858–1942). Боас был одним из главных представителей американской школы диффузионизма, но он отошел от этого движения, чтобы развить новаторские идеи, положившие начало американской культурной антропологии. Боас ввел в антропологию концепции *культурного релятивизма* (фр. *relativisme culturel*), направленного в антропологии, утверждающего, что каждая культура является уникальной системой ценностей, и *исторического партикуляризма* (англ. *historical particularism*), доказывающего невозможность обобщения исторических периодов; все периоды уникальны, нет никаких необходимых стадий, через которые каждое сообщество должно пройти [Эриксен, 2014].

В первой половине XX в. под влиянием французского социолога и философа Эмиля Дюркгейма (Émile Durkheim, 1858–1917) начинает развиваться новое направление — *функционализм*. Функционализм изучал человечество в целом, сосредоточив внимание на универсальных потребностях человеческих обществ и различных способах их удовлетворения. Дюркгейм исследовал религию в контексте социологического подхода и пришел к выводу, что религия — это не только система верований и ритуалов, устремленных к сверхъестественным силам и божествам, это также важный социальный институт, через который общество поддерживает себя. В рамках своей теории Дюркгейм ввел понятие *социальный факт* (фр. *fait social*). Социальный факт — это события действия, мысли и чувства, которые обладают силой внешнего принуждения для индивидов и которые взяты ими как данность. Он утверждал, что социальные факты отличаются от обычных фактов тем, что они существуют за пределами индивидуального восприятия и действия. Они существуют независимо от сознания отдельного человека и оказывают принудительное воздействие на него, влияя на его поведение [Rawls, 1996]. Вклад Дюркгейма в социологию выходит за рамки этой дисциплины и затрагивает другие гуманитарные науки, включая антропологию, философию, экономику, лингвистику и историю.

В рамках функционализма известны теории другого ученого — Марселя Мосса (Marcel Mauss, 1872–1950), в частности, *теория дара и пот-*

лача (англ., фр. *potlatch* — традиционная церемония демонстративного обмена дарами и, иногда, уничтожения «излишних» материальных ценностей, распространена у индейцев тихоокеанского побережья Северной Америки). Мосса интересовало социальное значение дара в племенных обществах, он анализировал общественные ритуалы и обмен дарами, считая их важной социальной функцией, способствующей поддержанию стабильности и солидарности в обществе. Его идея об *общности* (фр. *communauté*), которую формирует обмен дарами, является ключевой в этом контексте. Позднее в своих взглядах Мосс приблизитесь к позициям структурной антропологии.

М. Мосс изучал реальность в совокупности составляющих и для этого разработал новаторскую концепцию *тотального социального факта* (фр. *fait social total*), из которой вытекает установка на комплексное исследование социальных фактов и выявление наиболее фундаментальных из них в конкретных социальных системах. Для него социальный факт внутренне многомерен; он всегда включает экономические, культурные, религиозные, символические или правовые измерения и не может быть сведен только к одному из этих аспектов. Позднее К. Леви-Стросс (1908–2009) отметит значимость М. Мосса для антропологии, назвав его «*Ньютоном антропологии*» [Леви-Стросс, 1985, с. 146].

В 1950-х гг. в Сорбонне (Франция) и в Манчестерском университете (Великобритания) разрабатывается *динамическая антропология*, изучающая развитие и поведение человека на протяжении истории с точки зрения динамики культур, социальных систем и взаимодействий между различными группами и индивидами. Основной целью динамической антропологии было изучение изменений в современных обществах и, в частности, влияния колониализма на развитие колонизируемых народов.

Другие исследования, проведенные в области динамической антропологии в Сорбонне, включали изучение миграции населения, расовых и этнических различий, социокультурной адаптации, трансформации культурных и социальных систем.

Так, Раймон Арон (Raymond Aron, 1905–1983) исследовал политическую и экономическую динамику в связи с проблемами колониализма и империализма, а также глобальное экономическое неравенство и геополитические изменения. Арон критиковал теории, основанные на допущении рационального принятия решений. В исследованиях колониализма и империализма Арон применяет социальные теории с пристальным вниманием к сложной конъюнктуре политических событий.

Историк и антрополог Фернан Бродель (Fernand Braudel, 1902–1985) занимался изучением социальной, экономической и культурной истории в контексте колониализма. Бродель полагал, что географическое положение и климатические условия колонизируемой территории оказывают значительное влияние на развитие общества, определяя доступность ресурсов, плодородие земель и возможности для торговли. Экономическая и политическая власть колонизатора также играет ключевую роль в определении будущего колонии, так как она определяет способы управления, инфраструктуру и эксплуатацию местных ресурсов.

Культурное влияние колонизаторов на местное население также является важным фактором, который оказывает влияние на традиции, религию, язык и социальные ориентиры колонизируемых обществ. Бродель признает важность взаимодействия между колонизаторами и местным населением, а также возможность обратного влияния местных традиций на колонизаторов, создавая ситуацию культурного синтеза.

Французский этнолог Марсель Гриоль (Marcel Griaule, 1898–1956) сделал серьезный вклад в изучение истории народов Африки в рамках колониального периода. Исследуя социальные структуры африканских диаспор и изменения, которые произошли в них в результате колониального вмешательства, Гриоль разработал концепцию *функциональной антропологии*, согласно которой каждая культура обладает своей логикой и интегрированными функциями, что позволяет изучать африканские общества с точки зрения их внутренних связей и ценностей, а не исключительно через западное понимание традиций. Гриоль изучал динамику власти и экономическую структуру африканских обществ, показывая возможности социальной мобильности и ослабления иерархических структур на протяжении истории. Гриоль стремился проникнуть в религиозные и мифологические потоки африканских обществ, определяющие ценности, верования и практики на уровне индивидуума и коллектива. Гриоль одним из первых обратил внимание на специфичную астрономическую мифологию догонов (самоназв. Dogon), африканского народа на юго-востоке Мали. Гриоль считал, что искажение культурных особенностей народов Африки происходило под воздействием колониального менталитета, что африканские народы приспособлялись к изменениям, возникающим из-за присутствия колонизаторов.

Во второй половине XX в. происходит становление *структурализма*, европейского научного направления, развитого французско-бельгийским антропологом и этнологом Клодом Леви-Строссом (Claude Lévi-Strauss, 1908–2009), и *неоэволюционизма*, американского научного

направления, более близкого к материализму и дарвиновским теориям. Между 1950 и 1980 гг. эти направления объединились под влиянием К. Леви-Стросса и Жоржа Баландые (Georges Balandier, 1920–2016).

Главным исследованием Леви-Стросса было сравнительное изучение мифологии отсталых этнических групп, а также тотемных и других верований. Клод Леви-Стросс анализировал мифы, ритуалы и символы, исследовал их структуру и функции в рамках отдельных сообществ и между культурами. По мнению Леви-Стросса, для понимания сути культуры важно знать, как выглядит окружающий мир в *восприятии* людей данной культуры; человеческие ощущения не столько отражают, сколько кодируют окружающий человека мир, а все явления и процессы выражаются в виде *символов*. Современный человек, считал Леви-Стросс, живет в ситуации глубокого разрыва между культурой и природой, и именно это делает его несчастным.

Леви-Стросс применил подходы и методы структурализма ко всем формам коммуникации и реконструировал широкий спектр социальных феноменов (например, кровное родство) как систему коммуникаций, что позволило сделать их предметом структурного анализа.

Жорж Баландые известен работами в рамках динамической антропологии, он писал, что антропология должна изучать особенности культуры и общества в их историческом развитии и с учетом влияния социальных и частных аспектов. Баландые развил политическую антропологию и исследовал не типологии политических структур, а их функции и динамику, возникающую в результате неравенства и конкуренции внутри социальной формации. В работе «Политическая антропология» (*Anthropologie politique*, 1967) Баландые обосновывает науку о политике, рассматривая человека как *homo politicus*, и исследует свойства, общие для всех политических организаций, признанные в их историческом и географическом разнообразии. Реальным социологическим фактором *быстрой эволюции* (фр. *évolution rapide*) Баландые считал опыт колониальных завоеваний и управления колониями и требовал исторического изучения колониального опыта именно с этой позиции, в области колониальных исследований он отстаивал социально-исторический подход. Исследуя специфические связи между культурой и властью, различные формы общения и культурного сопротивления со стороны подавляемых народов и колонизированных обществ, Баландые сделал вывод, что традиции, культурные образы и обряды могут быть инструментами консервации, адаптации и сопротивления власти.

Благодаря Баландые и его школе во Франции началось изучение антропологии города, городской социальной структуры и форм культуры в го-

родской среде. Баландые считал, что город — это не просто пространство, но активный участник социокультурных процессов, которые затрагивают каждого городского жителя. Социальные науки, по мнению Баландые, ранее занимались отношениями, моделями и структурой учреждений и организаций, в конце XX в. социальные науки обратились к изучению увеличивающегося темпа жизни, неустойчивости балансов, игр порядка и беспорядка.

Жак Деррида (Jacques Derrida, 1930–2004) — французский философ, основатель и ведущий представитель *деконструктивизма* — направления, которое активно воздействует на различные области гуманитарного знания, включая антропологию. Поскольку деконструктивизм критически относится к традиционным философским понятиям и дихотомиям (например, человек — животное, культура — природа), это направление помогает пересматривать устоявшиеся позиции антропологии. Особенности взглядов Деррида в контексте антропологии заключаются в критике бинарных оппозиций. Деррида критикует упрощенное мышление, которое допускает разделение предметов на две противоположные категории, и указывает на иерархическую структуру таких отношений; утверждение относительности знания. Деррида подчеркивает неуловимость абсолютной истины и утверждает, что все наши понятия о мире, культуре и идентичности обусловлены равно историческими, лингвистическими и культурными факторами, что позволяет антропологам сохранять изначальное отношение к разнообразию и осознавать относительность взглядов, которые формируются под воздействием идеологических и культурных предпосылок; деконструкции текстов. Согласно Деррида, тексты должны быть истолкованы как многослойные и многогранные конструкции, подверженные постоянному пресыщению смыслами и активному переосмыслению, эта позиция открывает возможности для антропологических исследований разных видов текстов и практик культурного общения. Теории гостеприимства Деррида соотносит с этическим отношением к другому (незнакомому, иностранному, чужому), что может быть актуальным для антропологических исследований процессов взаимодействия и коммуникации между различными культурными группами.

Для этнографии важен тезис Деррида, что все человеческие группы, если они артикулируют, классифицируют предметы и явления, имеют «устную литературу» и запечатлевают свой мир в ритуальных действиях, они «пишут», т.е. непрерывно «текстуализируют» значения. В эпистемологии Деррида письменность того или иного этноса не мо-

жет рассматриваться как абсолютно новая форма культурной записи, как нечто, навязываемое извне «чистому», неписьменному, универсуму произносимого / слышимого, *логос* (др.-греч. λόγος — мысль, голос, слово, разум) не первичен, а *грамма* (др.-греч. γράμμα — черта, буква; составная часть сложных слов, означающая графическое изображение, запись) — не всего лишь вторичная репрезентация логоса, — с этой точки зрения процессы формирования письменности видятся более сложными. В работе «Письмо и различие» (фр. *L'écriture et la Différence*, 1967) он противопоставляет логоцентрическую репрезентацию и письмо (фр. *écriture*), стирая четкую грань между *Письменным* и *Устным*. Если изучаемые антропологами культуры всегда «пишут себя сами», исследователь-ученый перестает быть тем, кто «переводит культуру в текст» [Деррида, 2007].

В 1980-х гг. во Франции одним из главных направлений развития антропологии стал *постструктурализм*, представленный в работах Мишеля Фуко (Michel Foucault, 1926–1984) и Пьера Бурдьё (Pierre Bourdieu, 1930–2002), которые подчеркивали неоднозначность и сложность культуры, влияние власти на формирование знаний и языка и предложили новые подходы к анализу отношений между социумом и структурами власти. Бурдьё и Фуко критиковали структурализм и предлагали новые подходы к изучению социальных и культурных явлений. Фуко полагал, что дисциплина и механизмы власти проникают во все области жизни и служат основой формирования социальных институтов и структур субъектов. Фуко акцентировал внимание на истории, исследуя в своих работах власть и дисциплинарное общество. В них он отвергает традиционные подходы и разделяет историю на периоды в зависимости от того, как менялись режимы власти и знания. Книга Фуко «Слова и вещи» (фр. *Les Mots et les choses*, 1966) способствовала усилению интереса западных ученых к истории наук о человеке и возникновению специализированных исследований в области психологии и социологии. Работа Фуко «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы» (*Surveiller et punir. Naissance de la prison*, 1975) дала толчок к развитию политической теории, исследованиям, посвященным проблемам дисциплинарных институтов (тюрьмы, армии, школы и др.)

Бурдьё разработал концепцию *социального поля* (фр. *champ social*), представляющего собой многомерную структуру, в рамках которой индивидуумы и группы занимают разные позиции в зависимости от их социального статуса и объема культурного, экономического и социального «капитала» и соревнуются за возможность обладать этими ресурсами. Ключевым понятием в исследованиях Бурдьё явля-

ется *габитус* (фр. *habitus*) — система внутренних схем и диспозиций, которые формируют видение мира, социальное поведение и предпочтения. Габитус активно участвует в воспроизводстве социальных структур и позволяет понять, как индивиды воспринимают и осваивают социальные нормы и ценности. Габитус формируется на основе социального опыта и направляет поведение индивида в определенных социальных контекстах.

Бурдьё также исследовал вопросы власти и доминирования. Власть проявляется не только на микроуровне, но и через господство символических систем, которые позволяют контролировать и маргинализировать другие культурные формы на уровне доминирующих символов и образцов поведения [Rogers, 2002].

С развитием средств массовой информации и новых информационных технологий во Франции, как и во всем мире, начала формироваться *медиаантропология* (фр. *anthropologie des médias*), изучающая роль средств массовой информации в формировании современной культуры, глобализации и новых форм коммуникации. Французский философ, антрополог и социолог Брюно Латур (Bruno Latour, 1947–2022) исследовал социальные аспекты научного знания и технологических инноваций, а также связи между людьми и предметами. Латур изучал социальные механизмы, лежащие в основе науки и технологий, а также разработал концепцию *акторно-сетевой теории* (англ. *Actor-network theory, ANT*), которая считает объекты (артефакты, технические комплексы, животных и др.) действующими единицами социальных отношений, и развивает идею о том, что предметы и артефакты играют активную роль в процессе медиации (лат. *mediare* — посредничать) между людьми.

Размышляя о влиянии кино и медиаискусств на формирование образов и стереотипов современной культуры, французский семиолог Франсуа Жост (François Jost, род. 1949) прошел путь от киноанализа до кинематографической семиологии, от систематизации основных концепций нарратива до теории телевидения. В последних работах Франсуа Жост анализирует феномен мемов как явлений поп-культуры, придавая феномену неожиданную историческую и научную глубину. По его мнению, мем является важным способом выражения отношений и состояний в социальных сетях.

В начале 2000-х гг. французские антропологи активно занимались исследованием изменений, происходящих в современном обществе, таких как миграция, глобализация, национальная идентичность. Важный вклад в этом направлении сделан Аленом де Бенуа (Alain de

Venoist, род. 1943) и Мишелем Ажье (Michel Agier, род. 1953). Бенуа под влиянием немецких мыслителей выступает против христианства, прав человека, неолиберализма, эгалитаризма. Он теоретизировал понятие *этноплюрализма*, концепции, основанной на сохранении и взаимном уважении отдельных и граничащих этнокультурных регионов. В книге «Мы и другие» (фр. *Nous et les autres*, 2006) Бенуа утверждает, что идентичность стала наиболее обсуждаемым вопросом после свободы и равенства. Чем больше глобализация распространяется в планетарном масштабе, тем сильнее становятся претензии тех, кто хочет, чтобы их идентичность была признана. Однако есть и опасность утверждения идентичности. Идентичность — это не неосязаемая сущность, а нарративная субстанция. Это не неизменное в человеке, а его особый способ изменяться. Идентичность обязательно диалогична, она конструируется и реконструируется в постоянных отношениях с Другим.

Исследования Мишеля Ажье, французского антрополога и этнолога, сосредоточены на изучении отношений между человеческой глобализацией и местами временного пребывания человека. С 2000 г. исследования Ажье были ориентированы на антропологию путешествий и логику городской среды. Его исследования сосредоточены на местах, где собираются перемещенные лица, беженцы и изгнанники: городские окраины, лагеря беженцев, транзитные зоны. В книге «Страх перед другими. Эссе о невзгодах» (фр. *La Peur des autres. Essai sur l'indésirabilité*, 2022) Ажье рассуждает о причинах формирования нежелательного, призрачного и пугающего образа Другого, которого можно выгнать за границу, городскую или национальную, или даже бросить на смерть. Ажье утверждает, что необходимо описание мира, горизонта возможностей и образов Других, чтобы вернуть всем и каждому смысл и мужество совместной жизни. Объектом пристального внимания Марка Оже (Marc Augé) стали *ничейные пространства* (фр. *non-lieux*) — места кратковременного и анонимного обитания, скоротечного прохода и проезда — метро, вокзалы, аэропорты, гостиницы, супермаркеты, а также феномены *номадизма* (кочевого образа жизни) в современной культуре (туризм, проживание в разных регионах лиц, имеющих пассивный доход, и проживание в любом месте лиц, работающих удаленно) и связанные с ними явления бесследного существования, незапоминания, неизбежного и быстрого забвения, потери идентичности, когда она сводится к демонстрации официальных документов (паспорт, водительские права, кредитная карточка), без соотнесения человека с его страной и культурой.

В книге «НЕ-места, введение в антропологию гипермодерна» (Non-lieux, introduction à une anthropologie de la surmodernité, 1992) Оже дает определение *гипермодерна* (фр. *surmodernité*), противопоставляя его современности по переизбытку событий, пространственному изобилию и индивидуализации референций [Bessis, 2004].

Заканчивая краткий обзор этапов становления антропологии и этнологии и работ французских ученых, отметим, что исторически антропология и этнология имели разные предметы изучения: антропология как наука о человеке и человеческих группах изучала человека и сообщества людей, факты развития человека и общества, характерные для человечества, а этнология занималась изучением культуры и социальной организации этносов, описанием и сравнением их нравов, выявлением признаков каждой этнической группы для установления общих черт строения обществ и их эволюции.

В контексте изучения народного творчества (фольклора) антропология и этнология способствовали пониманию социокультурного контекста, в котором возникают и функционируют фольклорные произведения. Антропологический и этнологический подходы обеспечивают более глубокое понимание фольклора в контексте культуры и общества, рассматривают фольклор как часть широкого культурного комплекса, изучая его не только как набор текстов и образов, но и как практики, символы, ритуалы и социальные отношения, анализируют роль фольклора в формировании и поддержании идентичности, социальной координации, мировоззрения и идей о культуре.

Для исследования произведений современного фольклора антропологический анализ позволяет изучить вопросы сочетания и взаимодействия народных и элитных культур, адаптации и трансформации фольклорных элементов в современном обществе. В качестве примеров были привлечены лишь краткие сведения о французских ученых и некоторые из их работ. Каждый из этих исследователей является признанным специалистом в нескольких смежных дисциплинах и имеет свой уникальный подход к изучению социальных и лингвокультурных процессов, проблем идентичности, исторической и культурной памяти. Их работы демонстрируют новые подходы к исследованию человека в обществе и позволяют лучше понимать социокультурные процессы, происходящие внутри Франции и за ее пределами. В работах каждого ученого целенаправленно или косвенно затрагиваются темы, составляющие сегодня объект исследования лингвистической антропологии, фольклористики, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики.

Особенностью работ французских ученых является исследование колониального опыта — опыта создания колоний, управления ими и отказа от колониальных владений. В исследовании колониального опыта антропология и этнология помогают изучать влияние политических, экономических и социальных факторов на формирование и изменение фольклорных традиций.

Таким образом, антропология и этнология играют важную роль в изучении фольклора, предоставляя исследователям методологический и теоретический каркас, а также инструменты для анализа различных аспектов народного творчества в контексте культуры и общества.

Библиографический список

- Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2007/
Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985.
Неклюдов С.Ю. Фольклор и его исследования: век двадцатый // Экология культуры. Архангельск, 2006. № 2 (39).
Эриксен Томас Х. Что такое антропология? М., 2014.
Bessis Raphaël, Dialogue avec Marc Augé. Autour d'une anthropologie de la mondialisation. Paris, 2004.
Blanckaert Claude. L'Anthropologie en France, le mot et l'histoire (XVIe-XIXe siècles) // Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. 1989. № 3–4.
Copans Jean, Jamin Jean. Aux origines de l'anthropologie française, Paris. 1994.
Diantell Erwan. Anthropologie culturelle ou anthropologie sociale ? Une dispute transatlantique // L'Année sociologique. 2012. № 1.
Rawls A.W. Durkheim's epistemology: the neglected argument // American Journal of Sociology. 1996. № 2.
Rogers Susan Carol. L'anthropologie en France. *Terrain*, 2002. № 39.

References

- Derrida Jacques. *Pis'mo i razlichije*. [Writing and difference]. Moscow, 2007.
Levi-Strauss K. *Strukturnaya antropologiya*. [Structural anthropology]. Moscow, 1985.
Neklyudov S.Yu. *Fol'klor i yego issledovaniya: vek dvadtsatyy*. [Folklore and its research: the twentieth century]. In: *Ekologiya kul'tury*. [Ecology of culture]. Arkhangelsk, 2006. No. 2 (39).
Eriksen Thomas H. *Chto takoye antropologiya?* [What is anthropology?]. Moscow, 2014.

Bessis Raphaël. *Dialogue avec Marc Augé. Autour d'une anthropologie de la mondialisation*. Paris, 2004.

Blanckaert Claude. *L'Anthropologie en France, le mot et l'histoire (XVIe-XIXe siècles)*. In : Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. 1989. № 3-4.

Copans Jean, Jamin Jean. *Aux origines de l'anthropologie française*. Paris, 1994.

Dianteill Erwan. *Anthropologie culturelle ou anthropologie sociale ? Une dispute transatlantique*. In : L'Année sociologique. 2012. No. 1.

Rawls A.W. *Durkheim's epistemology: the neglected argument*. In: American Journal of Sociology. 1996. No. 2.

Rogers Susan Carol. *L'anthropologie en France*. *Terrain*, 2002. No. 39.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

«ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА» В ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ЛЕКСИКОНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

М.В. Крам

Ключевые слова: межъязыковые омонимы, ложные друзья переводчика, финансово-экономическая лексика, специфика перевода.

Keywords: interlanguage homonyms, translator's false friends, financial and economic lexicon, the specifics of translation.

DOI 10.14258/filichel(2023)4-10

Термин «ложные друзья переводчика» (*faux amis du traducteur*) был предложен французскими лексикографами М. Кёсслером и Ж. Дерокиньи в 1928 г. (“*Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais*”), которые одними из первых изучали подводные камни межъязыковых соответствий и проводили параллели на материале французского и английского языков [Koessler, 1928].

В советскую эпоху (конец 60-х — начало 70-х гг.) отмечается всплеск интереса к категории слов, которые принято называть «ложными друзьями переводчика». В этот период были разработаны фундаментальные теоретические положения, связанные с данной проблемой, и составлены первые словари «ложных друзей переводчика» на материале языковых пар: русского и английского [Акуленко, 1969, 1972], русского и немецкого [Готлиб, 1966; 1985], русского и французского языков [Муравьев, 1969].

В.В. Акуленко относит категорию так называемых «ложных друзей переводчика» к особой лексической микросистеме, в которую входят межъязыковые пары слов, похожих по написанию и (возможно) произношению, но отличающихся по значению или сфере употребления [Акуленко, 1969, с. 5]. Мнимое сходство возникает, как правило, у лексем одной части речи и встречающихся в одинаковых контекстах, что приводит к ошибкам в подборе слов и в переводе. По мнению В.В. Акуленко, причиной таких ошибок «являются отношения сходства или кажущейся идентичности (*similarity and near-identity*) материала обо-

их языков ...» [Акуленко, 1969, с. 374]. Появление «ложных друзей переводчика» можно считать результатом взаимовлияний языков, иногда данное языковое явление — следствие случайных совпадений, а что касается близкородственных языков, здесь причина кроется в общем языке-основе [Акуленко, 1969, с. 374]. В.В. Акуленко выделяет **межъязыковые омонимы**, которые имеют разные значения, но идентичны по своей фонетической (или графической) оболочке, **межъязыковые паронимы**, не вполне сходные по форме, но способные вызвать ложные ассоциации и отождествляться друг с другом, несмотря на разницу значений, а также **межъязыковые синонимы** как внешне схожие (до степени отождествления), так и внешне различные [Акуленко, 1969, с. 372]. В работе 1972 г. «Вопросы интернационализации словарного состава языка» В.В. Акуленко использует термин **диалексемы**, устанавливая категорию «ложных друзей переводчика» только для «конкретной пары языков» [Акуленко, 1972, с. 135], поскольку внешне схожие лексемы двух языков могут привести к коммуникативным неудачам и недопониманию.

В 1966 г. отечественный лингвист-переводовед К.Г.М. Готлиб вводит термин **междуязычные (межъязыковые) аналогизмы** [Готлиб, 1966], выдвигая три критерия для отбора слов данной категории, — это этимологическая связь, внешняя форма и смысловая структура слова. Также предлагается классификация междуязычных аналогизмов по степени фонеморфологической и графической близости и по лексико-семантическим свойствам [Готлиб, 1966, с. 7]. Будучи автором русско-немецкого и немецко-русского словаря «ложных друзей переводчика», Карл Генрих Готлиб включает в него группу слов, которые кажутся аналогичными или близкими по звучанию и графическому оформлению, но не совпадают полностью или частично по значению, стилистической окраске и сфере употребления [Готлиб, 1985, с. 9-11].

Автор пособия «*Faux amis, или “Ложные друзья” переводчика*», В.Л. Муравьев предлагает рассматривать исследуемую категорию слов с точки зрения русского, изучающего французский язык. Например, слова типа *бельэтаж, маршрут* способны ввести в заблуждение только русского, поскольку во французском языке их не существует, они «псевдофранцузского» происхождения. «Ложными друзьями» как для русского, так и для француза будут такие не совпадающие по значению пары слов, как *адъютант — adjudant* («аджудан» — старшее унтер-офицерское звание) или *таблетка — tablette* («полка; верхняя доска камина») [Муравьев, 1969, с. 4]. Таким образом, необходимо учи-

тывать, что ложные аналогии могут возникнуть не только при переводе с иностранного языка, но и наоборот.

В.Л. Муравьев подчеркивает, что путаница иногда возникает в случае сходства основ, но при этом разных интернациональных суффиксах, или, наоборот, суффиксы совпадают, а основы разные. Такие пары слов семантически эквивалентны, но имеют разное морфологическое оформление, например, по аналогии с русским *инструктаж* изучающие французский язык могут образовать слово *instructage* вместо правильного *instruction* [Муравьев, 1969, с. 3–4].

Р.А. Будагов, рассматривая проблему «ложных друзей переводчика», совмещает два термина, подразумевая **межъязыковые омонимы**, и указывает, что это «слова, звучащие в разных языках сходно или почти сходно, но имеющие несходные значения» [Будагов, 1988, с. 46]. Ученый выделил 8 типов несоответствий, но в основном на примере родственных и близкородственных языков, например, французского и итальянского, которые можно рассматривать как проявления частной межъязыковой омонимии [Будагов, 1988].

Лингвист-переводовед Н.К. Гарбовский также подчеркивает, что термин «межъязыковая омонимия» наиболее подходящий, поскольку позволяет сделать акцент и на сходство форм, и на различие содержания [Гарбовский, 2007, с. 329]. По мнению ученого, полное несоответствие плана содержания возникает у **случайных межъязыковых омонимов**, не имеющих этимологических связей. В качестве примера он приводит английское слово *desert*, обозначающее *пустыню*, а не *де-серт*, и глагол действия со значением *покидать, оставлять, дезертировать*. Тем более сложно переводчику, когда ложная ассоциация появляется из-за наличия общности в семантике слов, как например, существительное *арбуз* в русском языке, происходящее от персидского слова *харбуза* — *дыня*, аналогично по форме французскому *arbouse*, которое через провансальский, как язык-посредник, восходит к латинскому *arbuteus* и обозначает *плод земляничного дерева*. Аналогия, вызвавшая замешательство, возникает из-за того, что русское и французское слово имеют общие семы: съедобность и красный оттенок мякоти [Гарбовский, 2007, с. 337].

А.И. Томилова, автор монографии по **межъязыковой псевдоэквивалентности** в русском и французском языках, называя категорию «ложных друзей переводчика» псевдоэквивалентами, представляет их как лексические единицы двух языков, которые близки фонетически и/или графически, но имеют разные семантические, грамматические, функциональные и стилистические значения, вызывают ложные аналогии при

переводе. При этом подчеркивается, что этимологическая общность — необязательное условие [Томилова, 2018, с. 35].

Современный исследователь Л.П. Лобковская обращает внимание на то, что необходимо учитывать стилистическую окраску и употребительность лексики, является ли она современной, устаревающей или устаревшей, чтобы избежать ловушек в переводе и смысловых искажений [Лобковская, 2012, с. 84].

В.Л. Муравьев, а вслед за ним О.А. Агаркова предлагают для анализа «ложных друзей переводчика» подробную классификацию с опорой на методическую литературу. Классификация основывается на таких аспектах, как: **семантический** — полное или частичное несовпадение значений параллельных слов (русск. *соль поваренная* // франц. *sol* «почва, грунт, земля»; франц. *auditoire* «аудитория», «слушатели» // русск. *аудитория* — ¹«слушатели»; ²«зал», «помещение»); **фразеологический** — контекстуальные «ложные друзья» в определенных фразеологических словосочетаниях (русск. *медицина* // франц. *médecine*, но русск. *народная медицина* // франц. *remèdes de bonne femme*); **стили-стический** — совпадение по смыслу, но разная стилистическая окраска (формулы речевого этикета с ироничным оттенком в русском языке, типа *пардон* — *pardon*); **формальный** — ошибка в выборе суффиксального оформления (использование интернационального суффикса *-ист*, как, например, *massagiste* вместо *masseur*); **этнографический** — подразумевает выбор слов, которые заимствованы, но описывают предметы и явления, типичные только для русской жизни (русск. *кадет* — «воспитанник среднего военного училища» // франц. *cadet* — «младший».) [Муравьев, 1969, с. 4-6; Агаркова, 2009, с. 10-12].

Настоящая статья является частью исследования, посвященного проблеме межъязыковой омонимии, или «ложных друзей переводчика», в финансово-экономическом лексиконе на материале английского и русского языков. В задачи входило выявить специфику «ложных друзей переводчика» как особой категории лексических единиц, рассмотреть наиболее частые ошибки в переводе межъязыковых омонимов в деловом английском и русском языках, провести структурно-семантический, сопоставительный и контекстуальный анализ. Примеры были отобраны методом сплошной выборки. Исследование показало, что межъязыковые омонимы финансово-экономической тематики составляют около 10% от общего количества слов в специализированных словарях. В качестве справочного материала использовались словари «ложных и мнимых друзей переводчика», составленные В.В. Акуленко [Акуленко, 1969], К.В. Красновым [Краснов, 2004], А.И. Пахотиним

[Пахотин, 2011], а также «Несистематический словарь» П.Р. Палажченко, «Современный англо-русский словарь по экономике, финансам и бизнесу» [Эскин, 2007] и онлайн-словари Collins Online Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, Macmillan English Dictionary.

Значительная доля «ложных друзей переводчика» в деловом английском и русском языках — это интернациональная лексика, появившаяся вследствие взаимовлияния языков, и представляет собой прямые или опосредованные заимствования из общего третьего языка-источника, как правило, латыни. Рассмотрим примеры из финансово-экономической сферы, создающие языковые ловушки и трудности перевода.

Arbitrage — это слово не переводится на русский язык как *арбитраж* [Пахотин, 2011, с. 17], т.к. в бизнес-английском данный термин обозначает почти одновременную покупку и продажу ценных бумаг или иностранной валюты на разных рынках с целью получения прибыли от расхождений в ценах [Эскин, 2007, с. 57]. Существительное было заимствовано из французского в значении “decision-making, judgment” — «процесс принятия решений, суждение, мнение» [Merriam-Webster]. Термин *арбитраж, третейский суд* переводится на английский как **arbitration** [Пахотин, 2011, с. 140; Краснов, 2004, с. 10].

Assignment — это не *ассигнация* (банкнота) и не *ассигнование* (выделение средств), термин переводится в «Толковом словаре обманчивых слов» А.И. Пахотина как *назначение* [Пахотин, 2011, с. 18]. Интересно, что большинство современных толковых словарей на 1-е место ставят значение, никак не связанное с финансами или работой: “a secret meeting with someone, especially with a lover” [Collins] — «тайная встреча, любовное свидание». А.И. Пахотин отмечает, что эквивалентом слова «купюра» является *banknote*, а если речь идет о выделении средств / ассигновании, то подойдут такие термины, как *assignment, allocation, allotment, appropriation* [Пахотин, 2011, с. 140].

Balance — это не только *равновесие* (в прямом и переносном смысле: *сохранять равновесие посредством телодвижений и душевное равновесие*), *весы* (прибор), но и *состояние счета, сумма на счету в банке* — “the amount of money you have in your bank account” [Collins].

К.В. Краснов в своем словаре «ложных друзей переводчика» вводит слово **bust** [Краснов, 2004, с. 16], которое переводится не только как *бюст* (¹скульптурное портретное изображение верхней части человеческой фигуры; ²женский бюст), но и *банкротство, финансовый крах* в американском английском [Collins, Merriam-Webster]. В разговорной речи распространилась коллокация **to go bust** в значении *разориться, обанкротиться*.

В.В. Акуленко, А.И. Пахотин выделяют среди «ложных друзей переводчика» слово **check**, которое в первую очередь обозначает *контроль* или *проверку*, а только во втором значении в американском английском используется как *банковский чек* [Акуленко, 1969, с. 69; Пахотин, 2011, с. 30]. В британском английском синонимом будет существительное **cheque**. Среди распространенных коллокаций с **check / cheque** в бизнес-английском можно назвать **to cash a cheque** *получать деньги по чеку наличными*, **to draw a cheque** *выписывать чек*, **to pay by cheque** *платить чеком* [Эскин, 2007, с. 160–161]. Если мы имеем в виду счет в ресторане, то в британском английском употребляется слово **bill (to pay the bill)**, а в американском варианте **check** используется и в значении ресторанного счета (**to pay the check**).

К переводческим ошибкам может привести существительное во множественном числе **chips**: в британском варианте английского обозначает *картофель фри*, в значении *чипсы* используется только в американском английском. В азартных играх **chips** — это фишки, а в инвестиционном сленге появляется новое значение.

Blue chip — высокодоходная акция ведущей компании, которая регулярно выплачивает дивиденды и обладает финансовой мощью, а также стабильностью, независимо от ситуации на рынке, а не *голубая фишка* в покере. Голубой как цвет надежности и благополучия используется для обозначения наиболее ценных фишек на ставках в карточных играх типа покера [Merriam-Webster]. Из биржевой сферы термин *голубые фишки* перекочевал в интернет-аукционы и рынок искусства. Здесь *голубые фишки* — это известные художники, чьи картины продаются за миллионы долларов и обладают наибольшей ликвидностью.

Red chip — акции — *красные фишки* относятся к компаниям материкового Китая, в которых значительная доля принадлежит китайскому правительству [Эскин, 2007, с. 163]. Красный был выбран из-за цвета китайского флага. Фирмы с *красной фишкой* не всегда крупные или хорошо известные. В карточных играх *красные фишки* обладают средней стоимостью. Что касается арт-рынка, в этой среде *красные фишки* — это картины современных художников, которые внезапно вошли в моду. Таким образом, термин *blue chips / red chips* // «голубые фишки» / «красные фишки», появившись в карточных играх, был заимствован биржевой лексикой, а затем использовался арт-рынком.

П.Р. Палажченко обращает внимание на то, что слово **compensation** нельзя переводить на русский только как *компенсация*. В ряде словосочетаний в бизнес-английском у данной лексической единицы актуальным становится значение *вознаграждение*, как, например, **total**

compensation package [Палажченко, 2002, с. 168], т.е. совокупное вознаграждение: зарплата плюс дополнительные льготы, привилегии типа машины, предоставляемой сотруднику определенного ранга в бесплатное пользование. Если говорить об адекватном переводе на английский язык термина *премия, вознаграждение*, то наиболее подходящий вариант — **bonus**: “an extra amount of money that is **added** to someone’s pay, usually because they have worked very **hard**” [Collins]. Ошибочным будет выбор существительного **premium**, поскольку его основное значение — “a sum of money that you pay regularly to an insurance company for an insurance policy” [Collins] — «страховой взнос». Второе значение также не имеет никакого отношения к понятию *премия* — “a sum of money that you have to pay for something in addition to the normal cost” [Collins] — «надбавка (к курсу или цене)», «повышенная стоимость».

А.И. Пахотин и К.В. Краснов к «ложным друзьям переводчика» относят существительное **gazette**, которое сейчас употребляется в значении “an official government journal containing lists of government appointments and promotions, bankruptcies” [Collins] — «официальный государственный бюллетень, вестник [Пахотин, 2011, с. 60; Краснов, 2004, с. 36] со списками правительственных назначений и продвижений по службе, банкротств». В американском английском **gazette** сохранилось в названиях некоторых органов печати.

Слово **interest** благодаря своей многозначности входит в рассматриваемую категорию «ложных друзей переводчика», поскольку помимо основного значения *интерес, увлечение*, в финансово-экономическом контексте превращается в термин *процент* — “extra money that you receive if you have invested a sum of money” [Collins], *доход на капитал* — “the profit in goods or money that is made on invested capital” [Merriam-Webster; Акуленко, 1969, с. 169-170; Краснов, 2004, с. 40].

Перевод во многом определяется речевой ситуацией, например, **legend** — это не только *легенда*, но и *надпись на монете, гербе* — “an inscription on a coin, coat of arms, etc.” [Collins]. **Patron**, конечно, не переводится на русский язык как *патрон (ружейный)*, а обозначает *покровителя* — “a social or financial sponsor of a social function (such as a ball or concert)” [Merriam-Webster] — «социальный или финансовый спонсор общественного мероприятия (например, бала или концерта)», либо используется для описания *постоянного клиента* — “one who buys the goods or uses the services offered especially by an establishment” [Merriam-Webster].

Еще один межъязыковой омоним, который из-за своей многозначности может вызвать затруднения в переводе, — это слово **mark**. В биз-

нес-контексте не имеет отношения к *почтовой марке*, а может переводиться как *марка (бывшая денежная единица Германии до перехода на евро)*, а также *торговая марка* (в сочетании с номером для обозначения конкретной модели изделия) [Collins; Merriam-Webster]. А.И. Пахотин подчеркивает, что в последнем значении речь идет о *марке известного (чаще дорогого) автомобиля* [Пахотин, 2011, с. 75], хотя толковые словари не выделяют такого оттенка значения.

В.В. Акуленко относит к «ложным друзьям переводчика» слово *minute*, которое используется не только для обозначения *минуты* как единицы времени, но и во множественном числе переводится как *протокол (собрания, заседания)* [Акуленко, 1969, с. 200].

Motion — это совсем не *моцион*, а *движение*. Что касается деловой сферы, важно помнить значение *предложение (на собрании)* — “a formal proposal to be discussed and voted on in a debate, meeting, etc.” [Collins] — «официальное предложение, подлежащее обсуждению и голосованию в ходе дебатов, совещания».

Термин *panel*, получивший популярность благодаря Санкт-Петербургскому международному экономическому форуму и превратившийся в заимствование с помощью транслитерации в русском языке, означает не только *деревянную обшивку стен или плитку тротуара*, но и *экспертную группу, комиссию, обсуждающую злободневную тему* — “a group of persons who discuss before an audience a topic of public interest” [Merriam-Webster]. Распространенная коллокация — *panel discussion* [Collins; Merriam-Webster] — «групповое обсуждение», «круглый стол», «обсуждение в рамках группы экспертов».

Большинство составителей словарей «ложных друзей переводчика» [Акуленко, 1969; Краснов, 2004; Пахотин, 2011] выделяют прилагательное *extravagant*, перевод которого не соответствует русскому термину *экстравагантный*, а в первую очередь означает *расточительный* — “spending much more than is necessary or wise; wasteful” [Collins] или, в зависимости от контекста, *сумасбродный, нелепый, несдержанный* — “going beyond reasonable limits; excessive or unrestrained” [Collins]. В экономической сфере *extravagant* — это *высокий, непомерный (о ценах)* [Эскин, 2007, с. 312], как, например, в коллокации *extravagant prices* — *невероятно высокие, безумные цены* [Палажченко, 2002, с. 183].

К терминам, для перевода которых необходим контекст, чтобы понять оттенок значения, относится также прилагательное *executive*. Ложные ассоциации у начинающего переводчика могут возникнуть из-за аналогии с однокоренным словом, частично совпадающим с русским по семантике: русск. *экзакуция* — англ. *execution*: ¹«выполнение, осу-

ществление, реализация»; ²«исполнение музыкального произведения»; ³«(смертная) казнь» [Акуленко, 1969, с. 129], а в бизнес-английском — ¹«составление (документа)»; ²«исполнение приказа брокером» [Эскин, 2007, с. 306]. У прилагательного *executive* выделяют в качестве первого значения “having the power to make important decisions in an organization or government [Macmillan]” — «наделенный властью принимать важные решения в организации или правительстве», перед существительными из сферы менеджмента — *исполнительный*, как, например, *executive director* — *исполнительный директор*. П. Палажченко обращает внимание на то, что термин CEO (*Chief Executive Officer*) в русском языке по смыслу больше всего является эквивалентом *генерального директора* или *главного исполнительного директора* [Палажченко, 2002, с. 162]. Часто встречается коллокация *executive decision*, т.е. решение, всю ответственность за которое руководитель берет на себя (*ответственное решение*) [Палажченко, 2002, с. 181]. В то же время данное прилагательное имеет и другое значение: “designed for rich or important people [Macmillan]” — «предназначенный для богатых или важных людей», т.е. высшей категории, дорогой.

Как можно увидеть из проанализированной выборки примеров «ложных друзей переводчика» в финансово-экономическом лексиконе, с точки зрения *семантического критерия* речь идет о 1) полном несовпадении значений, как, например: русск. *моцион* / англ. *motion* — «движение»; «предложение (на собрании)», или 2) о частичном несовпадении значений, например: русск. *легенда* / англ. *legend* — ¹«легенда, предание»; ²«легендарная личность»; ³«надпись на монете». Феномен «ложных друзей переводчика» в сфере бизнес-терминологии ограничен установлением ложных связей между схожими звуковыми или графическими знаками двух языков и возникает в результате доминирования семасиологических связей родного языка [Миньяр-Белоручев, 1996, с. 108]. По сути, наиболее распространены *элементарные буквализмы* (например: англ. *credit* — не только русск. «кредит», но и «похвала, заслуга», «доверие, вера», «хорошая репутация»), реже встречаются *семантические буквализмы*, которые возникают в результате перевода по основному значению слова без учета речевой ситуации (например: англ. *blue chips* — не только русск. «голубые фишки» в покере, но и «первоклассные ценные бумаги», а также «картины известных художников»). Подводя итог, хотелось бы еще раз подчеркнуть актуальность выбранной темы. Межъязыковая омонимия, или категория «ложных друзей переводчика», — это явление, получившее распространение вследствие взаимовлияния языковых систем, а иногда случайных

совпадений, которое может привести к неверному восприятию информации на иностранном языке, ложным ассоциациям и существенному искажению содержания при переводе.

Библиографический список

- Агаркова О.А. Французский язык и «ложные друзья переводчика» // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2009. № 2. Ч. 1.
- Акуленко В.В. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». М., 1969.
- Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков, 1972.
- Будагов Р.А. Ложные друзья переводчика // Как мы говорим и пишем. М., 1988.
- Гарбовский Н.К. Теория перевода. М., 2007.
- Готлиб К.Г.М. Междузязычные аналогизмы французского происхождения в немецком и русском языках : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1966.
- Готлиб К.Г.М. Словарь «ложных друзей переводчика» (русско-немецкий и немецко-русский). М., 1985.
- Краснов К.В. Англо-русский словарь «ложных друзей переводчика». М., 2004.
- Лобковская Л.П. О понятии межъязыковой омонимии (к проблеме термина «ложные друзья переводчика») // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 20 (274).
- Мишняр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М., 1996.
- Муравьев В.Л. Faux amis, или «ложные друзья» переводчика. М., 1969.
- Палажченко П.Р. Мой несистематический словарь (Из записной книжки переводчика). М., 2002.
- Пахотин А.И. Англо-русский, русско-английский толковый словарь обманчивых слов («ложных друзей»). М., 2011.
- Томилова А.И. Явление межъязыковой псевдозэквивалентности в русском и французском языках: теоретические и прикладные аспекты. Екатеринбург, 2018.
- Эскин Л.Н. Современный англо-русский словарь по экономике, финансам и бизнесу. М., 2007.
- Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/>
- Koessler M. Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais. Conseils aux traducteurs. Paris, 1928.
- Macmillan English Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/>
- Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/>

References

Agarkova O.A. *Frantsuzskiy yazyk i «lozhnye druz'ya perevodchika»*. [French Language and “the Translator’s False Friends”]. In: *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. [The Almanac of Modern Science and Education]. Tambov, 2009. No. 2. Pt. 1.

Akulenko V.V. *Anglo-russkiy i russko-angliyskiy slovar' «lozhnykh družey perevodchika»*. [English-Russian and Russian-English Dictionary of “the Translator’s False Friends”]. Moscow, 1969.

Akulenko V.V. *Voprosy internatsionalizatsii slovarnogo sostava yazyka*. [The Issues of the Internationalization of the Vocabulary]. Kharkov, 1972.

Budagov R.A. *Lozhnye družya perevodchika*. [Translator’s False Friends]. In: *Kak my govorem i pishem*. [How We Speak and Write]. Moscow, 1988.

Garbovskiy N.K. *Teoriya perevoda*. [The Theory of Translation]. Moscow, 2007.

Gotlib K.G.M. *Mezhduyazychnye analogizmy frantsuzskogo proiskhozhdeniya v nemetskom i russkom yazykakh*. [Interlanguage Analogisms of French Origin in German and Russian Languages]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Novosibirsk, 1966.

Gotlib K.G.M. *Slovar' «lozhnykh družey perevodchika» (russko-nemetskiy i nemetsko-russkiy)*. [The Dictionary of the Translator’s False Friends (Russian-German and German-Russian)]. Moscow, 1985.

Krasnov K.V. *Anglo-russkiy slovar' «lozhnykh družey perevodchika»*. [English-Russian Dictionary of “False Friends”]. Moscow, 2004.

Lobkovskaya L.P. *O ponyatii mezh'yazykovoy omonimii (k probleme termina «lozhnye družya perevodchika»)*. [On the Concept of Interlanguage Homonymy (to the Problem of the Term “the Translator’s False Friends”)]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2012. No. 20 (274).

Min'yar-Beloruchev R.K. *Teoriya i metody perevoda*. [The Theory and Methods of Translation]. Moscow, 1996.

Murav'ev V.L. *Faux amis, ili “lozhnye družya” perevodchika*. [Faux Amis, or “the Translator’s False Friends”]. Moscow, 1969.

Palazhchenko P.R. *Moy nesistematicheskii slovar' (Iz zapisnoy knizhki perevodchika)*. [My Non-Systematic Dictionary (From the Translator’s Notebook)]. Moscow, 2002.

Pakhotin A.I. *Anglo-russkiy, russko-angliyskiy tolkovyy slovar' obmanchivyykh slov (“lozhnykh družey”)*. [English-Russian-English Dictionary of Misleading Words]. Moscow, 2011.

Tomilova A.I. *Yavlenie mezh'yazykovoy psevdokvivalentnosti v russkom i frantsuzskom yazykakh: teoreticheskie i prikladnye aspekty*.

[The phenomenon of interlanguage pseudo-equivalence in Russian and French: theoretical and applied aspects]. Ekaterinburg, 2018.

Eskin L.N. *Sovremennyy anglo-russkiy slovar' po ekonomike, finansam i biznesu*. [Contemporary English-Russian Dictionary on Economics, Finance and Business]. Moscow, 2007.

Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/>

Koessler M. *Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais. Conseils aux traducteurs*. Paris, 1928.

Macmillan English Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/>

Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/>

ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

О.А. Калашникова, А.В. Самойлова

Ключевые слова: военно-политический дискурс, военный конфликт, коммуникативная стратегия, фразеология, коннотация.

Keywords: military-political discourse, military conflict, communication strategy, phraseology, connotation.

DOI 10.14258/filichel(2023)4-11

В современной лингвистике одним из динамично развивающихся направлений является изучение военно-политического дискурса и языковых средств его воплощения. Исследование взаимосвязи языка, политики и военной сферы деятельности позволяет проникнуть в суть происходящих на мировой арене событий, дает возможность выяснить механизмы воздействия языковых средств и речевых стратегий на личностное и общественное политическое сознание. Особая роль в плане формирования стереотипов восприятия и отражения политической культуры англоязычных СМИ принадлежит фразеологической лексике. Высокая степень экспрессивности и сила эмоционального воздействия, присущие фразеологии, позволяют использовать ее не только в качестве средства вербализации внеязыковых явлений, но и формировать целостное информационное дискурсивное пространство с прагмаориентированным целеполаганием на конструирование гомогенного общественного мнения. С учетом того, что работа военного переводчика связана с информационным обеспечением служебной деятельности, особое значение придается «анализу материала зарубежных интернет-изданий, освещающих деятельность вооруженных сил, события с их участием, проблемы международной военно-политической жизни» [Калашникова, Самойлова, 2021, с. 987]. В условиях международной напряженности и активизации деятельности НАТО одной из актуальных тем медийного военно-политического дискурса становится тема военных конфликтов.

Целью данного исследования является описание типологии и функциональных особенностей употребления фразеологической лексики в англоязычном военно-политическом дискурсе на основе междисциплинарного подхода.

Задачи исследования предполагают:

- 1) анализ коммуникативных стратегий и их лингвистических признаков в рамках военно-политического дискурса англоязычных СМИ;
- 2) обоснование теоретических основ изучения фразеологической лексики на материале понятийной сферы «военный конфликт»;
- 3) описание семантических, структурных и функциональных особенностей фразеологической лексики военно-политического дискурса.

Материал настоящей работы составляет аутентичная военно-политическая фразеологическая лексика английского языка, отобранная методом сплошной выборки из текстов ведущих медийных ресурсов National Interest, Politico, Washington Post, Foreign Affairs, которые отражают позицию государственных структур и политических деятелей США по актуальным вопросам международной и внутривластной жизни.

В ходе работы было проанализировано более 100 медиатекстов статей указанных изданий из рубрик Military и Defense, на основе которых было отобрано 87 фразеологических единиц и 9 идиом.

При проведении исследования использовались следующие методы: анализ научной литературы по традиционной, когнитивной, коммуникативной лингвистике, теории медийного и военно-политического дискурса; семантико-когнитивный и контекстуальный методы для определения номинативного поля изучаемых единиц и интерпретации их прагматического потенциала.

Представленный в работе лингвистический материал может быть использован в обучении переводчиков в сфере профессиональной коммуникации в военных вузах, при создании учебных пособий по военному переводу и референтской деятельности в процессе работы с англоязычными медийными ресурсами.

Анализ научной литературы свидетельствует об актуальности изучения темы фразеологии в рамках отдельных лингвистических направлений и междисциплинарных исследований. В традиционной лингвистике теме определения фразеологических единиц и их классификации посвящены труды В.В. Виноградова, А.В. Кунина, А.И. Смирницкого, Г.Б. Антрушиной, А.Ф. Артемовой [Виноградов, 1977; Артемова, 2009; Кунин, 1972; Смирницкий, 1998; Антрушина, 2004]. С развитием коммуникативной лингвистики появляются работы, предметом изучения которых становятся фразеологические единицы определенной семантики: политической [Карамова, 2015], общественно-политической [Леонтьева, Щетинина, 2022]; военной [Лупанова, 2017; Буробин, 2021];

Лаухина, 2020]. Анализ английских фразеологизмов с позиции лингвокультурологического подхода отмечается в исследованиях Д.О. Добровольского, Л.А. Труфановой, А.В. Самойловой [Добровольский, 1998; Труфанова, 2009; Самойлова, 2015] и ряда других ученых.

С развитием средств массовой информации появляется интерес к исследованию фразеологии в современной англоязычной периодике [Осипова, 2016; Гумма, 2021]; непосредственно в англоязычном газетном стиле [Галимова, 2019]; в немецких СМИ [Моисеенко, 2020]. Новое направление в изучении фразеологии связано с теорией дискурса, в рамках которой языковые средства анализируются в тесной связи с экстралингвистическими, прагматическими и когнитивными факторами. Традиционный подход с позиции теории дискурса, изложенный в трудах В.И. Карасика, И.П. Савиловой и Г.П. Лошак, Е.И. Шейгал [Карасик, 2002; Савилова, Лошак, 2019; Шейгал, 2000], рассматривает политический и военный дискурс как два самостоятельных институциональных вида дискурса. В последние годы появились работы К.В. Шнякиной и Е.В. Леонидовой, К.Д. Ворожко, И.И. Федотова и Л.Н. Ковалева [Шнякина, Леонидова, 2020; Ворожко, 2016; Федотов, Ковалев, 2023], в которых описываются признаки военно-политического дискурса и особенности функционирования в нем фразеологических единиц.

В научной литературе нет однозначного толкования термина «военно-политический дискурс». В частности, Н.Е. Назарова определяет его как «политический дискурс о войне..., характеризующийся определенным набором отличительных черт и особенными характеристиками, присущими военно-политической сфере» [Назарова, 2021, с. 114]. И.И. Федотов и Л.Н. Ковалев описывают военно-политический дискурс «как особый вид речевой деятельности, который обеспечивает организацию картины мира политиков и военнослужащих и имеет такие свойства, как соотносительность с речевой политической или военной ситуацией, военно-фактологическая информативность, интертекстуальность, авторитетность военно-политических источников» [Федотов, Ковалев, 2023, с. 1266]. С точки зрения К.А. Наумовой, военно-политический дискурс, «являясь гибридным по своей природе, совмещает в себе специфику военного и политического видов дискурса и служит целям инициации и информационного сопровождения военных действий со стороны государства и связанных с ним структур» [Наумова, 2021, с. 28]. В то же время А.В. Олянич считает, что военно-политический дискурс «является разновидностью массового информационного дискурса» [Олянич, 2003, с. 121]. В контексте нашего исследования наиболее точным следует считать определение А.Б. Елизарова, соглас-

но которому данный вид дискурса представляет собой «гибридно-поливекторный многофункциональный коммуникативный феномен, сочетающий в себе некоторые признаки политического и военного типов дискурса, характеризующийся элитарностью, основной целью которого является четкое обоснование необходимости проведения военно-политических кампаний и убеждении в этом целевой аудитории с учетом аксиологических и мировоззренческих особенностей конкретного общества» [Елизаров, 2022, с. 134]. Несмотря на различия в терминологии, в качестве определяющих признаков данного вида дискурса многие исследователи отмечают его интегративный и институциональный характер, идеологическую направленность, актуализацию посредством СМИ, связь с медиадискурсом, коммуникативные стратегии воздействия на читателей, специфические лингвистические особенности и жанровое своеобразие. Институциональность и идеологический характер военно-политического дискурса проявляется в содержании информационного материала, специфическом выборе языковых средств и коммуникативных стратегий, используемых с целью формирования общественного мнения.

Как указывают И.И. Федотов и Л.Н. Ковалев, англоязычный военно-политический дискурс характеризуется тремя коммуникативными стратегиями: «стратегией создания информационной напряженности, персуазивной и презентационно-театральной стратегиями» [Федотов, Ковалев, 2023, с. 1267]. Разделяя данную точку зрения, отметим, что значительная роль в реализации данных стратегий принадлежит фразеологическим средствам выразительности.

1. Стратегия информационной напряженности связана с воздействием прочитанного материала на эмоциональную сферу адресата путем создания у него чувства страха, неуверенности, внутренней тревожности:

As for demilitarization, Ukraine is on its way to becoming the most militarized country in Europe [Foreign Affairs Magazine]. — *Что касается демилитаризации, то Украина идет по пути становления самой милитаризованной страной в Европе* (здесь и далее перевод авторов. — О. К., А.С.).

В данном примере эффект информационной напряженности создается антитезой, обозначающей разрыв между заявленной целью — «демилитаризация» и постепенным становлением страны «самой милитаризованной».

A gloomy mood has been gathering this summer about the war [The Washington Post]. — *Подавленное настроение ощущается этим летом в связи с войной.*

Сочетание прилагательного «gloomy», имеющего значение «мрачный, не внушающий оптимизма, подавленный», с существительным «mood» — «настроение» создает эффект эмоционально негативного воздействия и напряженности у читателей в ожидании объяснения причин такого состояния.

2. Персуазивная стратегия актуализируется посредством убеждения адресата в истинности сообщаемой информации о событиях военно-политической международной жизни:

President Biden, in particular, has gone to great lengths to ensure that NATO doesn't get pulled into war with Russia over Ukraine [Foreign Affairs Magazine]. — Президент Байден, в частности, приложил немало усилий, чтобы не втягивать НАТО в войну с Россией из-за Украины.

3. Презентационно-театральная стратегия, в большей степени при- сущая устным формам военно-политического дискурса, также отмечается в медиатекстах СМИ, где наряду с определенными языковыми средствами терминологического порядка используется и фразеологическая лексика, актуализация которой в определенном контексте может формировать как позитивное, так и негативное эмоциональное восприятие информации адресатом:

The West's united front is showing more cracks than ever — and Kyiv has little choice but to grin and bear [Politico]. — Единный фронт Запада по Украине как никогда **все больше трещит по швам** — и у Киева нет другого выбора как **с этим смириться**.

Как видно из представленных примеров, одной из актуальных тем американских медиаресурсов является тема вооруженного противостояния и военных конфликтов. Концептуальная сфера военного конфликта в общем виде описывается на основе использования инвариантных тематических элементов «союзник», «противник», «вооружение», «военные действия», каждому из которых соответствует определенный набор лексико-семантических средств, включая фразеологическую лексику. Так, само понятие военного конфликта характеризуется контекстным употреблением лексических средств и выражается разными фразеологическими словосочетаниями, которые могут иметь нейтральную коннотацию, например: *war footing* — *военное положение, боеготовность*; эмоционально-оценочную характеристику, например: *fight for the long haul* — *борьба всерьез и надолго*, а также преимущественно отрицательную коннотацию, например: *saber-rattling* — *бряцание оружием, slugfest* — *напряженная, ожесточенная борьба за приз, bloody slog* — *кровавый бой, an extended stalemate* — *затянувшаяся тупиковая ситуация, end game* — *завершающая фаза борьбы*. Вероятный

исход конфликта для участвующих в нем сторон часто ассоциируется с фразой *the stakes of the game* — ставки в игре, где слово «игра» приобретает метафорическое значение.

При описании действий участников конфликта мы учитывали мнение К.А. Наумовой о том, что военно-политическому дискурсу США присущ «конфликтогенный потенциал», заключающийся в противопоставлении «своих» и «чужих» и положительной самопрезентации» [Наумова, 2021, с. 151]. Действия участников конфликта, таким образом, можно описать на основе принципа семантической антитезы, в котором прослеживается доминирующая позиция инициативности действий, права принятия ключевых решений, исключительности и превосходства США по отношению как к «чужим», так и к «своим». Эта позиция может выражаться как имплицитно, например, *limit room for diplomacy* — ограничивать возможности дипломатии; *rule out diplomacy* — исключать дипломатию, так и эксплицитно, например, *take the lead in providing military equipment* — выступить инициатором обеспечения военной техникой, *give the green light to train pilots* — санкционировать подготовку летчиков, *blow away* — нанести поражение, *bring assets to the table in terms of air defense, land forces and naval capabilities* — вновь предоставлять средства ПВО, сухопутные и военно-морские силы; *reap benefits* — извлекать выгоду, *tick off the boxes* — прилапать все усилия. Характерно, что действия союзников также могут описываться с использованием фразеологической лексики с семантикой критики, например: *pay lip service to* — поддерживать на словах, *walk back the promise* — отказываться от обещания, или оценочных выражений со значением превосходства, например: *rank ahead of heavy weights (such as France, Germany)* — превосходить таких «тяжеловесов», как Франция и Германия.

В описании действий противоборствующей стороны прослеживается преимущественное использование фразеологии с негативной оценочной коннотацией, например: *skirt difficulty* — избегать трудностей, *back into a corner* — загонять в угол, *lash out* — набрасываться, *take the bait* — проглотить наживку, *bog down* — выдыхаться, *fall behind battlefield needs* — отставать от потребностей обеспечения военных действий.

Другой важной составляющей концепта «вооруженный конфликт», в описании которой также прослеживается употребление фразеологической лексики, является вооружение и возможности его применения. Среди наиболее часто повторяющихся фразовых единиц, используемых, в частности, для описания авиационной техники, следует выделить сле-

дующие: *a game changer* — фактор кардинальных перемен, *a wonder weapon* — необычайно эффективное оружие, «*a hobby*» *UAV* — самодельный БЛА, *a missile «sponge»* — ракетная ловушка, а также примеры словосочетаний, имеющих метафорическое значение: «*apex predator of the skies* — небесный «суперхищник», «*eyes of the Navy*» — «глаза ВМС», «*workhorse*» — интенсивно используемое средство.

При описании структурных особенностей фразеологической лексики данного исследования учитывалось несколько факторов: признаки военно-политического дискурса, семантический контекст, частотность употребления фразеологических единиц, принципы классификации фразеологии в трактовке А.В. Кунина [Кунин, 1972], Г.Б. Антрушиной [Антрушина, 2004]. На основе проведенного анализа выделены четыре основные группы фразеологической лексики:

- 1) глагольная военная и политическая фразеология,
- 2) адъективные фразеологические единства,
- 3) субстантивные фразеологические единства,
- 4) идиоматические выражения.

1. **Глагольная военная и политическая фразеология** отмечена наибольшей частотностью употребления и может быть представлена несколькими вариантами, включая:

фразеологизмы со структурами:

v+pron+n

step up attacks — развить наступление, *stick with policy* — оставаться приверженным политике, *put into jeopardy* — подвергать опасности, *back up commitments* — отказываться от обязательств;

v+n+prep

pose a risk to — представлять собой угрозу, *tighten a grip on* — усиливать контроль над..., *pave the way for* — подготавливать почву для..., *set a “floor” for* — подготавливать почву для...

фразеологические единства:

drag feet on — умышленно затягивать, *have cold feet about* — трусить, бояться; *fall short of goal* — не достигать цели; *come up short* — показывать плохие результаты, провалиться; *turn the tide* — изменить ход событий.

Учитывая большую частотность употребления фразовых глаголов в проанализированных текстах, считаем возможным включить их в данную группу глагольной лексики:

фразовые глаголы:

clash over — сталкиваться, завязывать бой; *wane over* — выдыхаться, идти на спад, *double down* — действовать более решительно; *take*

out — выводить из строя, *hunt down* — выявлять, ***ramp up*** — наращивать; *rage on* — продолжать развиваться.

2. Адъективная фразеологическая лексика:

hot-button social issue — широко обсуждаемая общественная проблема, *whack-a-mole effort* — непрерывное стремление, *full-blown operating concept* — четко сформулированная концепция ведения боевых действий, *meat-grinder tactics* — тактика перемалывания сил противника.

3. Субстантивная фразеологическая лексика:

hawks of national security — ястребы национальной безопасности, *pipeline of pilots* — процесс подготовки летчиков, *hodgepodge of equipment* — хаотичное скопление техники, *burst of support* — пакет помощи.

4. Идиоматические выражения:

right ends, wrong means — цель не оправдывает средства, *a good offense is the best defense* — лучшая защита — это нападение.

Учитывая специфику коммуникативных стратегий военно-политического дискурса, а также результаты семантического и структурного анализа собранного фразеологического материала, можно сделать вывод о функциональных особенностях использования фразеологической лексики военно-политического дискурса. К числу выполняемых ею функций относятся:

- 1) номинативная, заключающаяся в непосредственной передаче вербальной информации определенной семантики (ход военных действий, позиции сторон, использование вооружения);
- 2) эмотивная, связанная с выражением отношения к передаваемой информации (одобрение / критика действий; поддержка «своих» / порицание «чужих»);
- 3) эмоционально-оценочная, характеризующая элементы понятийной сферы военного конфликта (этапы развития конфликта, возможности сторон, оценка эффективности вооружения и техники);
- 4) прагматическая, направленная на воздействие на адресата посредством убеждения, фальсификации, устрашения, навязывания субъективной точки зрения (необходимость противостояния, отрицание успеха «чужих», угроза применения летального оружия, необходимость оказания военной помощи).

Описанные семантические, структурные и функциональные особенности фразеологии свидетельствуют об инвариантных компонентах концептуальной сферы военного конфликта, вариативной репрезентации и многофункциональности ее использования в англоязычном военно-политическом дискурсе.

В целом проведенное исследование позволяет лучше понять языковую картину медийного информационного пространства американских СМИ, выявить систему военно-политических и морально-этических приоритетов руководства страны и журналистского сообщества, связанную с использованием функционально обусловленной фразеологии в сочетании с определенными коммуникативными стратегиями, направленными на формирование общественного мнения по актуальным вопросам международной политики.

Библиографический список

- Антрушина Г.Б. Лексикология английского языка. М., 2004.
- Артемова А.Ф. Английская фразеология. Спецкурс. М., 2009.
- Буробин А.В. Фразеологические единицы военной тематики // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 11 (113).
- Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. М., 1977.
- Ворожко К.Д. Фразеологические единицы в контексте военно-политического дискурса // Интерактивная наука. Сентябрь 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/308385173_Phraseological_units_in_the_military-political_discourse
- Галимова Х.Н. Структурно-семантические особенности фразеологических единиц в современном английском газетном стиле // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 3 (28).
- Гумма О.А. Особенности функционирования фразеологических единиц с компонентом-антропонимом в современной англоязычной периодике // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2021. Т.1 4. № 7.
- Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (II) // Вопросы языкознания. 1998. № 6. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1998-6/48-57>
- Елизаров А.Б. Особенности организации военно-политического дискурса // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2022. № 3. URL: <http://www.nauteh-journal.ru/files/2eca3310-6c91-4cbd-a5d7-66c2e4bfa53f>
- Калашникова О.А., Самойлова А.В. Жанровые особенности новостных текстов военно-авиационной тематики в зарубежном медийном дискурсе // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2021. Т. 31. № 5.
- Карамова А.А. Политическая фразеология: определение понятия и типология // Евразийский союз ученых. Сер.: Филология, искусство-

ведение и культурология. 2015. № 7-5 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-frazeologiya-opredelenie-ponyatiya-i-tipologiya/>

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1972.

Лаухина С.С. Структурное варьирование фразеологизмов военного происхождения // Вестник ТвГУ. Сер.: Филология. 2020. № 4 (67).

Леонтьева Т.В., Щетинина А.В. Новая общественно-политическая фразеология в русском языке: тенденции развития // Русистика. 2022. Т. 20. № 2.

Лупанова Е.В. Отражение военной субкультуры в семантике фразеологизмов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (67) : в 2-х ч. Ч. 2. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2017_1-2_41.pdf

Моисеенко Д.А. Фразеологическая картина мира в текстах современных немецких СМИ : дисс. ... канд. филол. наук. М., 2020.

Назарова Н.Е. К определению понятия военно-политического дискурса // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 7 (849).

Наумова К.А. Специфика гибридных видов дискурса (на примере военно-политического и военно-публицистического дискурсов) : дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2021.

Олянич А.В. Презентационные стратегии в военно-политическом дискурсе // Вестник Волгоград. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2003. № 3.

Осипова И.А. О роли фразеологических единиц в современной англоязычной периодике // Интерактивная наука. 2016. URL: https://interactive-science.media/en/article/113127/discussion_platform

Савилова И.П., Лошак Г.П. Английская фразеология в контексте военного дискурса // New world. New language. New thinking. М., 2019.

Самойлова А.В. Некоторые аспекты сравнительно-сопоставительного анализа фразеологизмов и паремий русского и английского языков с позиций лингвокультурологии // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике. Ереван, 2015.

Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., 1998.

Труфанова Л.А. Национально-культурная специфика фразеологизмов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 117. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnaya-spetsifika-frazeologizmov-na-materiale-frazeologicheskikh-edinit-neantropotsentricheskoj-napravlenosti-v>

Федотов И.И., Ковалев Л.Н. Специфика коммуникативных стратегий военно-политического дискурса в информационной среде (на ма-

териале английского и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 4. URL: <https://www.gramota.net/articles/phil20230198.pdf>

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000.

Шнякина К.В., Леонидова Е.В. Особенности функционирования фразеологических единиц в американском военно-политическом дискурсе // Образование и наука в современных реалиях. Чебоксары, 2020. URL: <https://interactive-plus.ru/e-articles/690/Action690-530716.pdf>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Foreign Affairs Magazine. URL: <https://www.foreignaffairs.com/>

The National Interest. URL: <https://nationalinterest.org/>

Politico. URL: <https://www.politico.com/>

The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/>

References

Antrushina G.B. *Leksikologiya angliyskogo yazyka*. [English lexicology]. Moscow, 2004.

Artemova A.F. *Angliyskaya frazeologiya. Spetskurs*. [English phraseology. Special course]. Moscow, 2009.

Burobin A.V., Svintsova I.Yu. *Frazeologicheskie edinitsy voennoy tematiki*. [Military phraseological units]. In: *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. [International Research Journal]. 2021. No. 11(113).

Vinogradov V.V. *Leksikologiya i leksikografiya: Izbrannye trudy*. [Lexicology and lexicography: Selected works]. Moscow, 1977.

Vorozhko K.D. *Frazeologicheskie edinitsy v kontekste voenno-politicheskogo diskursa*. [Phraseological units in the military-political discourse]. In: *Interaktivnaya nauka*. [Interactive Science]. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/308385173_Phraseological_units_in_the_military-political_discourse

Galimova Kh.N. *Strukturno-semanticheskie osobennosti frazeologicheskikh edinits v sovremennoy angliyskom gazetnom stile* [Structural-semantic peculiarities of the phraseological units in the modern English newspaper style]. In: *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. [Baltic Humanitarian Journal]. 2019. Vol. 8. No. 3(28).

Gumma O.A. *Osobennosti funktsionirovaniya frazeologicheskikh edinits s komponentom-antroponimom v sovremennoy angloyazychnoy periodike*. [Functioning of Phraseological Units with Anthroponyms in Modern English Periodicals]. In: *Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoy*

deyatelnosti. [Theoretical and Applied Aspects of Studying Speech Activity]. 2021. Vol. 14. No. 7.

Dobrovol'skij D.O. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika vo frazeologii (II)*. [National and cultural features in phraseology (II)]. In: *Voprosy Jazykoznanija*. 1998. No. 6. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1998-6/48-57>

Elizarov A.B. *Osobennosti organizatsii voenno-politicheskogo diskursa*. [Characteristics of the organization of military-political discourse]. In: *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*. [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Ser.: Humanities]. 2022. No. 3-3. URL: <http://www.nauteh-journal.ru/files/2eca3310-6c91-4cbd-a5d7-66c2e4bfa53f>

Kalashnikova O.A., Samoylova A.V. *Zhanrovye osobennosti novostnykh tekstov voenno-aviatsionnoy tematiki v zarubezhnom mediynom diskurse*. [Genre features of military aviation news texts in foreign media discourse]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. [Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series]. 2021. Vol. 31. No. 5.

Karamova A.A. *Politicheskaya fraseologiya: opredelenie ponyatiya i tipologiya*. [Political phraseology: definition and classification]. In: *Evrasiyskiy Soyuz Uchenykh*. Ser.: *Filologiya, iskusstvovedenie i kul'turologiya*. [Eurasian Union of Scientists. Ser.: Philology, art history and cultural studies]. 2015. No. 7-5 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-frazeologiya-opredelenie-ponyatiya-i-tipologiya/>

Karasik V.I. *Yazikovoy krug: lichnost', kontsepti, diskurs*. [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, 2002.

Kunin A.V. *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka*. [Phraseology course of modern English language]. Moscow, 1972.

Laukhina S.S. *Strukturnoe var'irovanie frazeologizmov voennogo proiskhozhdeniya*. [Structural variation of phraseological units of military origin]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Tver State University]. 2020. No. 4 (67).

Leontyeva T.V., Shchetinina A.V. *Novaya obshchestvenno-politicheskaya frazeologiya v russkom yazyke: tendentsii razvitiya*. [New Russian socio-political phraseology: development trends]. In: *Rusistika*. [Russian Language Studies]. 2022. Vol. 20. No. 2.

Lupanova E.V. *Otazhenie voennoy subkul'tury v semantike frazeologizmov*. [The military subculture representation in semantics of phraseological units]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philology: Theory and Practice]. 2017. No. 1(67). In 2 vols. Vol. 2. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2017_1-2_41.pdf

Moiseenko D.A. *Frazeologicheskaya kartina mira v tekstakh sovremennykh nemetskikh SMI*. Thesis of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2020.

Nazarova N.Eu. *K opredeleniyu ponyatiya voenno-politicheskogo diskursa*. [On the definition of the concept of military-political discourse]. In: *Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. [Bulletin of Moscow State Linguistic University]. 2021. Vol. 7 (849).

Naumova K.A. *Spetsifika gibridnykh vidov diskursa (na primere voenno-politicheskogo i voenno-publitsisticheskogo diskursov*. [Specifics of hybrid types of discourse (using the example of military-political and military-publicistic discourses)]. Thesis of Philol. Cand. Diss. Chelyabinsk, 2021.

Olyanich A.V. *Prezentatsionnye strategii v voenno-politicheskom diskurse*. [Presentation strategies in military-political discourse.]. In: *Vestnik Volgogradskogo universiteta*. [Science Journal of of Volgograd University. Linguistics]. 2003. No. 3.

Osipova I.A. *O roli frazeologicheskikh edinit v sovremennoy angloyazychnoy periodike*. [On the role of phraseological units in nowadays English periodicals]. In: *Interaktivnaya nauka*. [Interactive Science]. 2016. URL: https://interactive-science.media/en/article/113127/discussion_platform

Savilova I.P., Loshak G.P. *Angliyskaya frazeologiya v kontekste voennogo diskursa*. [English phraseology in the context of military discourse]. In: *New world. New language. New thinking*. [New world. New language. New thinking]. Moscow, 2019.

Samoylova A.V. *Nekotorye aspekty sravnitel'no-sopostavitel'nogo analiza frazeologizmov i paremiy russkogo i angliyskogo yazykov s pozitsiy lingvokul'turologii*. [Some aspects of comparative analysis of Russian and English phraseological units and proverbs from the linguocultural perspective]. In: *Russkiy yazyk na perekrestke epokh: traditsii i innovatsii v rusistike*. [The Russian language at the crossroads of eras: traditions and innovations in Russian studies]. Erevan, 2015.

Smirnitckij A.I. *Leksikologiya angliyskogo yazyka*. [English lexicology]. Moscow, 1998.

Trufanova L.A. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika frazeologizmov*. [Culturally specific features of idioms (on the material of non-anthropocentric phraseological units in the English and Russian languages)]. In: *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences]. 2009. No. 117. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnaya-spetsifika-frazeologizmov-na-materiale-frazeologicheskikh-edinit-s-neantropotsentricheskoy-napravlenosti-v>

Fedotov I.I., Kovalev L.N. *Spetsifika kommunikativnykh strategiy voenno-politicheskogo diskursa v informatsionnoy srede (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov)*. [Specific nature of the communication strategies of mi-

lilitary-political discourse in the information environment (on the material of the English and Russian languages)]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philology: Theory and Practice]. 2023. Vol. 16. Iss. 4. URL: <https://www.gramota.net/articles/phil20230198.pdf>

Khomutova T.N., Naumova K.A. *Voенно-politicheskiy diskurs kak osoby tip diskursa*. [Military-political discourse as a distinctive type of discourse]. In: *Vestnik Yuzhnoural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics]. 2017. Vol. 14. No. 3.

Sheygal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa*. [Semiotics of political discourse]. Volgograd, 2000.

Shnyakina K.V., Leonidova E.V. *Osobennosti funktsionirovaniya frazeologicheskikh edinit v amerikanskom voенно-politicheskom diskurse. Obrazovanie i nauka v sovremennikh realiyakh*. [Features of the functioning of phraseological units in American military-political discourse. Education and science in modern realities]. Cheboksari, 2020. URL: <https://interactive-plus.ru/e-articles/690/Action690-530716.pdf>

List of Sources

Foreign Affairs Magazine. URL: <https://www.foreignaffairs.com/>.

The National Interest. URL: <https://nationalinterest.org/>

Politico. URL: <https://www.politico.com/> (accessed 17.07.2023).

The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/>

КРАЙ СВЕТА В ЦЕНТРЕ АЗИИ: БАРНАУЛ В РОМАНЕ СЕРГЕЯ ЗАЛЫГИНА «ПОСЛЕ БУРИ»*

А.И. Куляпин

Ключевые слова: художественное пространство, миф, символ, мотив, геопоэтика.

Keywords: artistic space, myth, symbol, motif, geopoetics.

DOI 10.14258/filichel(2023)4-12

В первом романе С. Залыгина «Тропы Алтай» (1962), по верному замечанию О.А. Скубач: «Мир Алтайских гор ... являет собой пространство не столько реальное, сколько метафизическое. Именно Алтай служит в произведении тем топосом испытания, который дает человеку возможность внутреннего преобразования, он ставит человека в ситуацию пограничную, в подлинном значении — экзистенциальную, способствует самопознанию и перерождению» [Скубач, 2012, с. 17].

В последнем романе писателя «После бури» (1982–1985) метафизическим пространством является город. Барнаул и река Обь, на которой он стоит, предстают в романе сразу под двумя именами: собственно как «Барнаул» и «Обь», но преимущественно как «Аул» и «Река». Показательно, что, миновав «Аул», «Река» тут же превращается в Обь: *«Город стоял на высоченном берегу огромной жесткостального цвета реки, известной всему свету своим притяжением и могуществом, но эта известность жителям Аула была ни к чему, они ее не знали и никогда не называли реку по ее всемирно известному имени, называли просто — Рекой»* (Сергей Залыгин. После бури. 1986. С. 233)¹.

Образы города и реки раздваиваются, подобно тому как раздваивается образ главного героя романа — Петра Васильевича (он же Николаевич) Корнилова. Главной приметой постреволюционного времени, по наблюдению одного из персонажей Залыгина, становится потеря имен: *«Да ведь это же нынче повальный грех — чужие имена! Свои-то у кого?»*

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-18-00408, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00408/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по тексту издания: Залыгин С. После бури. М., 1986.

Ни у кого своих! Все перемешалось...» (с. 65). Имена теряют не только люди, но и географические объекты.

Замена реального Барнаула на вымышленный Аул призвана подчеркнуть переход из географического в мифогеографическое пространство. Действие романа разворачивается в экзистенциальном хронотопе: аульцы обитают «на границе между *быть и не быть*» (с. 23). «Река», протекающая по границе дух миров, разумеется, приобретает особую символическую роль: «*Левый берег, высокий и крутой повсюду, а в месте, где основан был город Аул, высокий и крутой особенно, не назывался никак, не было в лексиконе аульских жителей такого названия, как “Эта Сторона”, но “Та Сторона” была, существовала в неизменности, изо дня в день, из века в век, открываясь взгляду со многих аульских улиц и переулков. <...>*

На Той Стороне другой был воздух — синий, туманный.

На Той Стороне другое было Солнце, оно восходило там неярким, иногда едва различимым, но красивым кругом...» (с. 234).

В мифопоэтической модели мира «...кроме пространства, существует еще непространство, воплощением которого является Хаос» [Топоров, 1983, с. 239]. Аульская «Та Сторона» это и есть типичный пример такого «непространства»: «*Не земля и не вода, не лес, не луг, не болото, а все это вместе и от всего понемногу...»*; «*Та Сторона казалась чем-то потусторонним, миром иным, неведомым*»; «*На Той Стороне событий нет, не может быть*» (с. 235, 237).

Существование по соседству с «миром иным» кардинально меняет ментальность аульцев: «*Так вот — было, было что-то общее между географией местности и людьми, которые здесь обитали, потому что нельзя и нельзя миновать людям сознания, что рядом, ежедневно видимая, начинается уже Та Сторона, необъятный простор и восток мира, и что ты живешь как раз на грани, на рубеже, на самом краешке земли Этой.*

Может быть, как раз из такого именно сознания и происходило в аульских, во всех окрестных жителях, почти что полное отсутствие страха смерти... Не то чтобы они смерти совсем не боялись — побаивались, но редко, от случая к случаю, обычно же они смерть презирали, покойников своих отпевали и хоронили на скорую руку, могильных памятников не любили, подолгу могилы не помнили, зато любили то ли в драках, то ли в охоте на зверя со смертью поиграть, побаловаться...» (с. 235).

В сказках и мифах основная функция реки — служить «границей царства живых и мертвых» [Пропп, 1998, с. 347]. При этом переправа через

водную преграду «осмыслиется как наиболее ответственная и опасная часть пути в иной мир, связанная со смертельным риском и испытаниями, результат которых не предreshен заранее» [Топорков, 1995, с. 304].

Залыгин этнографически точно описывает на страницах романа «После бури» экзотические ритуалы аульцев, любимейший из них — смертельно опасная переправа через «Реку» на «Тот Свет»: «...каждый год без исключения, в мирный год или в военный, находились парни и взрослые, уже семейные мужики, они во время буйного ледохода на спор переходили Реку с этого берега на тот, на Тот Свет и обратно с Того Света. <...>

Иные артисты — а это именно артисты были с великим и редкостным даром отваги — не возвращались, уходили в Реку навсегда...» (с. 236).

Главный герой романа Петр Корнилов «ощущение собственной роли, собственной значимости» основывает на убеждении, что он — «и есть тот человек, который, как никто другой, воплощает в себе конец человечества...», поэтому его руководящая мысль — это «мысль о конце света» (с. 443).

Самое страшное воспоминание белогвардейского капитана Корнилова о Гражданской войне относится к ноябрю 1918 г., когда сорок пять тысяч мужчин, женщин и детей должны были переправиться по понтонному мосту через Каму: «...это агония, а на правом берегу все еще тысячи людей, и вот они теряют разум и вот, топча друг друга и детей, бросаются на мост... Мост не выдерживает» (с. 434). После этой гибельной переправы Гражданская война для Корнилова кончилась: «Он воевал еще долгое-долгое время, но это уже был апокалипсис, который властно увлек его за собой» (с. 434). Даже десятилетие спустя Корнилов вновь и вновь будет возвращаться к преследующему его кошмарному видению: «Ну как же, помню, помню: ночь... темь... река... лед... Переправа через Каму — вот что! Одним словом, конец света!» (с. 443).

Трагедия на Каме вписана автором в рамки исторического процесса как выражение чудовищной сути братоубийственной войны 1918–1922 гг. В Ауле время «беспредельное» (с. 305), здесь «Река... лед... переправа... уход навсегда в Реку» — это не уникальное историческое событие, но звенья ежегодно повторяющегося ритуала. Проведя в Ауле, на границе с «миром иным» несколько лет, Корнилов проникается мироощущением аульцев. «...Мы ведь привыкли жить перед концом света, право привыкли», — резюмирует он (с. 574).

Залыгин искусно обыгрывает факты из реальной истории Барнаула, превращая их в элементы геопоэтического мифа. Как известно, строи-

тельство барнаульского железнодорожного моста через Обь началось за год до начала Первой мировой войны, а движение по нему было открыто в 1915 г., когда боевые действия были уже в разгаре. Писатель придает и без того знаковому событию мистический смысл. Мост через «Реку» — это *«огромный, красивый и чуждый здесь предмет, как будто бы даже нечеловеческой силой, вопреки вечному порядку вещей, соединивший Ту и эту Стороны»* (с. 239). Связав Ту и эту Стороны, мост открыл путь для вторжения в мир города сил хаоса и смерти: *«Вечность, была нарушена, а с этим нарушением аульский житель связывал, может быть не без резона, все последующие события: войну мировую, войну гражданскую, военный коммунизм и даже нынешний нэп...»* (с. 238–239).

Цивилизация проникла в Аул, что парадоксально, с Востока, а не с Запада, как следовало ожидать: *«Железная дорога пришла в Аул тому назад лет десять, пришла опять-таки не с этой, а с Той Стороны, пересекла мостом Реку...»* (с. 235). Своеобразие залыгинского Аула в том, что это *«Европа в Азии»* и *«Азия в Европе»* (с. 304). Здесь двадцатый век соседствует со Средневековьем. Хрупкий баланс сил был нарушен в богатом на революционные потрясения 1917 г., конца у которого *«так и не было, разве что по календарю, но никак не по событиям»* (с. 220).

Надежда на осуществимость евразийского синтеза сгорела в огне катастрофического пожара, который учинил в Барнауле-Ауле главный городской брандмейстер: *«Быть бы Аулу городом почти европейского облика, но брандмейстер постарался, подпихнул город в Азию...»* (с. 239). Впрочем, само название города указывало на неизбежность победы азиатчины, и вполне естественно, что песчаные барханы, подступающие к Аулу, — это *«некоторое и не столь уж отдаленное подобие пустыни Каракумы»* (с. 23).

Аульско-барнаульский пожар — символическое отражение «мирового пожара», о котором грезили русские мыслители-революционеры, например теоретик анархизма Михаил Бакунин. В изложении Николая Бердяева сущность бакунинской идеи сводится к призыву разжечь «мировой пожар»: *«Бакунину принадлежат знаменательные слова: страсть к разрушению есть творческая страсть. Нужно зажечь мировой пожар, нужно разрушить старый мир. На пепелище старого мира, на его развалинах возникает сам собой новый, лучший мир»* [Бердяев, 1971, с. 151]. Самые знаменитые строчки о мировом пожаре, без сомнения, принадлежат Александру Блоку: *«Мы на горе всем буржуйам / Мировой пожар раздуем, / Мировой пожар в крови — / Господи, благослови!»* (Александр Блок. Двенадцать. 1960. С. 351]. Залыгин, откликаясь именно на бло-

ковское «Господи, благослови», отказывается признать мировой пожар «очистительным или божественным», ибо никакого «нового лучшего мира» на развалинах старого не возникает (с. 46). Автор задается вопросом, к чему ведут всевозможные катаклизмы: «К чему приближают род человеческий? К обновлению или к пороку сердца? К вырождению и к склерозу? К “бывшести”?» (с. 85). Вопрос, конечно, риторический, ведь мотив вырождения пронизывает всю ткань романа «После бури».

Залыгин активно использует в книге экзистенциалистскую категорию «бывшесть», которая, по Хайдеггеру, «возникает известным образом из будущего» [Хайдеггер, 1997, с. 326]. «Бывшесть — это особое качество мироощущения, присущее людям, которые пережили самих себя, которые реально существуют в ставшем почти нереальностью прошлом и, напротив, воспринимают настоящее как нечто нереальное. “Бывшие” — уже побывавшие на “Той” стороне: главным в них “было ощущение причастности к миру уже прожитому, минувшему, бывшему...”» — поясняют в статье «Между быть и не быть. Натурфилософский роман: опыт прочтения» смысл этого понятия Светлана и Владимир Пискуновы [Пискунова, Пискунов, 1986, с. 244].

Аул, названный в романе «*щелью, до отказа набитая “бывшими”*» (с. 199), — это место предельной концентрации «бывшести», город, минимум дважды уничтоженный.

В свое время Аул был «горнорудной столицей Западной Сибири и многие столичные замашки приобрел незамедлительно» (с. 242). Бывшая столица серебра первый раз приходит в упадок из-за недостатка топлива: «И серебро плавил тот завод, и монету чеканил, и многие другие совершал изделия, откуда не истоил вокруг себя лесные запасы. <...> нужны были дрова, дров же не стало, и обессилел завод, и покинут был мастеровым людом» (с. 72).

Второй раз город гибнет по причине массовой пиромании. Жизнь некоего Парамона из Шестого Зайчанского переулка подчинена строгому распорядку: три года он сооружал «отменные, экономные на дрова печи», «на год же четвертый “свободничал”: пил водку, а купеческие магазины жег огнем, прекрасно зная и это дело» (с. 237). Другой персонаж романа Костя Петушок «трижды самоподжогом занимался, чтобы заготовку не сдавать, налог не платить, а поймать его с поличным ну никак было нельзя» (с. 153). На этом фоне явлению брандмейстера-поджигателя удивляться не приходится, а попытка «бывших» организовать «страховое от огня общество» утопична (с. 47).

В Ауле хранится «единственная в мире “Книга Ужасов”» (с. 282). Город, расположенный на «границе двух миров — известного и неизвест-

ного» (с. 235), самое подходящее место для ее хранения. После того как автор «Книги» *«окончательно сходит с ума»* (с. 282), Корнилов *«закопал ее в землю в городе Ауле и до сих пор не знает, что это было — сохранность или потеря?»* (с. 458).

Залыгинская «Книга Ужасов» — близкий аналог «Книги грехов» из рассказа М. Горького «Ледоход» (1912) и «Жалобной книги» из пьесы Е. Шварца «Дракон» (1943).

Центральный эпизод рассказа Горького — смертельно опасная переправа артели плотников через реку во время ледохода. Для них это настоящий «подвиг». Аульские же смельчаки превратили такого рода хождение по движущемуся льду в ежегодный ритуал. Причем причины, толкающие героев Горького и Залыгина на риск, абсолютно разные.

Рассказ «Ледоход» «является по-настоящему пасхальным» [Каскина, 2018, с. 33]. Описанные в нем события приурочены к кануну Светлого Воскресения. *«Отрезало нас от праздника»*, — сетует один из плотников (Максим Горький. Ледоход. 1951. С. 28). *«В баньку надобно, на церковную службу хочется, как мы христиане»*, — объясняет околodочному «затейщик» всему делу Осип (там же, с. 39). В контексте сакрального времени происходит сказочное преобразование героев — *«первейший лентяй артели»* Осип вдруг показал себя *«воеводой-человеком»* (Максим Горький. Ледоход. 1951. С. 19, 37).

«Основной идеей пасхального рассказа, — указывает Т.Н. Козина, — становится преобразование жизни, уничтожение в себе “ветхого человека”, очищение от грехов» [Козина, 2019, с. 22]. Закономерно в этой связи, что проступки героев «Ледохода», записанные в «Книге грехов», аннулируются: *«— А книжка-то грехов наших, поди, вовсе размокла у тебя, пропала, а?»* — радуется Осип. — *«Эта книжка — точно кирпич за назухой у меня; незаметно вынув, я швыряю ее далеко в реку, и она шлепается о темную воду, как лягушка»* (Максим Горький. Ледоход. 1951. С. 35, 36).

«Книга Ужасов» Залыгина, хоть и закопана, но не уничтожена. Корнилов неоднократно думает, не поехать ли в город Аул *«выкопать там из-под земли “Книгу Ужасов”, прочесть ее, а тогда и ужаснуться»* (Сергей Залыгин. После бури. 1986. С. 525). Спустя полвека, на пороге ядерного апокалипсиса он даже собирается дополнить «Книгу» *«заключительной записью»* (с. 700).

В «Жалобной книге» Е. Шварца, как и в залыгинской «Книге Ужасов», *«записаны все преступления преступников, все несчастья страдающих напрасно»* (Евгений Шварц. Жалобная книга. 2011. С. 485). Есть, впрочем, и разница. У «Жалобной книги» нет автора, но есть

читатели — странствующий рыцарь Ланцелот и «немногие другие», готовые «помочь тем, кому необходимо помочь», «и уничтожить тех, кого необходимо уничтожить» (там же, с. 406-407). У «Книги Ужасов» есть автор — полубезумный буровой мастер Иван Ипполитович, но нет читателя. Хранитель «Книги» Корнилов так и не решится заглянуть в нее. Жаловаться уже некому, ждать помощи неоткуда, остается только ужасаться. И именно в Ауле можно особенно отчетливо понять, что «мир если и можно спасти, так только содрогнувшись его погибелью» (Сергей Залыгин. После бури. 1986. С. 88).

Правда, когда Нина Всеволодовна выражает надежду на то, что «наступит что-нибудь другое», «другой мир», Корнилов уточняет: «Конец света! Согласитесь со мной — конец. Вот что наступит!». И героиня соглашается с ним: «Ах, как хорошо!» (с. 571).

Роман Залыгина, «суммирующий мысли писателя о 1920-х годах», назван «После бури», «и не было бы тут ничего интригующего, — пишет Григорий Аросев, — если бы роман не был закончен в 1985 году, то есть фактически *перед* бурей, хоть и совсем другой. Общий тон повествования — вновь драматический, едва ли не эсхатологический. По тексту можно понять, что Залыгин предчувствует новую катастрофу, только не лично для себя. Автор не знает, когда грянет новая буря, но она неизбежна» [Аросев, 2013] (курсив мой. — А.К.).

Каждый новый виток истории действительно связан с ужасом и ожиданием конца не просто этапа истории, но конца света.

Библиографический список

Аросев Г.А. Избранник судьбы // Новый мир. 2013. № 12. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2013/12/izbrannik-sudby.html

Бердяев Н.А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж, 1971.

Козина Т.Н. Эволюция пасхального архетипа. Тамбов, 2019.

Каскина Ю.У. Способность к преобразению как черта русского национального характера (по рассказу М. Горького «Ледоход») // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 1.

Пискунова С., Пискунов В. Между быть и не быть. Naturфилософский роман: опыт прочтения // Новый мир. 1986. № 5.

Пропп В.Я. Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998.

Скубач О.А. Два лика Алтая в литературе 1950–1960-х гг. // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв. Антология : в 5 т. Барнаул, 2012. Т. 4.

Топорков А.Л. Переправа // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.

Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.

Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.

Список источников

Блок А.А. Двенадцать // Блок А.А. Собрание сочинений : в 8 т. М. ; Л., 1960. Т. 3.

Горький М. Ледоход // Горький М. Собрание сочинений : в 30 т. М., 1951. Т. 11.

Залыгин С. После бури. М., 1986.

Шварц Е.Л. Обыкновенное чудо: пьесы, сказки. М., 2011.

References

Arosev G.A. *Izbrannik sud'by*. [The Chosen One of Fate]. In: *Novyy mir*. [New World]. 2013. No. 12. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2013/12/izbrannik-sudby.html

Berdyayev N.A. *Russkaya ideya: Osnovnyye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala XX veka*. [Russian Idea: Main Problems of Russian Thought in the 19th Century and the Beginning of the 20th Century]. Paris, 1971.

Kozina T.N. *Evolyutsiya paskhal'nogo arkheta*. [The evolution of the Easter archetype]. Tambov, 2019.

Kaskina YU. U. *Sposobnost' k preobrazheniyu kak cherta russkogo natsional'nogo kharaktera (po rasskazu M. Gor'kogo «Ledokhod»)*. [The ability to transform as a feature of the Russian national character (according to the story of M. Gorky "Ice drift")]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Kostroma State University]. 2018. Vol. 24. No. 1.

Piskunova S., Piskunov V. *Mezhdy byt' i ne byt'*. *Naturfilosofskiy roman: opyt prochteniya*. [Between being and not being. Naturphilosophical novel: reading experience]. In: *Novyy mir*. [New World]. 1986. No. 5.

Propp V.YA. *Morfologiya «volshebnoy» skazki. Istoricheskiye korni volshebnoy skazki*. [Morphology of the "magic" fairy tale. The historical roots of fairy tales]. Moscow, 1998.

Skubach O. A. *Dva lika Altaya v literature 1950–1960-kh gg*. [Two faces of Altai in the literature of the 1950s–1960s]. In: *Obraz Altaya v russkoy literature XIX–XX vv. Antologiya*. [The image of Altai in Russian literature of the 19th–20th centuries.]. Anthology: in 5 vols. Vol. 4. Barnaul, 2012.

Toporkov A.L. *Pereprava*. [Crossing]. In: *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'*. [Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1995.

Toporov V.N. *Prostranstvo i tekst*. [Space and text]. In: *Tekst: semantika i struktura*. [Text: semantics and structure]. Moscow, 1983.

Heidegger M. *Bytiye i vremya*. [Being and time]. Moscow, 1997.

List of Sources

Blok A.A. *Dvenadtsat'*. [Twelve]. In: *Blok A. A. Sobraniye sochineniy*. [Collected works]. In 8 vols. Vol. 3. Moscow ; Leningrad, 1960.

Gor'kiy M. *Ledokhod*. [Ice drift]. In: *Gor'kiy M. Sobraniye sochineniy*. [Collected works]. In 30 vols. Vol. 11. Moscow, 1951.

Zalygin S. *Posle buri*. [After the storm]. Moscow, 1986.

Shvarts Ye.L. *Obyknovennoye chudo: p'yesy, skazki*. [Ordinary miracle: plays, fairy tales]. Moscow, 2011.

СИБИРЬ КАК ПРОСТРАНСТВО (АНТИ)УТОПИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. СОРОКИНА*

Т.А. Бозумил

Ключевые слова: сибирский текст, интертекст, образ Алтая, Теллурия, доктор Гарин, С.Д. Кржижановский.

Keywords: Siberian text, intertext, image of Altai, Telluria, Doctor Garin, S. D. Krzhizhanovsky.

DOI 10.14258/filichel(2023)4-13

Сибирь неоднократно появляется и сходным образом осмысляется в художественных мирах В. Сорокина. Согласно наблюдениям Я. Войводич, в романах «Голубое сало», «Лед» и «Теллурия» — это «место великого изобретения, появления нового вещества» [Войводич, 2016, с. 242], обозначенного в заглавиях, что, конечно, дополнительно подчеркивает важность данного топоса для автора. Роль Сибири как источника нового опыта, знаний и пр. — одна из констант сибирского текста, в т.ч. утопической его составляющей. Развивая мысль исследователя, следует привлечь дополнительный контекст и уточнить *место* нахождения и *качество* (семантику) «волшебного» вещества или предмета.

В XXIII главе «Теллурии», фильме «Мишень» (2011), романе «Доктор Гарин» (2021) вещество / артефакт находятся не просто в Сибири, а в Горном Алтае (здесь уместно вспомнить о ресурсной и спасительной роли Алтая в научно-фантастическом мире И.А. Ефремова [Куляпин, 2011, с. 180]). Рельеф Южной Сибири создает столь необходимую для утопического пространства границу, обособляющую и охраняющую от остального мира. Немаловажен, пожалуй, и семантический ореол Алтая, связанный с версией этимологии топонима — «золото», т.е. нечто драгоценное, связанное с солнцем, священное.

Голубое сало, теллурические гвозди в творческих мирах Сорокина надежны исключительной значимостью и являются сильнейшими наркотиками. М. Липовецкий интерпретирует голубое сало как «материальную квинтэссенцию русской словесности», а лед / снег как материализацию

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00496, <https://rscf.ru/project/23-28-00496/>.
This work was supported by the Russian Science Foundation under grant no. 23-28-00496, <https://rscf.ru/project/23-28-00496/>.

дискурса, проявляя авторскую аналогию между наркотиками и литературой (дискурсом) [Сорокин, 2012, с. 235–236]. Сходным образом понимает суть вещества И. Калинин: «сконцентрировавшее перформативную мощь языка» (голубое сало) и являющееся «абсолютной кристаллической структурой идеального языка» (лед) [Калинин, 2012, с. 266].

Сибирская лаборатория, где производится голубое сало, в письме персонажа сравнивается в «замороженной дырой», называется «мерзлой О», напоминает вагину [Ковалев, 2012, с. 197]. Расположенная в горах Алтая Мишень — советский научно-технический объект — наделяет всякого, кто в ней переночует, вечной молодостью и осмысленностью собственного существования. Мишень в фильме отчетливо воплощает образ матки, пребывание в которой обеспечивает перерождение посредством обращения к коллективной исторической травме и ее преодоления [Кукулин, 2012, с. 215], подобно тому как в прозе Сорокина преодолевается догмат русской классики или любого иного дискурса.

Пространство Алтая в наибольшей степени представлено в романе «Доктор Гарин», где задействованы знакомые по предыдущим произведениям образы (волшебный предмет, утроба), сексуальные мотивы (соитие, оплодотворение), приемы (деконструкция, карнализация¹), жанры (утопия, дистопия, антиутопия). Преемственность алтайской темы наиболее очевидна при сопоставлении с романом «Теллурия».

Республика Теллурия — место, где добывается редкоземельный металл теллур, из которого изготавливают наркотические гвозди. Представленная глазами президента алтайская резиденция производит впечатление идиллии: летний пейзаж в окрестностях сакральной для алтайцев горы Кадын-Бажи (Белухи), счастливые отношения между верховной властью и пасторальными жителями, гармония с самим собой. В утрированном описании всеобщей благодати сквозит авторская ирония. Как верно подметила С.М. Козлова, Жан-Франсуа Токар уподоблен Антихристу [Козлова, 2023]. Словно падший ангел он «первый бросил вызов небесам, став летчиком», а затем возглавил «крылатый легион». На вершине высочайшей горы Алтая президент преисполнен демонической гордыни: «Мир лежал у его ног». Стремительный спуск с горы описан как полет «в желанную бездну» (Владимир Сорокин. Теллурия.

¹ Термин М. Липовецкого, произведен от лат. carnalis — «плотский, телесный», означает индивидуально сорокинский «метод деконструкции авторитетных дискурсов, символов и культурных нарративов», заключающийся в прямом и непрямом телесном воплощении метафор, языковых норм и скрытой логики дискурса (или развоплощении в случае обратной карнализации). По остроумному замечанию автора термина, он перекликается с карнализацией и канализацией [Липовецкий, 2012, с. 226].

2013. С. 225, 239–240). За романтическим французским названием дворца — L'Edelweiss Noir — кроется фашистская символика («Черный эдельвейс» — так назывались горнострелковые части вермахта и СС). Наркотическому соблазну Зверя покорилось почти все человечество.

Критик А. Долин отозвался о романе «Теллурия» как об экспериментальной анти-романной форме, где «каждая из глав была “первой главой” недописанного романа» [Долин, 2021]. Справедливость данного утверждения становится очевидной, если обратить внимание на сходство нарратива XXIII главы «Теллурии» и начала «Доктора Гарина». Здесь имеется в виду не только общность мироустройства двух романов: «Россия как ретрофутуристичное никогда, примиряющее дореволюционное, советское и современное» [Кириенков, 2021]. Фрагменты объединяет единство локации — Алтайские горы, тип замкнутого хронотопа (высокогорный дворец / санаторий), начальственный статус героев (президент / главврач), совпадающие приемы введения персонажей в текст и мир, благодаря чему Токар и Гарин формально сближаются. Начинается повествование с упоминания спинки (кровати / кресла), затем дан портрет через отражение в зеркале, герой (пере)одевается, представлена картина великолепных высокогорных видов из окна, упомянут глобус / карта Республики Алтай, в который(ую) воткнуты теллуровые гвозди / разноцветные булавки, идет размеренное описание режима дня, завершаемого сексуальной сценой. Оба 52-летних героя обладают фаллическими предметами, дающими власть над людьми: теллуровые гвозди / электрическая дубинка blackjack. Принципиальное различие лежит в использовании этой власти. Если Жан-Франсуа Токар демонически эгоцентричен, его забота о людях симулятивна, то Платон Ильич Гарин искреннее радеет о благе других, являясь наследником докторов-гуманистов И.С. Тургенева, А.П. Чехова, М.А. Булгакова, Б.Л. Пастернака. Симптоматично поведение героев в сходной «спортивной» ситуации. Там, где президент побеждает и присваивает мир (*«лежал у его ног»*), доктор *«шумно выдохнул, обнимая невидимый мир руками, прижимая к своей груди»* (с. 61)², как бы отечески его оберегая и защищая.

Идиллическое существование президента Теллурии в горах Алтая исчерпывает содержание посвященной ему главы романа. Напротив, для доктора Гарина герметичный рай санатория служит отправной точкой последующих странствий. «Алтайские кедры» по некоторым параметрам уподоблены санаториям курорта Белокуриха (ландшафт, аэротерапия, грязелечение, радоновые и пихтовые ванны и пр.), по

² Здесь и далее в круглых скобках указываются страницы по изданию: Сорокин В. Доктор Гарин. М., 2021.

другим — альпийской туберкулезной лечебнице в «Волшебной горе» Т. Манна (панорама идеологий и пр.). Роман немецкого писателя заканчивается сценой из Первой мировой войны 1914 г. Описание сражения, как видится, является подтекстом характеристики последствий атомного взрыва в романе Сорокина. Сравним:

«Они бросаются наземь, когда на них с воем летит снаряд, снова вскакивают и спешат дальше с по-юношески срывающимися криками, радуясь, что в них не попало. Но потом снаряд попадает, и они валятся, взмахивая руками, раненные в лоб, в сердце, в живот. <...> А лес высылает новых, и те тоже бросаются наземь, и вскакивают, и с криком или молча, спотыкаясь, спешат вперед между выбывшими из строя» (Томас Манн. Волшебная гора. 1959. С. 526).

«Гул и треск наполняли воздух. И бор редел на глазах: это рушились кедрь, пораженные ударной волной. Десятки падали, увлекая за собой другие; выжившие отчаянно качались» (Владимир Сорокин. Доктор Гарин. 2021а. С. 106).

Сорокин как бы подхватывает и продолжает повествование в другой географической и исторической виртуальности, размыкает замкнутый микрокосм в странствие, увеличивая масштаб: от модели европейского общества до мирового социума.

Бегство сотрудников и пациентов из санатория инициировано началом очередной войны — взрывом атомной бомбы. Выбор оружия, видимо, не случаен. На вопрос об авторском названии приема деконструкции стиля Владимир Сорокин ответил: «Называю его “литабочка”»: литературная атомная бомбочка» (там же, с. 11). Собственно, в романе атомная бомба взрывает не только мирное существование персонажей, но и канон идиллии, запуская новую цепную реакцию деления группы людей и жанрово-стилевых мутаций.

Маршрут героя можно прочесть как движение из райского безвременья в историю и культуру. Дворяне алтайской усадьбы характеризуют текущее состояние так:

«— ... мы все варимся в собственном соку ...

— Нынче все в округе живут обособленно ... У всех свои стены, пушки.

— Своя этика и эстетика...» (с. 172).

Не удивительно, что путь доктора Гарина критики дружно характеризуют как странствие по архетипам национальной культуры: «герой пройдет по разным воплощениям русской утопии» [Биргер, 2021]; «через разные основополагающие русские хронотопы, исторические и культурные, на каждом этапе делая две вещи: выживая и спасая чужие жизни <...> ...посконная деревенская Россия, европей-

зированный аристократический дореволюционный мир, квазисоветский хтонический ГУЛАГ, постсоветская неряшливая утопия» [Долин, 2021]; «мы оказываемся на территории Солженицына, Шаламова, Пастернака (...Яхиной) — и получаем искусную пародию на лагерную прозу» [Кириенко, 2021]. По мнению А. Архангельского, с которым в общих чертах солидаризируется автор, роман представляет собой «путешествие-оплодотворение — сквозь русскую литературу: от Тургенева и Толстого до Чехова и Солженицына. Скитание по большому и размякшему телу русской литературы ... Гарин, обходит старые владения русской и советской литературы. Попутно он ее оплодотворяет, желая вернуть к жизни...» (Владимир Сорокин. Пятеро маяковских и четверо конных. 2021б).

Тяготение писателя к «обобщающим концепциям национальной идентичности» [Абашева, 2012, с. 203] сформулировано им вполне отчетливо в категориях пространства: «...магия географии, русская сакральность, анархия и деструктивность, — вот это все и образует для меня понятие “русская метафизика”» (цит. по: [Абашева, 2012, с. 203]). Представляет особый интерес дислокация «русского» именно в Сибири и на Алтае. Идея Сибири как квинтэссенции подлинной России — одна из мифологем сибирского текста. Существенно, что пространство Сибири долгое время было фронтиром, культурным пограничьем, тем самым расположением в нем изолированных хронотопических образований, через которые проходит герой пути, представляется исторически оправданным. Наконец, следует учитывать, что до начала освоения русскими Сибирь мыслилась как *terra incognita*, населенная невероятными мифическими существами. Данное обстоятельство создает необходимый культурный прецедент для размещения в регионе разного рода фантастических особей, сообществ, государственных образований.

Маршрут доктора Гарина к своему спасению и обретению утраченной возлюбленной Маши (аллюзия на тоску набоковского Ганина о Машеньке, символизирующей дореволюционную Россию) географически достоверен: спуск с гор Алтая в лесостепи, переправа через Катунь, движение на север в Барнаул, бегство по Оби (по плану — через Камень-на-Оби в Новосибирск), пребывание в плену в Барабинской низменности, перелет в Хабаровск. По тексту рассыпаны указания на другие реальные объекты, (некогда) расположенные на Алтае: р. Уба, Змеиногорский тракт, города Бийск и Шемонаиха (на настоящий момент территория Казахстана), села Тальменка и Землянуха (упразднено в 1974 г.). Время от времени упоминаются бренды Алтая и Сибири:

водка «Ермак», сигареты «Семь озер» и «Гора Белуха», форель из горных рек и т.д.

Локусы, через которые проходит герой, содержат дополнительные маркеры «сибирскости», помимо географически конкретной топонимики и реалистичного ландшафта (из которого выбивается упоминание каштанов и дубов, не растущих в естественных условиях на Алтае, что может быть прочитано как универсализация пространства). Так, утопическое сообщество анархистов поклоняется двум крупнейшим российским идеологам, в биографии которых реализованы важнейшие сибирские сюжеты: открытия и освоения Сибири, каторги, брачного союза. П.А. Кропоткин до ареста и бегства за границу был выдающимся географом, исследователем Сибири. Он открыл короткие пути из Забайкалья до среднего Амура и до витимских и олекминских золотых приисков, составил карту притока Амура — р. Сунгари, собрал материал для орографии Восточных Саян и изменил представления о тектоническом строении Сибири, обосновал теорию ледникового периода [Петренко, 2022]. М.А. Бакунин был приговорен на вечное поселение в Западную Сибирь, откуда сбежал через Японию и США в Европу. Любопытное совпадение, что жены обоих анархистов были родом из Томска.

Менее очевидна привязка к Сибири в следующей утопии дворянского гнезда. Помимо «снежной» фамилии графа — Сугробов, отсылкой выглядит возможный прототип астролога — Григорий Распутин, уроженец села Покровское Тюменского уезда Тобольской губернии.

Пожалуй, совсем отсутствует «сибирское» начало в *«Берендеевом царстве»* (Владимир Сорокин. Доктор Гарин. 2021а. С. 309) Матрешки (доминанта общерусского) и наркотическом трипе у витаминдеров (доминанта общеживого).

Цивилизация чернышей — *«грубой, предельно витальной и мощной в своей самодостаточности»* (с. 446) производной советских научно-технических экспериментов и доисторической хтони — расположена в болотах Барабинской низменности. Там же, где в XLVIII главе «Теллурии» создан симулякр СССР — Сталинская Советская Социалистическая республика, утопический *«остров сталинской мечты»*, отгороженный и защищенный от постимперского мира и губительный для всех несталинистов. Благополучно выжившие после наркотического трипа поклонники Отца Народов названы *«многочисленным племенем»* (с. 452, 463). Эта метафора разворачивается в «Докторе Гарине» в сообщество существ *«каменного века»* (с. 421), поклоняющихся не кресту (что имитируется в *«сталинском рае»*), а топору. *«Чернышевская страна»* (с. 241) за счет названия и темы каторжного труда прозрачно увя-

зывается с социал-утопическими построениями Н.Г. Чернышевского, оказавшими существенное влияние на мировоззрение основателей реального СССР, и биографией революционера, сосланного за свои взгляды в Сибирь. Географическое тождество расположения аналогов СССР (Барабинская низменность) подчеркивает бинарную оппозицию: раеподобная утопия в «Теллурии» противостоит адской дистопии в «Докторе Гарине». Однако это противопоставление иллюзорно: прекрасное и ужасное с легкостью оборачиваются друг другом. Это относится не только к сопоставлению фрагментов двух романов, но и к внутри-текстовому устройству главы «Белая ворона». Так, отношения Гарина и Альбины на фоне лагерного террора спроецированы на романтическую поэму А.С. Пушкина «Кавказский пленник» и элегический финал рассказа А.П. Чехова «Дом с мезонином» (не случайно, наверное, профессор из Омска и сосед по нарам назван Антоном).

Шаткость всех утопических миров, сквозь которые проходит герой, подспудно ощущается персонажами. После взрыва атомной бомбы Ангела говорит, что для лечения был выбран *«казалось бы, самый тихий, красивый и спокойный уголок на планете — Горный Алтай»*, — и подытоживает: *«Ваше имение (графа Сугрובה. — Т.Б.) дышит покоем, благополучием и гостеприимством. И мне очень хочется, чтобы это не было иллюзией»* (с. 177–178). Очевидно, что если лагерь «Свобода», усадьбу Сугробовых, поместье Матрешки нужно защищать при помощи оборонительных укреплений и оружия, то рано или поздно утопический мир будет разрушен. Как оказался уничтожен санаторий в горах Алтая и аквамир — *«водный рай»* (с. 284) — в Барнауле.

Путь доктора Гарина через (сомнительные) утопии и дистопию завершается относительно счастливым финалом, географически смещенным в Хабаровск. Алтай утрачивает семантику пространства счастья, передавая эстафету далее на восток, подобно тому, что произошло с легендарным Беловодьем в связи с освоением русскими Сибири.

Логику происходящих с героем и пространством изменений можно проследить через динамику телесного образа, так сказать, «мануальный» сюжет. В идиллических «Алтайских кедрах» Гарин тщательно ухаживал за руками: мыл, вытирал, подпиливал ногти, смазывал кремом, разминал (с. 508). В утопических мирах лечил ими, проникая в сокровенные анально-вагинальные сферы. В *«уродливом, зловеще-безумном мире»* дистопии спасал психику от ужасов бытия врачеванием и советом учителя: *«... смотрите только на руки хирурга... И тошнота пройдет <...> И он сфокусировался на собственных руках, лечащих заключенных»* (с. 457). Слушая Моцарта в самолете, уносящем его в Хабаровск, он рассматривает свои

натруженные огрубевшие руки и думает о том, что это «совсем другая музыка», суровая и завораживающая, на фоне которой «вечно прекрасный Моцарт кажется легковесным дерьмом» (с. 508–509). Мануальный сюжет романа местами дословно воспроизводит рассказ С.Д. Кржижановского «Сбежавшие пальцы» (1922), в котором идеалистическая концепция искусства сталкивается с материалистической и утверждается мысль о необходимости познания художником обыденной низкой сферы жизни для достижения подлинно реальных смыслов. И рассказ, и роман формально завершаются хэппи-эндом: музыкант воссоединился с кистью руки, Гарин — с Машей. Но, по сути, произошедшие и с руками, и с героями изменения, обусловленные погружением в боль и грязь бытия, оказываются необратимыми, несмотря на лечение и гигиенические процедуры. Человек, прошедший через горнило испытаний (анти)утопическими мирами / дискурсами, стоически, смиренно и милосердно принимает реальность текста и текст реальности: «*Это наш мир. Самый лучший мир во Вселенной*» (с. 534).

Итак, Владимир Сорокин использует традицию осмысления Сибири и Алтая как пространства утопического. Автор доводит до предела канонические для сибирского текста мотивы и образы, представляя Сибирь ценностно дифференцированным пространством, где расположены амбивалентные утробно-утопические локусы, порождающие / поглощающие ценное вещество / предмет / существо, которое также функционирует двойственно: спасая и губя. Алтай обычно концентрирует в себе положительные смыслы, которые регион, однако, утрачивает, стимулируя продвижение героя на восточные рубежи страны, из (дис)утопии в (условную) реальность.

Библиографический список

Абашева М.П. Сорокин нулевых: в пространстве мифов о национальной идентичности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 1 (17).

Биргер Л. Титановые ноги, 1917 год и врачевание задниц: каким получился свежий роман Владимира Сорокина «Доктор Гарин» // Правила жизни. 2021. 28 апреля. URL: <https://www.pravilamag.ru/letters/259123-titanovye-nogi-1917-god-i-vrachevanie-zadnic-kakim-poluchilsya-svezhiy-roman-vladimira-sorokina-doktor-garin/>

Войводич Я. Миф и неомифологическое сознание. Образ Сибири как пространства будущего в текстах В. Сорокина и В. Пелевина // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топысы, жанровые формы XIX–XX веков. М., 2016.

Долин А. Владимир Сорокин и «Доктор Гарин» // Издательство CORPUS. 2021. 05 мая. URL: <https://www.corpus.ru/press/sorokin-doktor-garin-anton-dolin.htm>

Калинин И. Владимир Сорокин: ритуал уничтожения истории // Новое литературное обозрение. 2013. № 2.

Кириенков И. Опять метель: каким получился «Доктор Гарин» Владимира Сорокина // РБК : Стиль . 2021. 27 апреля. URL: <https://style.rbc.ru/impressions/6087e1099a7947ebd05f911e>

Ковалев М. Пустые слова? Функции ненормативной лексики в романе В. Сорокина «Голубое сало» // Новое литературное обозрение. 2013. № 1.

Козлова С.М. Сибирь, Алтай в постапокалиптическом дискурсе современной прозы // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2023. Вып. 10.

Кукулин И. Техногенная матка истории // Новое литературное обозрение. 2013. № 1.

Куляпин А.И. Мифы Ивана Ефремова // Сибирские огни. 2011. № 3.

Липовецкий М. Сорокин-троп: карнализация // Новое литературное обозрение. 2013. № 2.

Петренко Т. Лед и пламень: как анархист Петр Кропоткин зарыл в землю свой талант // Русское географическое общество: официальный блог на Дзен. 2022. 12 декабря. URL: https://dzen.ru/a/Y5dATZp07Dy103Fj?share_to=telegram

Список источников

Манн Т. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. М., 1959.

Сорокин В. Доктор Гарин. М., 2021а.

Сорокин В. «Пятеро маяковских и четверо конных» / интервьюер А. Архангельский // Новая газета. 2021б. 16 апреля. URL: <https://www.corpus.ru/press/izdatel-corpus-vyvodit-prikllyuchen-roman-vladimira-sorokina-doktor-garin.htm>

Сорокин В. Теллурия. М., 2013.

Сорокин В. «Я путешествую по моим внутренним литературным провинциям» / интервьюер Б. Орехов // Гипертекст. 2006. № 6. URL: <http://nevmenandr.net/personalia/sorokin.php>

References

Abasheva M.P. *Sorokin nulevykh: v prostranstve mifov o natsional'noy identichnosti*. [Sorokin of the 2000s: in the Space of Myths about National Identity]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya*

filologiya. [Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology]. 2013. No. 1 (17).

Birger L. *Titanovye nogi, 1917 god i vrachevanie zadnits: kakim poluchilsya svezhiy roman Vladimira Sorokina «Doktor Garin»*. [Titanium legs, 1917 and the Healing of Asses: How Did Vladimir Sorokin's Fresh Novel "Doctor Garin" Turn Out]. In: *Pravila zhizni*. [Rules of Life]. 2021. April 28. URL: <https://www.pravilamag.ru/letters/259123-titanovye-nogi-1917-god-i-vrachevanie-zadnic-kakim-poluchilsya-svezhiy-roman-vladimira-sorokina-doktor-garin/>

Voyvodich Ya. *Mif i neomifologicheskoe soznanie. Obraz Sibiri kak prostranstva budushchego v tekstakh V. Sorokina i V. Pelevina*. [Myth and Neo-Mythological Consciousness. The Image of Siberia as a Space of the Future in the Texts of V. Sorokin and V. Pelevin]. In: Kovtun N. V. (Ed.) In: *Sibirskaya identichnost' v zerkale literaturnogo teksta: tropy, toposy, zhanrovye formy XIX–XX vekov*. [Siberian Identity in the Mirror of a Literary Text: Tropes, Topoi, Genre Forms of the 19th–20th Centuries]. Moscow, 2016.

Dolin A. *Vladimir Sorokin i «Doktor Garin»*. [Vladimir Sorokin and "Doctor Garin"]. In: CORPUS. [CORPUS]. 2021. May 05. URL: <https://www.corpus.ru/press/sorokin-doktor-garin-anton-dolin.htm>

Kalinin I. *Vladimir Sorokin: ritual unichtozheniya istorii*. [Vladimir Sorokin: the Ritual of the Destruction of History]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie*. [New Literary Observer]. 2013. No. 2.

Kirienkov I. *Opyat' metel': kakim poluchilsya «Doktor Garin» Vladimira Sorokina*. [Again a Snowstorm: How Did Vladimir Sorokin's Doctor Garin Turn Out]. In: *RBK: Stil'*. [RBC: Style]. 2021. April 27. URL: <https://style.rbc.ru/impressions/6087e1099a7947ebd05f911e>

Kovalev M. *Pustye slova? Funktsii nenormativnoy leksiki v romane V. Sorokina «Goluboe salo»*. [Empty Words? Functions of Profanity in V. Sorokin's Novel "Blue Lard"]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie*. [New Literary Observer]. 2013. No. 1.

Kozlova S.M. *Sibir', Altay v postapokalipsicheskom diskurse sovremennoy prozy*. [Siberia, Altai in the Post-Apocalyptic Discourse of Modern Prose]. In: *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture*. [Altai Text in Russian Culture]. Barnaul, 2023. Iss. 10.

Kukulin I. *Tekhnogennaya matka istorii*. [Technogenic Uterus of History]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie*. [New Literary Observer]. 2013. No. 1.

Kulyapin A.I. *Mify Ivana Efremova*. [Myths of Ivan Efremov]. In: *Sibirskie ogni*. [Siberian Lights]. 2011. No. 3.

Lipovetskiy M. *Sorokin-trop: karnalizatsiya*. [Sorokin-Trop: carnalization]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie*. [New Literary Observer]. 2013. No. 2.

Petrenko T. *Led i plamen': kak anarkhist Petr Kropotkin zaryl v zemlyu svoj talent*. [Ice and Fire: How the Anarchist Pyotr Kropotkin Buried His Talent in the Ground]. In: *Russkoe geograficheskoe obshchestvo*. [Russian Geographical Society]. Official Zen Blog. 2022. December 12. URL: https://dzen.ru/a/Y5dATZp07Dy103Fj?share_to=telegram

List of Sources

Mann T. *Sobranie sochineniy*. [Collected works]. In 10 vols. Vol. 4. Moscow, 1959.

Sorokin V. *Doktor Garin*. [Doktor Garin]. Moscow, 2021.

Sorokin V., interviewer A. Arkhangel'skiy. «*Pyatero mayakovskikh i chetvero konnykh*». [“Five Mayakovskys and Four Horsemen”]. In: *Novaya Gazeta*. [New Newspaper]. 2021. April 16. URL: <https://www.corpus.ru/press/izdatel-corpus-vyhodit-priklyuchen-roman-vladimira-sorokina-doktor-garin.htm>

Sorokin V. *Telluriya*. [Telluria]. Moscow, 2013.

Sorokin V., interviewer B. Orekhov. «*Ya puteshestvuyu po moim vnutrennim literaturnym provintsiyam*». [“I Travel Through My Inner Literary Provinces”]. In: *Gipertekst*. [Hypertext]. 2006. No. 6. URL: <http://nevmenandr.net/personalia/sorokin.php>

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОМАНАХ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА «S.N.U.F.F.», «iPHUCK 10», «TRANSHUMANISM INC.»

Г.М. Алтынбаева

Ключевые слова: В. Пелевин, «S.N.U.F.F.», «iPhuck 10», «TRANSHUMANISM Inc.», искусственный интеллект в литературе, гуманизм в литературе.

Keywords: V. Pelevin, “S.N.U.F.F.”, “iPhuck 10”, “TRANSHUMANISM Inc.”, artificial intelligence in literature, humanism in literature.

DOI 10.14258/filichel(2023)4-14

Когда в начале XXI в. активно заговорили об искусственном интеллекте [Пиковер, 2021; Эпштейн, 2004], не удивительно, что именно Виктор Пелевин смог отреагировать на эту проблему, потому что ему как постмодернисту всегда были интересны трансформации: антропоморфные герои, герои, живущие в виртуальном мире, контакты между человеком и машиной и др. Об этом на примере отдельных образов говорили критики и исследователи творчества Пелевина [Бенчич, 2019; Родионов, 2022; Роднянская, 2021; Хаги, 2023; Чернявская, 2013; Черняк, 2022; Янь, 2021].

Эти ожидания оправдались. «S.N.U.F.F.» (2011), «iPhuck 10» (2017), «TRANSHUMANISM Inc.» (2021)¹ — три романа из пяти, вышедших за 10 лет, описывают жизнь человека в цифровом мире наступившего будущего в окружении роботов разного уровня сложности (кукла с «электронной и механической начинкой»; «самоподдерживающаяся биосинтетическая машина класса „премиум 1“» («S.N.U.F.F.» С. 71); «полностью имитирующий человека андроид» («TRANSHUMANISM Inc.» С. 103); айфаки и андрогины; «вибраторы с искусственным интеллектом и голосовым управлением, подлаживающимся под желания хозяйки» («iPhuck 10». С. 8-9); «полицейско-литературный робот» с «полным отсутствием личного физического носителя» (Там же С. 8); виртуальный мозг и др.).

В связи с активно обсуждаемой сегодня в медиасреде проблемой влияния искусственного интеллекта на жизнь человека [Бевза, 2023;

¹ Указана дата первой публикации романов.

ВЦИОМ, 2022; Ларина, 2023; Лыков, 2023; Петрушова, 2023] в настоящей статье обратим внимание на то, как знаковый писатель современности Виктор Пелевин художественно дает свое понимание этого вопроса.

Все три названных романа Пелевина имеют ряд сходных черт в связи с интересующей нас темой.

Во-первых, все три романа имеют заглавия, отсылающие к сфере машин и искусственного интеллекта. «Снафы» — это фильмы, которые снимают летающие камеры-роботы, «iPhuck 10» — модель новейшего гаджета, «TRANSHUMANISM Inc.» — название корпорации, производящей искусственные чипы и QQкоды («кукухи»).

Во-вторых, романы сопоставимы на сюжетном уровне. Роман «S.N.U.F.F.» — это хроника, которую ведет в своих записях главный герой Дамилола, практически не выходящий из дома, летчик-«оператор live news», дистанционно через компьютер управляющий летающей камерой с дистанционными микрофонами, названной «Хенелора», она постоянно в управляемом или автоматическом режиме снимает видео (снафы) о событиях войны с орками «для вечности» и «для новостей». У Дамилолы есть любимая — робот-женщина Кая, которую он купил в кредит. И вся жизнь Дамилолы — это, по сути, «поклонение», любовь к «Хенелоре» и Кае.

Главный герой и рассказчик романа «iPhuck 10» — искусственный интеллект Порфирий Петрович, виртуальный робот-детектив, работающий по найму, раскрывающий преступления и пишущий об этом популярные романы.

В романе «TRANSHUMANISM Inc.» описывается далекое будущее, где весь мир — сплошная нейросеть, обычные люди живут с очипованными мозгами, а лучшие умы (финансовая и интеллектуальная элита) человечества находятся в банках в хранилище «далеко за границей под землей в Неваде» (Виктор Пелевин. 2023. С. 45)², т.е. «живут» в «загадочной вселенной банкиров» (с. 46), «волибном пространстве» (с. 47), купаются «в вечном счастье» (там же), это таинственные миры, которые возникают в нейросетевых кластерах («правители <...> давно переехали мозгами в банки» (с. 44), у «банкиров была своя сеть» (с. 47), «банкиры в банке» — такие словосочетания употребляются в романе в прямом (на сюжетном уровне) и переносном (на стилистическом уровне) значении).

В-третьих, романы близки на идейном уровне. Пелевин решает вопрос о сущности нашего мира. Романы описывают реальность, в которой все меняется, но относительно.

² Здесь и далее цитируются тексты следующих изданий романов: Пелевин В.О. S.N.U.F.F. М., 2012; Пелевин В.О. iPhuck 10. М., 2018; Пелевин В.О. TRANSHUMANISM Inc. М., 2023.

По определению Дамилолы, «любая реальность является суммой информационных технологий. Это в равной степени относится к звезде, угаданной мозгом в импульсах глазного нерва, и к оркской революции, о которой сообщает программа новостей» («S.N.U.F.F.») (Виктор Пелевин. 2012. С. 13). Порфирий Петрович констатирует, что реальность состоит из «перетекающих друг в друга безличных вибраций» «в виде ложных сущностей — плотных, неизменных и обособленных друг от друга „объектов“ („я“, „он“, „оно“ и так далее)» («iPhuck 10») [Пелевин, 2018, с. 5]. Повествователь романа «TRANSHUMANISM Inc.» констатирует: «Все течет, все меняется и остается таким, как было» (Виктор Пелевин. 2023. С. 8).

В-четвертых, романы Пелевина — о человеке, его самоидентичности. Человек показан и как разработчик искусственного интеллекта, бог нового цифрового мира, и как его заложник. В «S.N.U.F.F.» повествование ведется от лица человека, в «iPhuck 10» — алгоритма, а в «TRANSHUMANISM Inc.» — это несобственно-прямая речь Атона Гольденштерна, создателя и руководителя корпорации «TRANSHUMANISM Inc.», существующего в мире не телесно, а виртуально, как мозг, продолжающий жить после телесной смерти его обладателя. Каждый из трех рассказчиков считает себя выше других.

Герой-рассказчик романа «S.N.U.F.F.» представляет себя в жанре, синтезированном из исповеди и философского трактата: «Несколько слов о себе. Меня зовут Демьян-Ландульф Дамилола Карпов. <...> Мои друзья называют меня просто Дамилола. Если говорить о моей культурной и религиозно-политической самоидентификации <...>, я пост-антихристианский мирянин-экзистенциалист, либеративный консервал, влюбленный слуга Маниту и просто свободный неангажированный человек, привыкший обо всем на свете думать своей собственной головой. Если говорить о моей работе, то я — создатель реальности. <...> Так вот, я — это одновременно глаз, нерв и вирус. А еще средство доставки глаза к цели и (перехожу на нежный шепот) две скорострельных пушки по бокам» (Виктор Пелевин. 2012. С. 12-13).

«Автопортрет» Порфирия Петровича — синтез повествования, инструкции и авторефлексии: «Алгоритм — то есть я... <...> С известными оговорками, я и есть то, что люди прошлого называли „искусственным интеллектом“. Чего они не понимали, люди прошлого — это того, что искусственный интеллект вовсе не будет роботом с лампочкой на голове, которому захочется трахнуть в провода другого робота с лампочкой, о чем прослезившееся человечество немедленно снимет многосезонный сериал. Искусственный интеллект — это

бестелесный и безличный дух, живущий в построенной человеком среде — код, свободно копирующий и переписывающий свои секвенции и большую часть времени не сосредоточенный нигде конкретно. Это ничто через букву „е“ (или нечто через букву „и“), опирающееся на волну и поток, перемещающееся со скоростью света сквозь схлопывающееся в точку пространство в моменте, где никакого времени нет. Другими словами, моя физическая природа трудноуловима» («iPhuck 10») (Виктор Пелевин. 2018. С. 6-7).

Несобственно-прямая речь Атона Гольденштерна напоминает политическую предвыборную речь или рекламный текст: *«Мозг не может отличить настоящие от поддельных. Вернее, электричество просто не бывает настоящим и поддельным. Смоделировать такие сигналы нелегко. Но эту задачу решили нейросети корпорации „TRANSHUMANISM Inc.“ — единственной на планете организации, которой разрешено собирать AI когнитивностью выше трех мегатюрингов. Соединить мозг со внешней церебральной сетью, имитирующей одновременно и тело, и мир, оказалось серьезным вызовом — но уже на третьем поколении церебральных чипов задача была решена. Остальное вы знаете. Человеческая цивилизация стала постепенно принимать знакомые нам формы...» («TRANSHUMANISM Inc.»)* (Виктор Пелевин. 2023. С. 33).

Пелевин показывает одновременно, как человека повсюду обслуживают слуги-биороботы (в романе «TRANSHUMANISM Inc.» они названы «холопами»), но и как человек становится слугой робота, инструктором по его обслуживанию.

В «S.N.U.F.F.» не человек Дамилола управляет роботом Каей, а Кая подчиняет себе хозяина, манипулируя его сексуальной зависимостью от нее. Дамилола признается, что поступки Каи «причиняли моему сердцу невыносимую боль». Если в начале романа мы видим, что Дамилола, хотя и постоянно замечает, но не придает значения *«революционному бормотанию»* Каи и интересу Каи к орку Грыму, потому что якобы *«по совокупности настроек Кае приходилось жалеть орков»*, но на самом деле потому, что их с Каей «семейный» мир его захватывал и одухотворял (*«Кая постоянно держала меня на границе нервного срыва — не говоря уже о моих интеллектуальных возможностях»*) (Виктор Пелевин. 2012. С. 153)), то в конце истории он чувствует себя «обманутым мужем», способным на убийство, но и оно оборачивается пародией: взрыв заменяется на фейерверк. В финале романа Дамилола признается: *«Не знаю, кого из них двоих я любил сильнее — „Хенелору“ или Каю»* (Виктор Пелевин. 2012. С. 583).

Алгоритм литературно-полицейского робота Порфирия Петровича *«выполняет две функции. Первая — раскрывать преступления, наказывая зло и утверждая добродетель. Вторая — писать об этом романы, незаметно подмешивая в сухой полицейский протокол яркие брызги и краски из культурной палитры человечества. <...> Полученные таким образом детективные романы цензурируются редакторами-людьми с целью сократить избыточную информацию и убрать обидную для человека правду. Наш продукт чаще всего портят, — говорит Порфирий Петрович, — но это неизбежно и даже необходимо. Совершенство мысли, стиля и слога унижает читателя и провоцирует разлив желчи у критика» («iPhuck 10»)* (Виктор Пелевин. 2018. С. 9). Героиня свое состояние (*«оказалось много денег, чтобы оплатить загробную роскошь на много сотен лет»* (с. 401)) завещала *«своему айфаку-10»* (с. 400).

Если в раннем романе Пелевина «Generation „П“» писатель Вавилен Татарский становится криэйтором, то в романе «TRANSHUMANISM Inc.» место людей творческих профессий занимают филокоучи. *«Стихи для поздравлений нормально писала и нейросеть-трешка, но получить их от живого филолога было, конечно, престижней»* (Виктор Пелевин. 2023. С. 10), *«Но вообще-то филокоуч давно отжил свое: его держали в лицее для шика, примерно как швейцара с длинной волнистой бородой»* (с. 11).

При тотальном превосходстве роботов Пелевин оставляет за человеком право удивлять. Грым и Дамилола способны на такие сильные чувства, что это меняет судьбу мира, Порфирий Петрович постоянно ошибается в своем понимании человеческой натуры,

В-пятых, в романах Пелевина сатирически показана проблема гедонизма. Человек делает все (берет кредиты, идет на невероятные махинации, соглашается на эксперименты, отказываясь от физического существования и т.д.), изобретает искусственный интеллект, чтобы доставить себе удовольствие. Но в результате работы и алгоритмы, которые по инструкции должны удовлетворять первобытные запросы человека, обходят его в эволюции и манипулируют человеческими слабостями для исполнения собственных «желаний». Пелевин, как писали критики [Родионов, 2022; Роднянская, 2021], вышел на бой с «пошлостью мира» [Бушуева, 2022], с упрощением и примитивизацией человеческого сознания и восприятия. Человек, становясь жертвой гедонизма, превращается в пародию и симуляцию самого себя.

Дамилола («S.N.U.F.F.») покупает в кредит дорогую модель робота Каю, программирует ее под себя для удовлетворения своих физических потребностей. Алгоритм Порфирий Петрович для удовольствия

клиентов является перед ними на экране в удовлетворяющем их «облике» (*«Алгоритм в своей основе создан людьми, и производимый им продукт рассчитан на других людей (предусмотрены даже описки, ошибки, необязательные повторения и изложение общеизвестного), поэтому неудивительно, что производимый таким образом текст кажется творением человека»* («iPhuck 10») (Виктор Пелевин, 2018, с. 6). В мире «TRANSHUMANISM Inc.» нервная деятельность человека оцифрована, в чипы и QQкоды (кукухи) встроены функции в определенные моменты счастья возможности видеть себя красивым, а в обратной ситуации внешний вид усугубляется чертами уродства, контролируется усиление определенных удовольствий, но и их набор и дозировка (*«Маня знала, что чип работает избирательно, откликаясь на личный профайл»*) (Виктор Пелевин. 2023. С. 36), *«кукуха ничего не знает. Она просто передает QQкод объекта в поле твоего восприятия на имплант»* (Виктор Пелевин. 2023. С. 41). А кроме того, люди в романе «TRANSHUMANISM Inc.» существуют ради того, чтобы *«поднять социальный индекс»* (Виктор Пелевин. 2023. С. 17), *«социальную мотивацию человека»* [Пелевин, 2023, с. 34]. Все это ветви трансгуманизма — создание нового человека и его социальная ориентация. *«Зачем их (мысли. — Г.А.) читать, когда можно сразу писать?»* (Виктор Пелевин. 2023. С. 43).

Один из важнейших вопросов, звучащих в романе «TRANSHUMANISM Inc.»: *«С чего начинается человек?»* (Виктор Пелевин. 2023. С. 7). В тексте, в котором человека меньше всего, где человек — только функция, автор наиболее остро размышляет над проблемой всемирного гуманизма и всеобщей человечности.

Погружаясь в «техно»-мир, Пелевин от романа к роману описывает человечество сагирично и в то же время трагично, что влияет и на жанровую природу текстов Пелевина. Это постмодернистские романы, но можно проследить в них и черты антиутопии [Воробьева, 2009; Долгих, 2017; Ковтун, 2021; Черняк, 2006; Юрьева, 2009].

В романе «TRANSHUMANISM Inc.» автор обращает внимание на тотальную цифровизацию, которая включает чипизацию и пользование услугами искусственного интеллекта. И в «S.N.U.F.F.», и в «iPhuck 10», и в «TRANSHUMANISM Inc.» показано, как элита берет на себя право управлять не только желаниями рядового человека, но и его судьбой.

В конце романа «S.N.U.F.F.» Дамилола, с одной стороны, признает, что Кая — *«просто резиновая кукла»* (Виктор Пелевин. 2012. С. 604), с другой стороны, он остается с неразрешенным вопросом: *«зачем тогда Маниту резиновая кукла по имени „человек“? И зачем Маниту желал, чтобы нам было больно, когда о нас гасят окурки? Увы, ответов*

нет» (с. 604). Размышление о человеческой жизни как личном выборе существования с ошибками и с болью Пелевин продолжит в «iPhuck 10». В эпилоге Порфирий Петрович задается «*проклятыми вопросами*»: «*Что есть твое сознание, человек, как не вместителище боли? И отчего самая страшная твоя боль всегда о том, что твоя боль скоро кончится? Этого не понять мне, тому, кто никогда не знал ни боли, ни радости... Какое же счастье, что меня на самом деле нет! Конечно, искусственный интеллект сильнее и умнее человека... <...> Есть одно, только одно, в чем этот разум никогда не превзойдет людей. В решимости быть. <...> Человек не решает, быть ему или нет. Он просто некоторое время есть...*» (Виктор Пелевин. 2018. С. 407–408). В финале романа словами: «*Жить ой. Но да*» (там же, с. 413).

Один из эпиграфов к роману «TRANSHUMANISM Inc.» настраивает читателя на «философское» размышление о бытии: «*Главный вопрос, который ставит перед нами будущее — это кого туда пустить*» (Виктор Пелевин. 2023. С. 5). Финальные строки задают композиции романа кольцевую структуру — конец как «*начало очередного программного цикла*» (с. 603), «*новое низвержение к узким и слепым человеческим смыслам*» (с. 604): Гольденштерн наблюдает «*золотую звезду его судьбы*», «*по условиям симуляции*» это было не первый раз, так как роль этого «*искусственного баночного интеллекта на бионосителе*» бесконечное количество раз «*заряжать ГШ-слово своей надеждой, лукавством, хитростью, завистью, злобой и торжеством*» (с. 603), забывать и снова «заряжать».

Вопрос о праве человека или искусственного интеллекта в отборе человеческого материала ради сохранения генофонда и человечества в целом остается открытым. И чем восторженнее сейчас говорят о способностях роботов и возможностях нейросети, тем более остро, как мне кажется, звучит сатирический и саркастический голос Пелевина. Логическая сортировка мозгов, на которую способна машина, противопоставлена человеческой природе, порой не поддающейся никакой логике, — потому логичной машине и не обойти нелогичного, импульсивного человека. Остро стоящая проблема нового гуманизма не решена. Пелевин тоже пока не дает окончательного решения, возможно, оставляя эту задачу для следующего романа.

Анализ романов убеждает, что Пелевина не только очень интересуют искусственный интеллект и его границы, но и волнует проблема полноценного существования человека. Философские размышления, включенные в сюжет романов, в монологи героев, повествователей, — это непрерывный монолог Пелевина, связывающий его тексты в один метатекст о границах между жизнью и искусством, реальностью и вымыслом, человеком и его творениями.

Библиографический список

Бевза Д. Где проходит граница возможностей искусственного интеллекта (запись от 19.07.2023). URL: <https://rg.ru/2023/07/19/gde-prohodit-granica-vozmozhnostej-iskusstvennogo-intellekta.html>

Бенчич Ж. К вопросу о конце человека: постчеловек в любви // НЛО. 2019. № 5 (159).

Бушуева М. «Выйти на бой с пошлостью мира...» // Литературная газета. 2022. № 7 (6821). 16 февраля.

Воробьева А.Н. Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии : дисс. ...докт. филол. н. Саратов, 2009.

ВЦИОМ. Искусственный интеллект: угроза или светлое будущее? (запись от 28.12.2022). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-ugroza-ili-svetloe-budushchee>

Долгих Ю. Утопия и антиутопия: научная фантастика и действительность. Киров, 2017.

Ларина Е., Овчинский В. Искусственный интеллект вновь вышел в число наиболее обсуждаемых мировых проблем (запись авторского блога от 23.07.2023). URL: https://zavtra.ru/blogs/iskusstvennij_intellekt_vnov_vishel_v_chislo_naibolee_obsuzhdaemih_mirovih_problem

Лыков В. «Все умрут, включая детей». Как искусственный интеллект изменит интернет и почему этого боится даже Илон Маск (запись от 06.04.2023). URL: <https://lenta.ru/articles/2023/04/06/evilgpt/>

Неонов В. Убьет ли нас искусственный интеллект: Какие меры должно принять человечество, чтобы обезопасить себя (запись от 21.04.2023). URL: https://www.vedomosti.ru/science/future_technologies/articles/2023/04/20/971870-ubet-li-nas-iskusstvennii-intellekt

Петрушова С. Названы риски массового использования искусственного интеллекта: почему некоторые страны хотят его запретить (запись от 19.06.2023). URL: <https://www.mk.ru/social/2023/06/19/nazvany-riski-massovogo-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-pochemu-nekotorye-strany-khotyat-ego-zapretit.html>

Пиковер К. Искусственный интеллект. М., 2021.

Родионов И. На дно, к звездам. Заметки об отечественной литературе 2019–2022 гг. М., 2022.

Роднянская И. Сомелье Пелевин (и соглядатаи) // Роднянская И.Б. Книжная сотня: Малоформатная литературная критика с приложением «Четырех векторов внимания». М., 2021.

Утопический дискурс в русской культуре конца XIX — XXI века: литература, живопись, кинематограф : монография / науч. ред. Н.В. Ковтун. М., 2021.

Хаги С. Пелевин и несвобода: Поэтика, политика, метафизика / пер. с англ. Т. Пирусской. М., 2023.

Чернявская Ю.А. Традиции жанра антиутопии в повести В. Пелевина «S.N.U.F.F.» // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2013. № 2 (130).

Черняк М.А. Страхи будущего в современных антиутопиях // Universum: Вестник Герценовского университета. 2006. № 8.

Черняк М.А., Наумова Л.Н. Трансформация понятия «современность» в прозе Виктора Пелевина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44. № 7.

Эпштейн М. Гуманология: Экология человека и антропология машины // Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М., 2004.

Юрьева Л.М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы : монография. М., 2005.

Янь М. Творчество Виктора Пелевина в XXI веке : монография. Воронеж, 2021.

Список источников

Пелевин В.О. iPhuck 10. М., 2018.

Пелевин В.О. S.N.U.F.F. М., 2012.

Пелевин В.О. TRANSHUMANISM Inc. М., 2023.

References

Bevza D. *Gde proxodit granicza vozmozhnostej iskusstvennogo intellekta*. [Where is the artificial intelligence capabilities' limit]. URL: <https://rg.ru/2023/07/19/gde-prohodit-granica-vozmozhnostej-iskusstvennogo-intellekta.html>

Benchich Zh. *K voprosu o konce cheloveka: postchelovek v lyubvi*. [On the question of the end of man: the postman in love]. In: NLO. 2019. No. 5 (159).

Bushueva M. «Vy`jti na boj s poshlost`yu mira...». [“To go out to fight with the world’s vulgarity...”]. In: *Literaturnaya Gazeta*. [Literary newspaper]. 2022. No. 7 (6821). February 16.

Vorob`eva A.N. *Russkaya antiutopiya XX — nachala XXI vekov v kontekste mirovoj antiutopii*. [The XX — early XXI centuries Russian dystopia in the world dystopia context: dissertation]. Thesis of Doct. Philol. Diss. Saratov, 2009.

VCIOM. *Iskusstvennyj intellekt: ugroza ili svetloe budushhee?* [Artificial intelligence: a threat or a bright future?]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-ugroza-ili-svetloe-budushchee>

Dolgix Yu. *Utopiya i antiutopiya: nauchnaya fantastika i dejstvitelnost'*. [Utopia and Dystopia: Science Fiction and Reality]. Kirov, 2017.

Larina E., Ovchinskij V. *Iskusstvennyj intellekt vnov' vyshel v chislo naibolee obsuzhdaemyh mirovyh problem*. [Artificial intelligence become one of the most discussed global problems again]. URL: https://zavtra.ru/blogs/iskusstvennij_intellekt_vnov_vishel_v_chislo_naibolee_obsuzhdaemih_mirovih_problem

Ly`kov V. «Vse umrut, vklyuchaya detej». *Kak iskusstvennyj intellekt izmenit internet i pochemu etogo boitsya dazhe Ilon Mask*. [“Everyone will die, including the children”. How artificial intelligence will change the Internet and why even Ilon Mask is afraid of it]. URL: <https://lenta.ru/articles/2023/04/06/evilgpt/>

Neonov V. *Ubjet li nas iskusstvennyj intellekt: Kakie mery dolzhno prinyat' chelovechestvo, chtoby obezopasit' sebya* [“Will artificial intelligence kill us”? What measures should humanity take to protect itself?]. URL: https://www.vedomosti.ru/science/future_technologies/articles/2023/04/20/971870-ubet-li-nas-iskusstvennii-intellekt

Petrushova S. *Nazvany riski massovogo ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta: pochemu nekotorye strany xotyat ego zapretit'* [The mass using of artificial intelligence risks are named: why some countries want to ban it]. URL: <https://www.mk.ru/social/2023/06/19/nazvany-riski-massovogo-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-pochemu-nekotorye-strany-khotyat-ego-zapretit.html>.

Pikover K. *Iskusstvennyj intellect*. [Artificial intelligence]. Moscow, 2021.

Rodionov I. *Na dno, k zvezdam. Zametki ob otechestvennoj literature 2019–2022 gg.* [To the bottom, to the stars. Notes on Russian literature 2019–2022]. Moscow, 2022.

Rodnyanskaya I. *Knizhnaya sotnya: Maloformatnaya literaturnaya kritika s prilozheniem «Chetyrex vektorov vnimaniya»*. [Book's hundred: Small-format literary criticism with the application of “Four attention vectors”]. Moscow, 2021.

Utopicheskij diskurs v russkoj kul'ture konca XIX — XXI veka: literatura, zhivopis', kinematograf. [Utopian Discourse in the late XIX–XXI centuries Russian Culture: literature, painting, cinema: monograph]. Moscow, 2021.

Xagi S. *Pelevin i nesvoboda: Poe`tika, politika, metafizika*. [Pelevin and Unfreedom: Poetics, Politics, Metaphysics]. Moscow, 2023.

Chernyavskaya Yu.A. *Tradicii zhanra antiutopii v povesti V. Pelevina «S.N.U.F.F.»*. [The dystopian genre traditions in V. Pelevin's novella “S.N.U.F.F.”]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. 2013. No. 2 (130).

Chernyak M.A. *Straxi budushego v sovremennykh antiutopiyah*. [Fears of the future in modern dystopias]. In: *Universum: Vestnik Gercenovskogo universiteta*. [UNIVERSUM: Bulletin of the Herzen University]. 2006. No. 8.

Chernyak M.A., Naumova L.N. *Transformaciya ponyatiya «sovremenost'» v proze Viktora Pelevina*. [The concept of “modernity” transformation in Victor Pelevin’s prose]. In: *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2022. T. 44. No. 7.

Epshtejn M. *Gumanologiya: Ekologiya cheloveka i antropologiya mashiny*. [Humanology: Human Ecology and Machine Anthropology]. In: *Znak_probela: O budushhem gumanitarnykh nauk*. [Sign_probel: About the future of the Humanities]. Moscow, 2004.

Yurjeva L.M. *Russkaya antiutopiya v kontekste mirovoj literatury*. [Russian Dystopia in the World Literature’s context: monograph]. Moscow, 2005.

Yan’ M. *Tvorchestvo Viktora Pelevina v XXI veke*. [Victor Pelevin’s creativity in the XXI century.]. Voronezh, 2021.

List of Sources

Pelevin V.O. *iPhuck 10*. Moscow, 2018.

Pelevin V.O. *S.N.U.F.F*. Moscow, 2012.

Pelevin V.O. *TRANSHUMANISM Inc*. Moscow, 2023.

ЛЮДИ. ФАКТЫ. СОБЫТИЯ

КУЛЬТУРА НАПИСАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: НОРМЫ, ПРИНЦИПЫ, ПРАВИЛА. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Е. ЗВОНЦОВОЙ «ПРИЧЕШИ МЕНЯ. ТВОЙ ТЕКСТ. РЕДАКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ: ОТ СТИЛЯ ДО СЮЖЕТА». М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО МИФ, 2022. 352 С.

Т.А. Семилет

Ключевые слова: текст, редактирование, стиль, рецензия.

Keywords: text, editing, style, book review.

DOI 10.14258/filichel(2023)4-15

Книга Екатерины Звонцовой — оригинальное авторское руководство по созданию художественных текстов. Автор вводит читателей в культуру его написания, т.е. в сферу норм, правил и принципов писательского мастерства.

Главное впечатление от книги — достоверность изложения: автор пишет о том, что хорошо знает, тонко чувствует и в чем прекрасно разбирается. Она подробно анализирует и иллюстрирует примерами ошибки в текстах и способы их устранения, правила построения сюжета и те ловушки, в которые часто попадают создатели художественных произведений. Да и сам текст книги свидетельствует о виртуозном владении автором литературным мастерством.

Хороший стиль, по мнению автора рецензируемой книги, предполагает, что текст написан Грамотно, Богато, Ритмично, Удобочитаемо, Игриво, Смело, Оригинально. Именно так, каждое качество с заглавной буквы.

Кстати сказать, стиль данной книги-руководства соответствует всем этим критериям, к которым следует еще добавить Яркость и Живость. Во многом этому способствуют персонификация и зооморфизации литературных элементов, т.е. отношение к языку, тексту, их элементам как к живым существам: «гонка белки в колесе незакрытых гештальтов», «сколько прилагательных можно нанизать на существительное, чтобы оно не кричало», «внутричерепной хомяк», «заигравшись, мы рискуем породить пару чудовищ, и сами же потом расстраиваемся, если никто

их не полюбит», «давайте же ловить гусей», «слова-близнецы», «приятной прогулки по языковому лесу», «змеи и гуси нравятся не всем, но если они нравятся вам, ищите к ним свой подход», «странные монстры типа «скрипя сердцем»», «иначе замена сожрет ваши дефисы. Ей все равно, она вечно голодна и всеядна», «на пальме повествования сидит кто-то один».

И центральный образ, можно сказать, заглавный — уподобление художественного текста лохматому, растрепанному и грязному псу, которого надо подготовить к выставке: «Мы отправимся мыть, сушить, а главное, причесывать вашего пса. То есть роман. Или повесть. Или фанфик. Да что угодно, было бы желание» (с. 3). Этот образ проявляется в структуре книги, основные части которой посвящены нормам и правилам стиля и сюжета, что отражено в названиях «Лохматый стиль» и «Растрепанный сюжет».

Нормы, принципы, правила автор книги формулирует на основе собственного опыта и некоторым дает собственные интригующие названия. Например, 8 принципов продуктивной саморедактуры: *принцип горячего железа, принцип переменного тока, принцип благородного сыра, принцип денег и стульев, принцип горы Фудзи, вершина которой окутана туманом; принцип всплывающих лягушек, принцип забывчивых гостей, принцип хорошего песика.*

За этими названиями скрываются прозаические, но весьма полезные рекомендации и установки, согласно которым, прежде чем начать писать новую часть, следует «пригладить» предыдущий фрагмент; необходимо время от времени отвлекаться от текста на другие занятия для эмоциональной подпитки, дабы продолжить работу с новой силой; перед правкой нужно дать тексту «отлежаться», а мыслям успокоиться; не стоит править одновременно и сюжет, и стиль, сначала надо выправить сюжет, а потом обратиться к стилю; не торопиться видоизменять и особенно удалять какие-либо сцены и диалоги, пока текст не готов полностью, так как впоследствии они могут оказаться важными; прежде чем добавлять в сюжет новые сцены, надо приглядеться к имеющимся, из которых могут «вынырнуть» новые диалоги, внутренние монологи, метафоры; требуется осторожно обращаться с «дописками», которые могут оказаться чужеродными элементами в уже написанном тексте, подобно чужим вещам в шкафу, забытым кем-то из гостей; ну и не забывать определенным образом награждать себя за каждый преодоленный рубеж: за законченный кусок текста, за «затыкание» сюжетной дыры и, тем более, за завершение работы над книгой.

Екатерина Звонцова сама опытный и успешный писатель, ее литературное мастерство проявляется и в книге-руководстве. Она лексически и синтаксическими средствами имитирует спонтанность, хаотичность разговорной речи «этот поросен. текст», «согрешу самоповтором», «Антонио Сальери был зайнойкой», «Да, дорогие истребители».

Она вводит читателя в литературную писательскую индустрию посредством неологизмов: «Я стараюсь *подсвечивать* менее очевидные вещи, чем те, которые до меня миллион раз *подсветили* талантливые коллеги»; использует получивший второе рождение глагольный суффикс -ирова: «эмоционировать», «агрессировать», «футуризировать»; употребляет барбаризмы¹ литературной среды: «фанфики», «фандом», «книжный нейминг», «слоуберн», «шиппинг», «клиффхэнгер», «филлер», «бета-ридер».

Доверительности повествования способствует то, что оно ведется от первого лица: «Вот я, например, раньше просто очень любила слово “очень”. Очень-очень! Очень! Оч... ну вы поняли. И, если честно, сейчас тоже люблю», а вместо формального авторского «мы» употребляется реальное, объединяющее с читателями «Мы прошли путь Джедая и уже поняли».

Автор книги дает оригинальные определения терминов: «коннотация — это заряд слова», «символ — образ со вторым дном», «запретный плод — символ. То, как его сорвали и слопали, и чем все закончилось — уже метафора». Так же она поступает с разграничением фэнтези, мистики и мистического реализма: «фэнтези говорит: тебе нужно верить в мою систему мироустройства; мистика говорит: тебе нужно верить в темные силы и бояться их; магический реализм говорит: тебе можно верить в это. И в это. И в это. Но я ничего тебе не скажу, только намекну, а ты разбирайся сам».

Главное достоинство текста, по мнению Е. Звонцовой, — его достоверность (верибельность). Отсюда ее рекомендации и суждения: «избегайте канцеляритов», «говорильные глаголы вроде “сказал”, “спросил” не добавляют сцене живости, а иногда и крадут у нее динамику», «штампы снижают верибельность книги. Ее мир становится всего лишь текстом на клочке бумаги. А иногда там, где должно быть грустно и пронзительно, получается смешно и “ходульно”».

Приложения к основным частям текста содержат важные сведения и практические рекомендации для людей, пишущих художественные тексты. Их диапазон весьма широк: от философии языка до правил оформления текста. Так, в приложении формулируются «Пять общих законов, по которым живут язык, речь и стиль»: *закон системности, закон экономии языковых и речевых усилий, закон аналогии, закон традиции, закон антиномии книжной и разговорной речи.*

¹ Барбаризм — неправильный оборот речи, употребляемый под влиянием иностранного языка; иностранное слово, употребляемое там, где оно с успехом могло быть заменено выражением, взятым из своего языка // Словарь иностранных слов русского языка. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/7078/БАРБАРИЗМ

А в «Приложении 2» автор обращается к «прописям», проводит школу, скорее даже дает азбуку оформления текста: «Текст в книжках, как правило, выровнен по ширине, а каждый абзац начинается красной строкой. И первое, и второе делается через меню „Абзац“ редактора Word»; «Как делать точно не надо? Выравнивать текст по правому краю или по центру. Ставить между словами больше (или меньше) чем один пробел. Отбивать пробелами красную строку. Забывать пробелы после знаков препинания. Ставить пробелы перед знаками препинания, любыми, кроме тире». Автор также приводит правила употребления длинных тире, коротких тире и дефисов; особенности оформления диалогов и прямой речи, поясняет различие между кавычками-«елочками» и кавычками-«лапками» и даже указывает клавишные наборы: «Открывающая “лапка” ставится набором кода 201e и последующим нажатием Alt+X, а закрывающая — так же, но кодом 201c». Это уж для совсем начинающих.

Для «продвинутых» литераторов в книге предлагается отдельная инструкция, как рисовать карты к своим произведениям, «Большой гид по проработке миров (и бонусная инструкция по созданию книжных карт)», и уж совсем сложное руководство по конструированию языков. Это уже не азбука, и школа высшая, а не начальная.

Следует отметить еще важную «полезность» книги Звонцовой — аннотированный список литературы с пояснениями, что и в какой книге может пригодиться.

Книга, по заявлению автора, написана «для тех, кто еще пишет; для тех, кто уже дописал... и для тех, кто хочет знать, что с этим делать». И надо добавить, она представляет интерес и будет полезна всем без исключения создателям текстов, и не только художественных.

Библиографический список

Звонцова Е. Причеши меня. Твой текст. Редактура художественной прозы: от стиля до сюжета. М.: Издательство МИФ, 2022. 352 с.

Словарь иностранных слов русского языка. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/7078/БАРБАРИЗМ

References

Zvontsova E. Pricheshi menya. Tvoy tekst. Redaktura khudozhestvennoy prozy: ot stilya do syuzheta. [Comb me. Your text. Editing fiction: from style to plot] M.: IZDATELSTVO MIF, 2022. 352 p.

Slovar inostrannykh slov russkogo yazyka. [Dictionary of foreign words of the Russian language] URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/7078/БАРБАРИЗМ

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Н.Д. Голев, Н.Б. Лебедева. Филология как социальная деятельность. Часть 1: О профессии «филолог» и высшем филологическом образовании в России. Статья посвящена рассмотрению феномена «филология» как гуманитарной науки, рода социальной деятельности и элемента обыденного сознания. Названные компоненты составляют единство, которое мы обозначаем термином «современная ментально-языковая ситуация», в центре которой — филология как социальная деятельность. Важнейшими институтами социализации и официализации филологической деятельности являются система школьного и вузовского образования и право (трудовое законодательство, регулирующее профессиональную деятельность). Между названными институтами в СССР и РФ сложились противоречивые отношения, которые анализируются в статье. В этом социально-ментальном пространстве школьное образование функционально едино с обыденным метаязыковым сознанием, вузовское образование тяготеет к единству с научным метаязыковым сознанием. Полагаем и доказываем далее, что образовательные структуры «в лице» высших и средних учебных заведений осуществляют несистемный отклик на социально-общественные запросы к филологии как науке и как практической деятельности. Основным предметом исследования выступают причины и следствия несистемной институализации филологической деятельности в вузовском и школьном филологическом образовании.

N.D. Golev, N.B. Lebedeva. Philology as a Social Activity: Sociophilological Analysis of Mental and Linguistic Situation in Modern Russia. Part 1: About the Profession of “Philologist” and Higher Philological Education in Russia. The article is devoted to the consideration of the phenomenon of “philology” as a humanitarian science, a type of social activity and an element of everyday consciousness. The components named above constitute a unity, which we denote by the term “modern mental-linguistic situation”. In this study, philology as a social activity is placed at its center. The most important institutions of socialization and officialization of philological activity are the system of school and university education and law (labor legislation regulating professional activity). Complex and contradictory

relations have developed between these institutions in the USSR and the Russian Federation, which are analyzed in the article. In this socio-mental space, school education forms a functional unity with ordinary metalinguistic consciousness, while university education tends to some unity with scientific metalinguistic consciousness. We believe and prove further that educational structures “represented by” higher and secondary educational institutions carry out a non-systematic response to socio-public requests for philology as a science and as a practical activity. The main subject of the study is the causes and consequences of the non-systemic institutionalization of philological activity in university and school philological education.

К.И. Бринев, Н.И. Тюкаева. О прагматических свойствах высказываний с оскорбительной номинацией лица (лингвистическая экспертиза и инвективное функционирование языка). Статья посвящена описанию прагматических свойств высказываний с оскорбительной номинацией лица. Данная проблема является актуальной как в прикладном, так и в теоретическом аспектах. К настоящему времени не решен вопрос о характере описываемых речевых действий в семантическом и прагматическом отношении, в частности, остается до сих пор открытым вопрос, являются ли оскорбительные речевые действия специфическими речевыми актами и если являются, то к какому классу или классам они должны принадлежать в рамках теории речевых актов. Обозначенные вопросы решаются в рамках классификации речевых актов Дж. Серля и Дж. Остина. В центре внимания в статье находится иллокутивная цель и природа перлокутивного эффекта анализируемых высказываний. Рассматриваются объяснительные возможности классификации иллокутивных актов для описания свойств данных высказываний. Установлено, что описание таких высказываний в большей степени соответствует теории речевых актов Дж. Остина, согласно которой исследуемый тип высказываний должен быть признан вердиктами. Результаты, полученные в статье, актуальны для производства судебных лингвистических экспертиз в рамках тех категорий дел, которые связаны с инвективным функционированием языка.

K.I. Brinev, N.I. Tyukaeva. On the pragmatic properties of statements with an offensive nomination of a person (linguistic expertise and invective functioning of language). The article is devoted to the description of the pragmatic properties of statements with an offensive nomination of a person. The relevance of this problem is due to the lack of an answer to the question about the nature of the described speech acts in semantic and pragmatic terms, in particular, whether offensive speech acts are specific

speech acts and to which class or classes they should belong within the framework of the theory of speech acts, if they are such. The article focuses on the illocutionary purpose and the nature of the perlocutionary effect of the analyzed statements. The explanatory possibilities of J. Austin's and J. Searle's classification of illocutionary acts for describing the properties of these statements are considered. It has been established that the description of such statements is more in line with J. Austin's theory of speech acts, according to which the type of statements under study should be recognized as verdicts. The results obtained in the article are relevant for the production of forensic linguistic examinations within those categories of cases that are related to invective functioning of language.

Э.С. Денисова, Д.Е. Юминова. Специфика кино-/видеоперевода реалий китайской культуры на русский язык (на материале художественных фильмов). Проблема передачи национально-культурного своеобразия народа через язык обусловлена наличием в последнем особых лингвострановедческих единиц, к которым относятся реалии. Данная работа посвящена проблеме описания и систематизации реалий в такой специфической сфере переводческой деятельности, как кино-/видеоперевод. Объектом исследования выступили слова-реалии китайской культуры, предметом исследования — специфика их перевода на русский язык. Материалом исследования послужил исторический сериал «Троецарствие» на китайском языке с русскими субтитрами. Методологическую основу исследования составил метод дискурсивного анализа кинотекста, предложенный в работах Р.А. Матасова. Результаты исследования позволили систематизировать слова-реалии по тематическим группам, дать им лингвокультурологический комментарий, идентифицировать способ перевода слова-реалии и оценить его валидность по отношению к оригинальному кинотексту.

E. S. Denisova, D. E. Yuminova. Specifics of Film/Video Translation of the Realities of Chinese Culture into Russian (Based on the Material of Feature Films). The problem of transmitting the national and cultural identity of a people through language determined by the presence in the latter of special linguistic and cultural units, which include realia. This work is devoted to the problem of describing and systematizing realia in such a specific field of translation activity as film/video translation. The object of the study is the words-realities of Chinese culture, the subject of the study is the specifics of their translation into Russian. The material under research is the historical series *The Three Kingdoms in Chinese* with Russian subtitles. The methodological basis of the study is the method of discursive analysis of film

text, proposed in the works by R. A. Matasov. The results of the study make it possible to systematize the word-realia into thematic groups, give them a linguocultural commentary, identify the method of translating the word-realia and evaluate its validity in relation to the original film text.

А.С. Черкасова. Кристаллизация концепта MONEY в романе Р. Баха «Мост через вечность: история любви» («The bridge across forever: a lovestory»). Статья посвящена изучению процессов кристаллизации аксиологических доминант художественного дискурса, рассмотрению формирования смыслового наполнения концепта MONEY. Анализ контекстов в их последовательности и взаимодействии в романе Р. Баха «Мост через вечность: история любви» («The bridge across forever: a lovestory») позволяет понять формирование авторского концепта MONEY и показать влияние процессов кристаллизации на структурно-семантическую организацию текста и аксиологической системы. В результате MONEY предстает как средство к существованию, выступающее в качестве противовеса голоду, дающее спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. В то же время деньги выступают как источник проблем, в том числе на пути к обретению родственной души. Деньги, с одной стороны, являются объектом людских желаний в рамках земного существования, частью славы и вознаграждением за труд, властью, а с другой — причиной нарушения закона и всех зол на земле, источником многочисленных переживаний и расстройств. Автор приходит к выводу, что специфика процессов кристаллизации концепта MONEY воздействует на формирование смыслового мира романа Р. Баха.

A.S. Cherkasova. Crystallization of the Concept MONEY in R. Bach's Novel *The bridge across forever: a lovestory*. The article is devoted to the study of the axiological dominants crystallization in fictional discourse, the consideration of the formation of the semantic content of the concept MONEY. The analysis of the contexts in their sequence and interaction in R. Bach's novel *The Bridge across forever: a lovestory* allows us to understand the formation of the fictional concept MONEY and show the influence of crystallization processes on the formation of the text and the axiological system. As a result, MONEY appears as a means of livelihood, acting as a counterbalance to hunger, giving peace of mind and confidence in the future. At the same time, money is a source of problems, including those on the way to finding a soulmate. Money, on the one hand, is the object of human desires within the framework of earthly existence, a part of glory and reward for work, power, and on the other hand, the cause of the violation of the law and all the disasters on earth, the source of numerous worries and disorders.

The author comes to the conclusion that the specificity of the processes of concept crystallization determines the features of the functioning of fictional discourse.

Е.В. Михайловская, Ю.И. Щербинина. Особенности вертикального контекста современной британской короткой прозы. Статья посвящена исследованию вертикального контекста в современной британской короткой прозе как необходимой основы адекватного понимания художественного текста. В статье анализируются социально-исторический и филологический вертикальный контекст рассказов современных британских писателей, входящих в учебные пособия серии «Story Time. Contemporary British Short Stories in the EFL Classroom» (выпуски 1 и 2) для студентов гуманитарных факультетов вузов. Особое внимание уделяется таким значимым категориям вертикального контекста, как реалии, топонимы, антропонимы, социальное положение, аллюзии. В статье делается вывод о необходимости изучения вертикального контекста и обучения этому студентов для достижения адекватного понимания художественного текста, в том числе за счет включения соответствующих практических заданий в методические и учебные пособия. Авторы обращают особое внимание на тенденцию к реструктуризации вертикального контекста за счет сокращения количества аллюзий на классические произведения английской классической поэзии, античных авторов и включения прецедентных имен и аллюзий на феномены современной массовой культуры.

E. V. Mikhailovskaya, Yu. I. Scherbinina. The Vertical Context of Contemporary British Short Prose. The article is devoted to the study of vertical context in contemporary British short prose as the necessary prerequisite for the appreciation and accurate interpretation of fiction. The paper focuses on the socio-historical and philological vertical context of the short stories by contemporary British writers, which comprise Volumes I and II of “Story Time. Contemporary British Short Stories in the EFL Classroom”, a series of textbooks for tertiary education. The paper highlights realia, toponyms, anthroponyms, textual elements referring to characters’ social background and allusions as the most significant categories of vertical context. The authors draw the conclusion that the study of vertical context is of primary importance for achieving adequate understanding of literary texts and thus needs to be taught through practical assignments designed for students reading contemporary prose. They also comment on the current trend that consists in the restructuring of vertical context by shifting from allusions to classics to alluding to contemporary mass culture, quoting contemporary precedent names and titles.

В.Б. Семёнов. Анонимная английская поэма XIV в. «The King of Tars»: ксенофобия как модальность сюжетных и языковых мотивов. Эта статья является пилотным исследованием содержательных особенностей английского рыцарского романа «Король Тарса» и описанием основных черт его поэтики. Эта эпическая поэма по сей день пребывает в статусе недооцененной англоязычными литературоведами и практически неизвестной отечественным исследователям, поэтому одной из целей статьи является выделение наиболее ярких свойств сюжетного и языкового слоев текста, которые в дальнейшем могли бы привлечь исследователей. Особое внимание уделяется способам решения идеологической задачи, которая стояла перед анонимным автором, тем сюжетным и словесным мотивам, которые материализовали противопоставление сарацин христианам. В частности, это создание образов сарацин с помощью экзотических номинаций, анималистического речевого описания и символизации черного цвета для выражения их «языческой» веры. Основным результатом исследования явилась фиксация направленности текста на разжигание ксенофобии среди английских читателей. Побочным результатом стало выявление зеркальной симметрии как организующего структурного принципа данного текста.

V.B. Semenov. Anonymous English Poem of the 14th century *The King of Tars*: Xenophobia as a Modality of the Plot and Language Motives. This article is a pilot study of the content features of the English tale of chivalry *King of Tarsus* and a description of the main features of its poetics. To this day the epic poem remains in the status of underestimated by English-speaking literary critics and unfamiliar to Russian linguists. One of the purposes of the article is to highlight the most striking features of the plot and language of the text, which could further attract some researchers. Particular attention is paid to the ways of solving the ideological task that the anonymous author faced, those plot and verbal motives that materialized the opposition of the Saracens to the Christians. It involves the creation of images of the Saracens with help of exotic nominations, animalistic speech description and black color symbolization to express their “pagan” faith. The main result of the study is defining the text’s focus on inciting xenophobia among English readers. The identification of symmetry as the organizing structural principle of this text is another result of the research.

Е.В. Тырышкина, Г.М. Маматов. Творчество Р. Вагнера в художественной рецепции Б. Поплавского. В статье исследуется рецепция наследия композитора, философа и реформатора оперы Р. Вагнера в творчестве Б. Поплавского. Поэт опирается на Вагнера и симво-

листов в том, что касается единства всех элементов бытия в Мировой Симфонии (вагнеровская концепция *Gesamtkunstwerk*). Для символистов важна витальная теургическая сила музыки, связанная с преобразованием и созиданием. Поплавский перенимает мысль о Мировой Симфонии и идею об объединяющей силе музыки, но в своем понимании природы этого единства он уходит от традиции. Для него слияние разнородных элементов бытия рассматривается через призму близкой ему хронологически феноменологической теории о музыке-времени, возникающей в хаосе и постоянно исчезающей в пучине некой трансцендентной силы, названной им Абсолютом. Поплавский является фигурой переходной в истории русской культуры. С одной стороны, поэт оказывается наследником идей Р. Вагнера и русских символистов, а с другой — его идеи о музыке-времени соотносятся с идеями западноевропейской философии 1920–1930-х гг.

E.V. Tyryshkina, G.M. Mamatov. The Oeuvre of R. Wagner in Boris Poplavsky's Creative Reception. The paper is a study of how the heritage of composer, philosopher and opera reformer Richard Wagner is perceived in the works by poet Boris Poplavsky. The poet appeals to Wagner and symbolists in what he refers to as the integrity of all the elements of being in the World Symphony (Wagner's concept of *Gesamtkunstwerk*). Symbolists highly valued the vital theurgic force of music, connected with transformation and creation. Poplavsky embraces the concept of the World Symphony and the idea of the integrating power of music, but in his understanding of the nature of this unity, he is far from being traditionalist. He views the fusion of the heterogeneous elements of being through the prism of the congenial phenomenological theory of music-time, emerging in chaos and perpetually vanishing in the depths of a certain transcendental force he named The Absolute. Poplavsky is a transitional figure in the history of the Russian culture. On the one hand, the poet proves to be a successor to the ideas of Richard Wagner and the Russian symbolists, and on the other hand, his ideas of music-time are related to the spirit of the western European philosophy of the 1920–1930-ies.

А.С. Шмакотина. Стихотворение как текст и как песня (на материале лирики И. Бродского 70-х и 80-х годов). Целью статьи является анализ концепции поэта и поэзии И. Бродского. Уточняются особенности структуры коммуникации в его лирике 70-х и 80-х годов, раскрывается характерное для его поэтологической модели разграничение звучащего и письменного слова. Автор приходит к выводу, что в основе оппозиции устной и письменной форм поэтической речи у Брод-

ского лежит противопоставление звучания и молчания, в его онтологической модели соответствующих бытию и небытию. Создание письменного текста представляет собой проецирование собственной личности в особое текстовое пространство. Письменная форма поэтического текста связана с образом идеальной языковой реальности, которая в иерархическом устройстве мира занимает высшее положение, но в то же время и уподобляется небытию, поэтому при жизни поэт имеет к ней лишь частичный доступ. Воспроизведение стихотворения в устной форме коррелирует с образом реальной действительности и представляет собой распространение голоса поэта в живом мире.

A.S. Shmakotina. Poem as Text and as Song (Case Study of J. Brodsky's Lyric Poetry of the 1970s and 1980s). The article focuses on the analysis of J. Brodsky's concept of poet and poetry. The author clarifies the peculiarities of the structure of communication in Brodsky's lyric poetry of the 70s and 80s, and reveals the distinction between the sounding and written words characteristic of his poetological model. The author concludes that the opposition of oral and written forms of poetic speech in Brodsky's works is based on the opposition of sound and silence, corresponding to being and non-being in his ontological model. The creation of a written text is the projection of one's own personality into a special textual space. The written form of the poetic text is associated with the image of an ideal linguistic reality, which occupies the highest position in the hierarchical structure of the world, but at the same time is likened to non-existence; therefore, during his life the poet has only partial access to it. The reproduction of a poem in oral form correlates with the image of reality and represents the spreading of the poet's voice in the living world.

Л.Е. Ильина, Л.В. Ромасенко. Антропология и этнология как научные основы изучения народного творчества: на примере исследований французских ученых. Формированию антропологии и этнологии в Европе в конце XVIII в. способствовало накопление практического материала и выдвигаемые теоретические обоснования изучения человека и человеческих сообществ во всех аспектах. Исследования народного творчества (фольклора) остаются актуальными в настоящее время; глобализация, развитие технологий, средств массовой информации и коммуникаций стали факторами возникновения современного фольклора. Произведения народного творчества и современного фольклора отражают менталитет, культуру и традиции народа, развитие языка и литературы, изменения в общественных структурах и ценностях общества. Научной основой изучения народного творчества являются

антропология и этнология. Цель данной статьи — привлечь внимание исследователей к работам французских ученых и показать спектр антропологических исследований социально-культурного контекста возникновения и существования фольклора. В статье представлены этапы становления антропологии с примерами из работ французских ученых, многие из которых мало известны в России. В заключение делается вывод, что антропологический и этнологический подходы позволяют изучать фольклор и его роль в динамике культуры и истории.

L.E. Ilyina, L.V. Romasenko. Anthropology and Ethnology as Scientific Bases for Studying Folk Art: as Illustrated by French Researchers. The development of anthropology and ethnology in Europe of the late 18th century was facilitated by accumulation of practical material which provided grounds to study the human and human communities at various angles. Studies of folk art (folklore) remain relevant at present; globalization, the development of technology, mass media and communications have become factors to promote modern folklore. The works of folk art and modern folklore reflect the mentality, culture and traditions of the people, the development of language and literature, changes in social structures and values of society. The scientific basis for the study of folk art is anthropology and ethnology. The purpose of this article is to draw attention of researchers to the works of French scientists and show the range of anthropological studies concerning socio-cultural context of emergence and existence of folklore. The article presents the stages anthropology development with examples from the works of French scientists, many of which are little known in Russia. Finally, it is concluded that anthropological and ethnological approaches make it possible to study folklore and its role in the dynamics of culture and history.

М.В. Крат. «Ложные друзья переводчика» в финансово-экономическом лексиконе (на материале английского и русского языков). В данной статье рассматривается категория слов, получивших определение «ложных друзей переводчика», которые могут вызвать обманчивые ассоциации с единицами родного языка и, соответственно, приводят к многочисленным ошибкам в процессе перевода. Наряду с термином «ложные друзья переводчика» используется также получивший широкое распространение термин «межъязыковые омонимы» для обозначения слов, совпадающих или близких по звучанию и внешнему оформлению, но различающихся частично или полностью по значению. Цель исследования заключается в выявлении специфики перевода межъязыковых омонимов из финансово-экономической сферы на материале английского и русского языков. Проводится структур-

но-семантический и сопоставительный анализ «ложных друзей переводчика» в современной бизнес-терминологии. Актуальность выбранной темы объясняется тем, что межъязыковые омонимы, появившиеся в результате взаимовлияния языков и исторических связей или случайных совпадений, часто приводят к серьезным ошибкам при переводе и нарушают процесс коммуникации.

M.V. Krat. “The Translator’s False Friends” in the Financial and Economic Lexicon (Based on the Material of English and Russian Languages). This article discusses the category of words that have received the definition of “the translator’s false friends” and can cause deceptive associations with the units of the native language and, accordingly, lead to numerous errors in the translation process. Along with the term “the translator’s false friends”, the widely used term “interlanguage homonyms” is also applied to denote words that coincide or are similar in sounding and the way they look, but differ partially or completely in their meaning. The aim of the research is to identify the translation specifics of interlanguage homonyms from the financial and economic sphere on the material of English and Russian languages. The structural-semantic and comparative analysis of “the translator’s false friends” in modern business terminology is carried out. The topicality of the chosen subject is explained by the fact that interlanguage homonyms, resulting from the mutual influence of languages and historical links or pure coincidences, often lead to serious errors in translation and disrupt the process of communication.

О.А. Калашникова, А.В. Самойлова. Особенности фразеологической лексики англоязычного военно-политического дискурса. Данное исследование посвящено описанию фразеологической лексики английского языка и определению ее функционального потенциала в медийном военно-политическом дискурсе. Особое внимание уделяется ключевым коммуникативным стратегиям, характерным для англоязычного военно-политического дискурса, а также лингвистической составляющей, в частности фразеологическим средствам выразительности, способствующим их внедрению. Представленная структурная типология позволила определить наиболее частотные формы фразеологической лексики, используемые в проанализированных англоязычных массмедийных ресурсах. Анализ семантики отобранной в ходе исследования лексики показал ее преимущественно отрицательную оценочную коннотацию. Практическая значимость исследования состоит в возможности использовать предложенное описание семантических, структурных и функциональных особенностей фразеологии в непо-

средственной профессиональной деятельности военных переводчиков. Результаты исследования свидетельствуют об инвариантных компонентах концептуальной сферы военного конфликта, транслируемых в англоязычных СМИ и выраженных посредством реализации номинативной, эмотивной, эмоционально-оценочной и прагматической функций фразеологической лексики.

О.А. Kalashnikova, A.V. Samoylova. Characteristics of Phraseological Lexis in English Military-Political Discourse. The research is devoted to the description of English phraseological lexis and determination of its features in media military-political discourse. The research presents the analysis of the term “military-political discourse” with its defining characteristics and esteems the specificity of the USA mass media military-political discourse based on the principle of semantic antithesis and characterized by the evident conflict-generating potential. The presented structural typology determines the most frequent forms of phraseological lexis used in the analyzed mass media resources. The semantic analysis of the sampled lexis illustrates its predominantly negative evaluative connotation. The practical significance of the study shows the options to apply the suggested description of phraseology in teaching military interpreters. The results of the study testify the invariant components of military conflict concept sphere and reveal their structural and functional characteristics by means of phraseology.

А.И. Куляпин. Край света в центре Азии: Барнаул в романе Сергея Залыгина «После бури». Город Барнаул и река Обь, на которой он стоит, предстают в последнем романе С. Залыгина «После бури» (1982–1985) сразу под двумя именами: собственно как «Барнаул» и «Обь», но преимущественно, как «Аул» и «Река». Замена реального Барнаула на вымышленный «Аул» призвана подчеркнуть переход из географического в метафизическое пространство. Действие романа разворачивается в экзистенциальном хронотопе: аульцы обитают «на границе между быть и не быть». Залыгин искусно обыгрывает факты из реальной истории Барнаула, превращая их в элементы геопозитического мифа. Своеобразие залыгинского «Аула» в том, что это «Европа в Азии» и «Азия в Европе». Здесь двадцатый век соседствует со Средневековьем. Однако в богатом на революционные потрясения 1917 году хрупкий баланс сил был нарушен. Надежда на осуществимость евразийского синтеза сгорела в огне катастрофического пожара, который учинил в Барнауле-Ауле главный городской брандмейстер. Примечательно, что в «Ауле» создается «единственная в мире “Книга Ужасов”». Город, расположенный на «границе двух миров — известного и неизвестного», оказывается самым подходящим местом для ее хранения.

A.I. Kulyapin. The Edge of the World in the Center of Asia: Barnaul in Sergey Zalygin's Novel "After the Storm". The city of Barnaul and the Ob River, on which it stands, appear in S. Zalygin's last novel "After the Storm" (1982–1985) under two names at once: actually as "Barnaul" and "Ob", but mainly as "Aul" and "River". Replacement of real Barnaul with a fictional "Aul" is designed to emphasize the transition from geographical to metaphysical space. The novel takes place in an existential chronotope: the inhabitants of the city "Aul" live "on the border between being and not being." Zalygin skillfully plays up facts from the real history of Barnaul, turning them into elements of a geopoetic myth. The peculiarity of "Aul" by Zalygin is that it is "Europe in Asia" and "Asia in Europe". Here the twentieth century is adjacent to the Middle Ages. However, in 1917, rich in revolutionary upheavals, the fragile balance of power was disrupted. The hope for the feasibility of the Eurasian synthesis burned down in the flames of a catastrophic fire, which was caused in Barnaul-Aul by the chief city fire chief. It is noteworthy that "the only Horror Book in the world" is being created in the "Aul". A city located on the "border of two worlds — the known and the unknown" turns out to be the most suitable place to store it.

Т.А. Богумил. Сибирь как пространство (анти)утопии в творчестве В. Сорокина. Пространство Сибири и Алтая, являясь традиционным локусом для размещения (анти)утопий, закономерно используется В. Сорокиным как экспериментальная база для историко-культурно-социальных моделей. Объект исследования в настоящей работе — сибирский текст Сорокина с акцентом на образе Алтая. Предмет исследования — сибирские утопические мотивы и хронотопы. Цель статьи — обозначить авторскую трансформацию канонических для сибирского текста мотивов и образов, имеющих утопическую составляющую. Сибирь Сорокина ценностно дифференцирована, в ней размещаются амбивалентные утробно-утопические локусы, генерирующие либо уничтожающие некую ценность (вещество / предмет / существо), которая, в свою очередь, спасительна или губительна для персонажа. Алтай обычно связан с положительными смыслами. Намечен выход из постапокалиптического ретро-футуристического (анти)утопического мира в пространство менее умозрительное и совершенное, но более реальное

T.A. Bogumil. Siberia as a space of (anti)utopia in the work of V. Sorokin. The space of Siberia and Altai, being a traditional locus for placing (anti)utopias, is naturally used by V. Sorokin as an experimental base for historical, cultural and social models. The object of study in this work is the Siberian text of Sorokin, with an emphasis on the image of Altai. The subject

of the research is Siberian utopian motifs and chronotopes. The purpose of the article is to designate the author's transformation of motifs and images that are canonical for the Siberian text and have a utopian component. Sorokin's Siberia is value-differentiated, it contains ambivalent uterine-utopian loci that generate or destroy a certain value (substance / object / creature), which in turn is saving or destructive for the character. Altai is usually associated with positive meanings. A way out of the post-apocalyptic retro-futuristic (anti)utopian world into a space less speculative and perfect, but more real is planned.

Г.М. Алтынбаева. Проблема взаимоотношений человека и искусственного интеллекта в романах Виктора Пелевина «S.N.U.F.F.», «iPhuck 10», «TRANSHUMANISM Inc.». В статье проанализирован взгляд В.О. Пелевина на взаимодействие человека и искусственного интеллекта, показано, в чем писатель видит риски цифровизации; каковы допустимые границы влияния машин и сети на жизнь и будущее человека; есть ли / нужен ли выход из глобальной зависимости от деятельности искусственного интеллекта. В романах XXI в. Пелевин дает сатирический портрет современного общества, обращает внимание на пути спасения от тотальной машинной зависимости, показывает перспективы и риски «нового гуманизма» в XXI в. В результате проведенного исследования трех романов выделены пять основных сходных черт, определяющих проблему взаимоотношений человека и искусственного интеллекта в восприятии Пелевина. Тема представлена на сюжетном, проблемно-тематическом и стилистическом уровнях. Специальное внимание обращено на нравственно-философские размышления современного знакового писателя, представленные в первую очередь через героев. Материалом исследования стали романы Пелевина «S.N.U.F.F.», «iPhuck 10», «TRANSHUMANISM Inc.».

G.M. Altynbaeva. The Relationship between Human and Artificial Intelligence in Victor Pelevin's Novels "S.N.U.F.F.", "iPhuck 10", "TRANSHUMANISM Inc.": The article analyzes V.O. Pelevin's view on the human and artificial intelligence interaction and highlights the risks of digitalization that the writer identifies. The article also attempts to answer two questions: what are the permissible limits of the influence machines and networks exert on human life and future and is there a way out of global dependence on artificial intelligence? Pelevin presents a satirical portrait of modern society; draws attention to the ways of salvation from total machine dependence; shows prospects and risks of the XXI century "new humanism". The research has revealed five main similarities which identify Pelevin's idea

of the relationship between man and artificial intelligence. The theme is presented at the plot, problem-thematic and stylistic levels. Special attention is paid to Pelevin's moral and philosophical reflections. The research is based on three Pelevin's novels: "S.N.U.F.F.", "iPhuck 10", "TRANSHUMANISM Inc."

Т.А. Семилет. Культура написания художественного текста: нормы, принципы, правила. Рецензия на книгу Е. Звонцовой «Причеши меня. Твой текст. Редактура художественной прозы: от стиля до сюжета». М.: Издательство МИФ, 2022. 352 с. Рецензия посвящена анализу и оценке книги писателя и редактора Екатерины Звонцовой «Причеши меня. Твой текст. Редактура художественной прозы: от стиля до сюжета». В рецензии отмечаются достоверность, яркость и живость изложения, которые во многом достигаются благодаря персонификации и зооморфизации описываемых элементов и построению текста вокруг расширенной метафоры лохматого пса, которого нужно причесать. Отмечаются языковое мастерство автора и умение давать точные определения терминам, используемым в книге, полезность приложений, в которых автор дает рекомендации писателю от философии языка до форматирования текста, формулирует общие законы, по которым живут язык, речь и стиль; учит создавать карты воображаемых земель.

T.A. Semilet. Standards of Fiction Writing: Norms, Principles, Rules. Review of the Book by E. Zvontsova «Comb Me. Your Text. Editing Fiction: from Style to Plot». M.: Myth Publishing House, 2022. 352 p. The article is the review of the book «Comb me. Your text. Editing fiction: from style to plot» written by the writer and editor Ekaterina Zvontsova. The reviewer notes plausibility along with brightness and vivacity of the text which appear due to personification and zoomorphization of the elements and organizing the text around the core metaphor of a shaggy dog that needs combing. Mastery of language and definitions is mentioned as the advantage of the book along with the usefulness of chapter appendices in which the author guides fiction writers from philosophy of language to text formatting, formulates five general laws of language, speech and text and teaches how to plot imaginary lands on a map.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2023 ГОД

Статьи

- М.В. Батюшкина.** Государственный язык: дискуссионные вопросы исследования 3
- М.С. Богославцева, Л.И. Миляева.** Английский язык теологии и его специфика 2
- К.И. Бринев, Н.И. Тюкаева.** О прагматических свойствах высказываний с оскорбительной номинацией лица (лингвистическая экспертиза и инвективное функционирование языка) 4
- О.И. Ванюшкина.** Роль экстралингвистических факторов в формировании лексико-семантической группы «Твердость (Мужество)» в английском и испанском языках XIII–XV вв. 3
- К.Д. Войцех.** Роль внутреннего контекста кинематографического произведения в создании и понимании языковой игры (на материале телесериалов “The Sandman”, “Anne with an E” и “Shadow and Bone”)..... 2
- И.А. Гаврилова.** Метафорический перенос как способ образования профессиональных жаргонизмов юристов стран англосаксонской правовой семьи 1
- Н.Д. Голев, Н.Б. Лебедева.** Филология как социальная деятельность. Часть 1: О профессии «филолог» и высшем филологическом образовании в России..... 4
- М.П. Гребнева.** Реминисценции и автореминисценции в трех ранних редакциях поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» 3
- М.С. Дедина.** Авторская картина мира в лирике Карана Кошева.....1
- Э.С. Денисова, Д.Е. Юминова.** Специфика кино-/видеоперевода реалий китайской культуры на русский язык (на материале художественных фильмов) 4
- В.В. Десятов.** Образы эпох и исторических периодов в русской культуре XX века. Основные действия 3
- Л.А. Джелалова.** Русские пословицы в индивидуальном коммуникативном пространстве модели [A<B]..... 3
- Д.Н. Дюскенев.** Очерк В.Г. Короленко «У казаков» в дискурсе русского ориентализма 1
- А.Э. Ефремова.** Английский язык методом цифровой печати как форма визуального языка и альтернативный способ коммуникации (на примере надписей и принтов на одежде и обуви) 2

М.В. Задорина. Речевой жанр «кулинарный рецепт» в телевизионном дискурсе.....	1
Л.Е. Ильина, Л.В. Ромасенко. Антропология и этнология как научные основы изучения народного творчества: на примере исследований французских ученых	4
О.В. Каркавина. Стилистический потенциал аллюзивных включений в романе Джоанн Харрис «Шоколад»	1
И.Н. Клевакина, Н.В. Мельник. Лингвоперсонологическое осмысление аксиологических доминант профессионального кинокритика.....	2
Ю.Ю. Кравинская, Е.М. Караваяева. Проблема идентичности в контексте критического изучения постколониальной литературы.....	2
А.И. Куляпин. Психобиография вождя: Ленин в рассказах для детей Михаила Зощенко	2
А.А. Кухтенкова. Модусы перцепции: парижская нота как символ эмиграции в романе Г.И. Газданова «Ночные дороги»	1
С.А. Макарова. Непрямая анафорическая референция в англоязычном журналистском дискурсе (на материале жанра некролога).....	3
Е.В. Михайловская, Ю.И. Щербинина. Особенности вертикального контекста современной британской короткой прозы	4
Е.А. Московкина. Образ церкви и архитектурный экфрасис в рассказах В.М. Шукшина.....	3
Л.А. Нефедова, Н.В. Полонянкина. Способы создания гендерной идентичности женщины-политика в современном политическом дискурсе (на примере прозвищного наименования <i>the iron lady / die eiserne Lady</i> и его модификаций в немецком языке).....	1
В.Б. Семёнов. Анонимная английская поэма XIV в. «The King of Tars»: ксенофобия как модальность сюжетных и языковых мотивов	4
Ю.С. Серягина. Переводчики с немецкого языка в газете «Южное обозрение» рубежа XIX–XX вв.....	3
К.В. Смирнов. Искусители, жертвы, свои и чужие в пьесе А.Н. Островского «Таланты и поклонники»	2
Е.В. Тырышкина, Г.М. Мамагов. Творчество Р. Вагнера в художественной рецепции Б. Поплавского.....	4
А.В. Уржа, В.В. Скворцова. Функции культурно-коннотированной лексики в повести В. Пелевина «Принц Госплана» (на фоне англоязычного перевода).....	1
А.С. Черкасова. Кристаллизация концепта MONEY в романе Р. Баха «Мост через вечность: история любви» («The bridge across forever: a lovestory»).....	4

А.С. Шмакотина. Стихотворение как текст и как песня (на материале лирики И. Бродского 70-х и 80-х годов)	4
Н.Ю. Шнякина. Репрезентация количественного аспекта абстрактных объектов в немецком инженерном дискурсе (на примере сложных имен существительных)	2

Научные сообщения

Г.М. Алтынбаева. Проблема взаимоотношений человека и искусственного интеллекта в романах Виктора Пелевина «S.N.U.F.F.», «iPhuck 10», «TRANSHUMANISM Inc.»	4
С.В. Беликов. Роль ассоциативного эксперимента в формировании лингвокультурного концепта «ХАРБИН»	2
Т.А. Богумил. Сибирь как пространство (анти)утопии в творчестве В. Сорокина	4
В.Т. Веред. Идиостиль Андрея Колесникова как автора репортажного жанра	3
Г.Е. Енсебай, А.С. Демченко. Пенталогия А. Ж. Жаксылыкова «Сны окаянных» в исследованиях казахстанских ученых	3
О.А. Калашникова, А.В. Самойлова. Особенности фразеологической лексики англоязычного военно-политического дискурса	4
И.М. Клокова. Семиотика дачного пространства в романе Д. Бобылевой «Вьюрки»	2
А.Е. Козлов. «Мыза Булгарина» Ф.В.Б.: к вопросу о свойствах паралитературы	1
М.В. Крат. «Ложные друзья переводчика» в финансово-экономическом лексиконе (на материале английского и русского языков)	4
А.И. Куляпин. Край света в центре Азии: Барнаул в романе Сергея Залыгина «После бури»	4
Т.А. Ленкова. Лид — структурный элемент статьи и самодостаточный текст	1
Г.И. Лушникова, Т.Ю. Осадчая. Синтез документального и художественного кодов в повести Дэйва Эггерса «Монах из Мохи»	1
Г.М. Маматов. Образы огня и света в цикле Вильгельма Мюллера «Зимний путь»	2
Д.Р. Миниярова, А.В. Уразметова. Годонимическая система Лондона как отражение культурно-языкового ландшафта	2
Л.Ф. Мишина. Специфика языкового выражения концепта “insularity” («островное мышление») в британском варианте английского языка	1

Д.А. Тюлин. Дэвид Боуи и Т.С. Элиот: к постановке проблемы поэтической «персоны»	3
С.Н. Усманова, Д.А. Хамраева. Сопоставительная классификация омонимов в русском и узбекском языках.....	2
Л.Г. Хабибуллина. Семантико-синтаксические отношения, выражаемые деепричастными формами, в татарском языке	3
Цзи Паньсинь. Предпосылки рецепции А.И. Герцена в Китае в начале XX века.....	1
В.А. Черванёва. «Здесь вам не тут»: некоторые замечания о дейксисе устных мифологических рассказов	1
И.А. Широких. Эмотивный потенциал риторических вопросов и его реализация в текстах англоязычных песен	2
Д.А. Щуков. Влияние творчества В.А. Жуковского на концепцию повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»	1

Люди. Факты. События

Н.В. Бубнова. Юбилей Международной научной конференции «Ономастика Поволжья»	1
Т.А. Семилет. Культура написания художественного текста: нормы, принципы, правила. Рецензия на книгу Е. Звонцовой «Причеши меня. Твой текст. Редактура художественной прозы: от стиля до сюжета». М.: Издательство МИФ, 2022. 352 с.	4
Т.А. Сироткина. Человек в языке и культуре (по итогам работы I Международной конференции «Язык культуры и культура языка»)	2
Т.В. Чернышова. Сетевой текст и проблемы его лингвоэкспертного анализа (итоги круглого стола «Лингвоэкспертные исследования конфликтности в интернет-коммуникации»)	3

НАШИ АВТОРЫ

- АЛТЫНБАЕВА,
Гульнара
Монеровна — доктор филологических наук, профессор Саратовского
национального исследовательского государственного
университета им. Н.Г. Чернышевского.
E-mail: altynbaevagm@sgu.ru
- БОГУМИЛ,
Татьяна
Александровна — кандидат филологических наук, доцент Алтайского
государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: tbogumil@mail.ru
- БРИНЕВ,
Константин
Иванович — доктор филологических наук, профессор Хэнаньского
университета (Кайфэн).
E-mail: brinevk@yandex.ru
- ГОЛЕВ,
Николай
Данилович — доктор филологических наук, профессор Кемеровского
государственного университета.
E-mail: ngolevd@mail.ru
- ДЕНИСОВА,
Эльвира
Степановна — кандидат филологических наук, доцент Кемеровского
государственного университета.
E-mail: elvdenisova@yandex.ru
- ИЛЬИНА,
Лариса
Евгеньевна — кандидат педагогических наук, доцент Оренбургской
духовной семинарии Оренбургской епархии Русской
православной церкви.
E-mail: nerol2620@mail.ru
- КАЛАШНИКОВА,
Ольга
Анатольевна — кандидат педагогических наук, доцент
Краснодарского высшего военного авиационного
училища летчиков.
E-mail: olga.eng@inbox.ru
- КРАТ,
Марина
Вадимовна — кандидат филологических наук, доцент Пятигорского
государственного университета.
E-mail: maureen_k@mail.ru
- КУЛЯПИН,
Александр
Иванович — доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: iskander58@mail.ru
- ЛЕБЕДЕВА,
Наталья
Борисовна — доктор филологических наук, профессор Кемеровского
государственного университета.
E-mail: nlebedevab@yandex.ru
- МАМАТОВ,
Глеб
Максимович — аспирант Новосибирского государственного
педагогического университета.
E-mail: g.m.mamatov@yandex.ru

- МИХАЙЛОВСКАЯ, Екатерина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: morleyka@mail.ru
- РОМАСЕНКО, Лидия Владимировна — старший преподаватель Оренбургского государственного медицинского университета.
E-mail: romasenko.lida15@mail.ru
- САМОЙЛОВА, Антонина Вадимовна — кандидат филологических наук, доцент Кубанского государственного университета (Краснодар).
E-mail: antina@inbox.ru
- СЕМЕНОВ, Вадим Борисович — кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: vadsemionov@mail.ru
- СЕМИЛЕТ, Тамара Алексеевна — доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: 7let@mail.ru
- ТЫРЫШКИНА, Елена Викторовна — доктор филологических наук, профессор, доцент Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: elena.tyryshkina@gmail.com
- ТЮКАЕВА, Надежда Ивановна — кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: tukaewa1@mail.ru
- ЧЕРКАСОВА, Анастасия Сергеевна — ассистент кафедры иностранных языков Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет).
E-mail: anastasiia_cherkasova95@mail.ru
- ШМАКОТИНА, Анна Сергеевна — старший преподаватель Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки.
E-mail: kabaikinanna@mail.ru
- ЩЕРБИНИНА, Юлия Игоревна — кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: y.i.shcherbinina@yandex.ru
- ЮМИНОВА, Дарья Евгеньевна — студентка Кемеровского государственного университета.
E-mail: yuminova16@mail.ru

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 45 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения — до 28 тыс. знаков с пробелами, другие материалы — до 10 тыс. знаков с пробелами). Для аспирантов — объем не более 20 тыс. знаков с пробелами.

2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf — True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.

3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.

4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.

5. Библиографическое описание научных изданий (Библиографический список) оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания — учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Ненаучные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы.

6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987a]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитата дается на языке оригинала (при необходимости — с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, поддающихся библиографическому описанию), блоги, форумы и т.п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных примечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).

7. Статьи следует отправлять в редакцию через электронный портал «Научные журналы АлтГУ» по адресу: <http://journal.asu.ru/pm/information/authors>. К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта.

Наличие адреса электронной почты обязательно!

8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы и References.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте.

2. Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает только основной текст материала — без аннотаций и библиографического списка.

3. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.

Периодическое издание

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

№ 4 2023

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство ПИ № ФС77–81381 от 16.07.2021 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Технический редактор Т. Б. Беломестнова
Подготовка оригинал-макета А. А. Карпов

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс с 36795 в каталоге Урал-Пресс
Цена свободная

Подписано в печать 05.12.2023.

Дата выхода издания в свет 11.12.2023.

Формат 60×84/16. Гарнитура Minion Pro. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 13,0. Тираж 100 экз. Заказ № 775

Издательство Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Типография Алтайского государственного университета 656049,
Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66